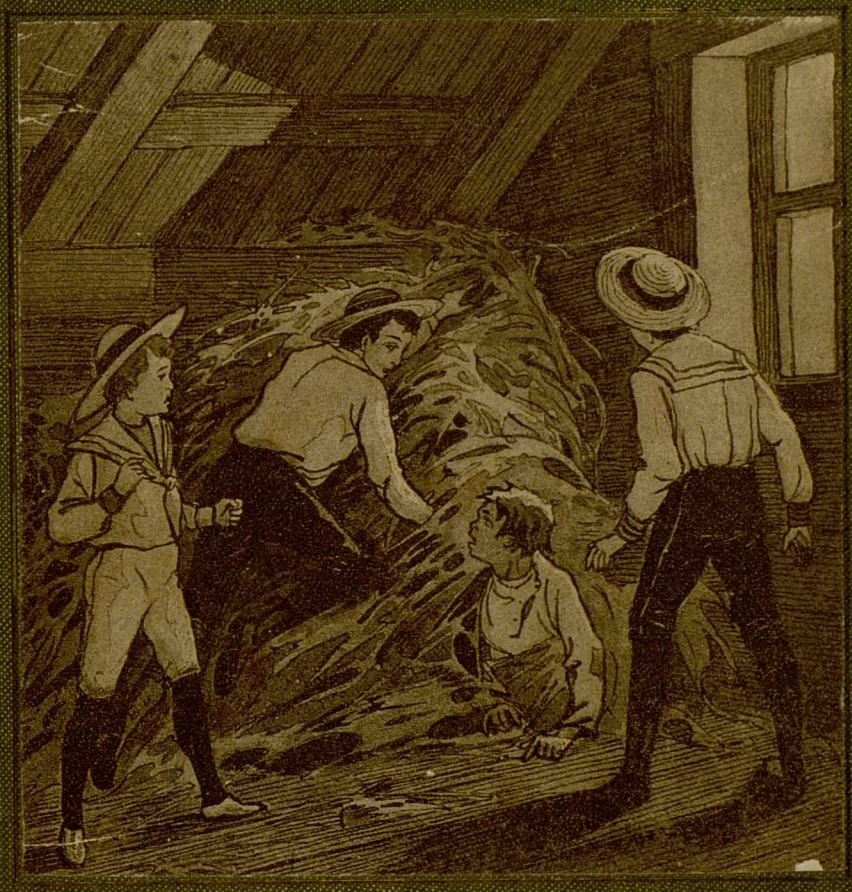


Л. А. ЧАРСКАЯ

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

Проверено 1950

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ

Пока дорога шла полемъ...

5234

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 25 ориг. отдѣльными картинами И. В. Симанова

Гос. Публичная Библиотека

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Пбургъ • Москва •

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И ДѢТЕЙ:

Записки институтки.
Княжна Джаваха.
Люда Влассовская.
Вторая Нина.
За что?
Смѣлая жизнь.
Газаватъ.
Пажъ цесаревны.
Евфимія Старицкая.
Лизочкино счастье.
Записки сиротки.
Тасино горе.
Записки мал. гимназистки.
Первые товарищи.
Юркинъ хуторокъ.
Четыре Вика.
Проданный талантъ.
Домъ шалуновъ.
Веселая Дюжинка.
Когда мы были маленькіе.
Сказки голубой феи.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ Спб., Вас. Остр., 16 л., № 5—7.

ГЛАВА I.

Семейство Волгиныхъ.

ДИНЬ! Динь! Динь! Динь!—бойко заливается-звенитъ колокольчикъ.

— Топъ! Топъ! Топъ! Топъ!—выстукиваютъ по пыльной, неровной дорогѣ копыта лошадей.

— Тпрууу!—выкрикиваетъ рослый, полный кучеръ, важно возсѣдающій на козлахъ, и тройка останавливается у крыльца господскаго дома.

Два кудрявыхъ, черноглазыхъ мальчугана поспѣшно выскочили изъ экипажа, за ними выпрыгнулъ третій, рыженькій и блѣднолицый, съ крошечнымъ личикомъ фарфоровой куколки. Слѣдомъ за дѣтьми изъ коляски легко спустился еще не старый, но съ замѣтной просѣдью господинъ. Онъ помогъ выйти толстой маленькой женщинѣ въ чепчикѣ на головѣ и въ клѣтчатомъ платкѣ на плечахъ, и высокенькой, тоненькой и блѣдной дѣвочкѣ, лѣтъ двѣнадцати на видъ, съ бѣлокурыми, отливающими золотомъ кудрями и съ кроткимъ, миловиднымъ личикомъ, напоминающимъ прекрасныя лица ангеловъ, изображаемыхъ на картинахъ.

Навстрѣчу вновь прибывшимъ изъ дома выбѣжалъ приказчикъ—онъ же и управляющій усадьбой, сѣдой старикъ Андронъ, и съ низкими поклонами привѣтствовалъ господъ.

— Милости просимъ! милости просимъ! Пожалуйте, ваше превосходительство! Барышня! Господа молодые! Заждались васъ. Заждались. Съ пріѣздомъ! Наконецъ-то пожаловали!—говорилъ онъ, ласково кивая и улыбаясь пріѣзжимъ.

— Здравствуй, Андронушка! Здравствуй!—ласково отвѣчалъ старику сѣдой господинъ, котораго звали Юріемъ Денисовичемъ Волгинымъ и который былъ отцомъ двухъ черноглазыхъ мальчиковъ—Сережи и Юрки, рыженькаго Бобки и бѣлокурой Лидочки, похожей на ангела.—Ну, веди насъ въ домъ, показывай новое хозяйство. Да прикажи, голубчикъ, намъ самоваръ поставить: съ дороги и закусить не мѣшаетъ и чайку напиться.

— Какъ-же, какъ-же, ваше превосходительство!—засуетился Андронъ. — Все сдѣлано. Пожалуйте въ столовую.

И онъ торопливо зашагалъ впереди господъ, указывая имъ дорогу.

Они миновали рядъ комнатъ, маленькихъ, уютныхъ, уставленныхъ простой, но изящной мебелью. Дѣти съ любопытствомъ разглядывали все, что попадалось имъ на пути. Одна только блѣдная, бѣлокурая дѣвочка шла, ни на что не глядя, подъ руку съ отцомъ и, казалось, не обращала вниманія на окружающую ее обстановку. За то мальчики шумно восторгались всѣмъ, что попада-

Пріѣздъ семейства Волгиныхъ.

лось имъ по пути. Все казалось имъ такъ ново, интересно и мило.

— Ахъ, папа!—кричалъ старшій, Сережа, тормоша отца,—какъ намъ будетъ весело жить въ этомъ маленькомъ хуторскомъ домикѣ! Это далеко не то, что на дачѣ. И какой ты милый, папа, что купилъ этотъ хуторокъ.

— Мы превесело проведемъ въ немъ это лѣто,—вторилъ ему Юрикъ и вскинулъ на отца огненнымъ взглядомъ своихъ большихъ, выразительныхъ глазъ.

Несмотря на то, что Юрикъ былъ на годъ моложе Сережи, онъ казался много сильнѣе и какъ-будто даже старше брата.

— Да, да! Какой ты умникъ, папочка, что купилъ хуторокъ!—подтвердилъ и маленькій семилѣтній Бобка, общій баловень и любимецъ въ семьѣ.

— А ты, моя неулыба-царевна, довольна-ли?—обратился Юрій Денисовичъ къ старшей дочери, которую съ заботливой нѣжностью велъ подъ руку, какъ большую.

— О, папочка, все, что ты дѣлаешь—такъ хорошо!—произнесла она съ чувствомъ и крѣпко пожала руку отца.

Не совсѣмъ довольна была только полная особа въ клѣтчатомъ платкѣ—нянюшка Ирина Степановна, выняньчившая всѣхъ четверыхъ дѣтей Волгиныхъ.

— Хорошо-то, хорошо! — ворчливо произнесла она,—да только была радость—въ этакую глушь забираться! Тутъ и человѣческаго жилья-то, поди, на нѣсколько верстъ нѣтъ. Охота тоже чуть-ли не въ самомъ лѣсу законопатиться! И провизіи тутъ не доищешься. И разносчики не ходятъ.

— А какъ-же, няня, мы мимо деревни ѣхали?— вмѣшался Сережа.—Тамъ людей много! А провизіи, папа говорилъ, и на хуторѣ довольно.

— Да деревня-то не близко вовсе: версты двѣ будетъ,—поправилъ брата Юрикъ.

— А я радъ, что мы забрались въ такую глушь, право; по крайней мѣрѣ я отдохну за лѣто, да и вы окрѣпнете на чистомъ деревенскомъ воздухѣ,—вставилъ свое мнѣніе отецъ.

— И славно-же проведемъ мы это лѣто!—весело вскричалъ Юрикъ—самый проказливый и шаловливый изъ всѣхъ дѣтей Волгиныхъ,—я ужь видѣлъ по пути, что тутъ всего вдоволь, чего только душа ни пожелаетъ: лѣсъ, рѣка, поле... И въ лѣсу эта усадьба, о которой ты говорилъ, папа... князя этого...

— Да, усадьба и охотничій домикъ. Какъ-нибудь мы осмотримъ ее. А пока, друзья мои, совѣтую вамъ покушать какъ слѣдуетъ съ дороги... Андронъ Савельичъ объ насъ уже позаботился. И чай готовъ... Нянюшка,—прибавилъ Юрій Денисовичъ, обращаясь къ Иринѣ Степановнѣ,—налейте-ка чаю дѣтворѣ да и меня не забудьте.

Дѣти не заставили отца повторять его приглашеніе и съ большимъ аппетитомъ принялись за ѣду. Старикъ Андронъ, стоя у притолоки, разсказывалъ Волгину про хозяйственныя дѣла на хуторѣ. Хуторъ былъ купленъ Юріемъ Денисовичемъ этою весною въ одномъ изъ прелестныхъ уголковъ Россіи, и онъ впервые съ семьею пріѣхалъ сюда провести лѣто и отдохнуть на деревенскомъ просторѣ.

ГЛАВА II.

Странная встрѣча. Мая.

ПОСЛѢ чая мальчики поспѣшили на дворъ—осматривать хозяйство вмѣстѣ съ отцомъ и Андрономъ. Нянюшка, что-то ворча себѣ подъ носъ (она была недовольна рѣшеніемъ господъ провести лѣто на хуторѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, особенно трудно услѣдить за буйной дѣтворой), принялась хлопотать по устройству комнатъ, совмѣстно съ двумя прислугами, пріѣхавшими на хуторъ еще наканунѣ.

Блѣдная, бѣлокурая Лидочка осталась одна въ столовой. Она медленными глотками допила свой чай и осталась сидѣть за столомъ.

— Не желаешь-ли, дорогая, пока пройти въ садъ?— предложилъ вдругъ вошедшій въ комнату отецъ.

— Хорошо, папа,—отвѣтила дѣвочка и, тихо вставъ изъ-за стола, оперлась на подставленную ей отцомъ руку и вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты, осторожно ступая, точно боясь новой, незнакомой ей обстановки.

Медленно пройдя рядъ комнатъ, они вышли на балконъ и спустились въ садъ.

Это былъ роскошный, старый садъ съ вѣковыми деревьями, громадными дубами и кленами и бѣлоснѣжными березками, покрытыми сплошною шапкой зеленой листвы. Лидочка, подъ руку съ отцомъ, шла такъ же медленно и осторожно по длинной и прямой, какъ стрѣла, аллеѣ. Солнце золотило ея бѣлокурую головку и ласкало блѣдное личико своими прощальными лучами. Когда они дошли до конца аллеи, отецъ подвелъ дѣвочку къ скамейкѣ и сказалъ:

— Ты, навѣрно, устала, дорогая? Посиди здѣсь на скамейкѣ, отдохни. Я пойду распорядиться по хозяйству, а къ тебѣ пошлю няню.

Лидочка послушно опустилась на скамью и осталась сидѣть, прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ отца.

Вдругъ она вздрогнула и насторожилась. Въ кустахъ послышался легкій шорохъ и задавленный смѣхъ.

— Кто тутъ?—испуганно воскликнула Лидочка и протянула впередъ руки какъ-бы для защиты.

— Это я!—послышался чей-то звонкій, серебристый смѣхъ, похожій на колокольчикъ.

— Кто ты?—тѣмъ-же пугливо-вопрошающимъ голосомъ спросила Лидочка.

— Я—майская фея! Или ты не видишь меня?

И изъ кустовъ шиповника выскочила маленькая, странная фигурка и подбѣжала къ Лидочкѣ.

Это была дѣвочка лѣтъ десяти-одиннадцати на видъ, съ лукавымъ, подвижнымъ и смѣющимся личикомъ,

черненькая, съ длинными толстыми косами до пятъ, вся съ головы до ногъ украшенная цвѣтами, въ вѣнкѣ изъ душистыхъ ландышей на черненькой головкѣ.

— Майская фея?—произнесла блѣдная дѣвочка,— но развѣ существуютъ на свѣтѣ феи? Феи бываютъ только въ сказкахъ.

— Должно быть, существуютъ, если я говорю тебѣ, что я фея,—съ тѣмъ-же серебристымъ смѣхомъ отвѣчало странное существо.—Взгляни на меня: развѣ ты не видишь, до чего я похожа на фею?

— Нѣтъ, не вижу!—произнесла блѣдная дѣвочка и кроткое лицо ея подернулось печалью.

— Не видишь? почему?—удивилась въ свою очередь странная фигурка, называвшая себя феей.

— Да потому, что я... слѣпая,—тихо прозвучало въ отвѣтъ, и бѣлокурая дѣвочка низко опустила свою золотистую головку.

— Слѣпая! — удивленно протянуло странное существо,—слѣпая! Вотъ никогда-бы не подумала этого... Значитъ ты не видишь ни голубого неба, ни золотого солнца?

— Нѣтъ!

— Ни цвѣтовъ, ни деревьевъ, ни птичекъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!—было отвѣтомъ.

— И меня не видишь?

— Нѣтъ, я слѣпая; мои глаза, какъ мертвые,— уныло произнесла Лидочка.—Но кто-же ты на самомъ дѣлѣ? Вѣдь я знаю, что феи не существуютъ... Ты должна мнѣ сказать, кто ты?

— Ха, ха, ха!—со звонкимъ смѣхомъ, похожимъ

на звукъ серебрянаго колокольчика, произнесла странная дѣвочка,—какая ты недовѣрчивая! Я уже сказала тебѣ, что я фея—фея и есть. Мнѣ жаль, что ты слѣпая, потому что, во-первыхъ, ты такая хорошенькая и сама очень похожа на фею, а во-вторыхъ, потому, что ты не видишь меня и не можешь удостовѣриться въ томъ, что я дѣйствительно фея!.. Слышишь?—меня зовутъ. Это кличутъ меня такія-же маленькія феи, какъ и я, чтобы справлять нашъ майскій праздникъ при лунномъ свѣтѣ. Жаль, что ты не фея и не можешь участвовать въ этомъ праздникѣ. Прощай, прощай! Пора! Солнце уже заходитъ.

— Какъ-же зовутъ тебя? Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ!—произнесла слѣпая Лидочка, живо заинтересованная своей странной встрѣчей.

— Мая! Фея Мая,—прозвучалъ въ отвѣтъ серебристый голосокъ.—А тебя?

— Меня зовутъ Лидочка,—произнесла слѣпая.

— Ну, прощай, Лидочка! Не забывай фею Маю!—произнесъ тотъ-же серебристый голосокъ, и странное маленькое существо съ веселымъ смѣхомъ исчезло въ густо разросшихся кустахъ шиповника.

Въ ту-же минуту по аллеѣ послышались шаги. Это явилась няня за Лидочкой. Держа подъ руку няню, Лидочка тѣмъ-же медленнымъ, разсчитаннымъ шагомъ повернула къ дому и пошла своей осторожной походкой, какой обыкновенно ходятъ только слѣпые.

— Кто она—эта странная маленькая Мая?—разсуждала по дорогѣ дѣвочка,—и откуда взялась она? Надо будетъ узнать, нѣтъ-ли у приказчика Андрона

или у кучера дочери или родственницы, какой-нибудь шалуньи-дѣвочки, которая подшутила надъ нею, Лидочкой, назвавшись феей.—Что она не фея, это Лидочка отлично знала. Отецъ Лиды постоянно занимался со своей слѣпой дочерью, со словъ знакомя ее съ разными науками, поэтому Лидочка была достаточно образована, чтобы не повѣрить въ существованіе фей и всего сверхъестественнаго на бѣломъ свѣтѣ. Но кто-же, однако, эта дѣвочка?

ГЛАВА III.

Еще неожиданность.

Въ то время, какъ слѣпая Лидочка неожиданно встрѣтила странное маленькое существо, назвавшее себя феей Маей, ея три брата успѣли обѣжать скотный дворъ, заглянуть въ хлѣвъ къ коровамъ и къ свинкѣ, помѣщавшейся по сосѣдству въ обществѣ своихъ двѣнадцати поросятъ, розовыхъ и нѣжныхъ, еще далеко не обросшихъ щетиной. Мальчики приходили въ восторгъ рѣшительно отъ всего: имъ нравились и поросята, и Буренка, довѣрчиво бравшая хлѣбъ изъ рукъ, и красноносый индюкъ, важно разгуливающій по двору, и семейство цыплятъ, слѣдовавшее съ пронзительнымъ крикомъ за своей матерью-хохлаткой. Но больше всего возбудили ихъ любопытство конюшни. Кромѣ тройки вороныхъ, тамъ еще стояли четыре верховыя лошадки и четыре рабочія. Особенно привлекалъ вниманіе дѣтей одинъ гнѣдой верховой конекъ. Коня звали «Вострякъ» и онъ какъ нельзя болѣе оправдывалъ это прозвище: онъ поминутно вертѣлъ головою, махалъ хвостомъ и ржалъ такъ,

точно хотѣлъ этимъ ржаніемъ по-своему, по-лошадиному, привѣтствовать своихъ новыхъ господъ.

Изъ конюшни дѣти побѣжали на задній дворъ, гдѣ находилась голубятня, помѣщавшаяся какъ-разъ надъ домикомъ скотницы Аксиньи.

— Можно посмотрѣть голубей?—обратился вѣжливо Сережа къ краснощекой и толстой хозяйкѣ избушки, входя къ ней въ горницу по шаткимъ ступенямъ крылечка.

— Пожалуйте, молодые господа, пожалуйте!—проговорила Аксинья, низко кланяясь «барчукамъ». — Митька, а Митька,—закричала она рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ,—и гдѣ-жъ это ты запропастился? Сведи господъ на голубятню. Слышишь, што-ль?

Но невидимый Митька не откликнулся на призывъ Аксиньи и мальчикамъ пришлось подниматься однимъ по узкой и скользкой лѣсенкѣ въ мезонинъ домика.

— Да гдѣ-же голуби? Ихъ нѣтъ!—разочарованно протянулъ Сережа, заглянувъ въ темный мезонинчикъ подъ крышей.

— Нѣтъ голубей,—въ тонъ ему грустно протянулъ Бобка.

— Стойте, а это что? — произнесъ шопотомъ Юрикъ.

Его зоркіе, острые глаза отыскали въ углу небольшое гнѣздышко, свитое подъ балкой, и въ немъ четырехъ еще не оперившихся птенчиковъ-голубковъ, пищавшихъ на разные голоса.

— Ахъ, прелесть!—вскричалъ, всплеснувъ ручон-

ками, Бобка,—возьмемъ ихъ къ себѣ въ дѣтскую непремѣнно.

— И будемъ ихъ кормить молокомъ,—подхватилъ Сережа.

— И глупъ же ты, Сережа!—насмѣшливо произнесъ Юрикъ,—а еще старшимъ называешься. Ну, гдѣ-жъ это видано, чтобы голуби, какъ котята, молоко пили.

Сережа сконфузился.

— Возьмемъ ихъ съ собою!—тянулъ Бобка и протягивалъ ручонки къ гнѣздышку.

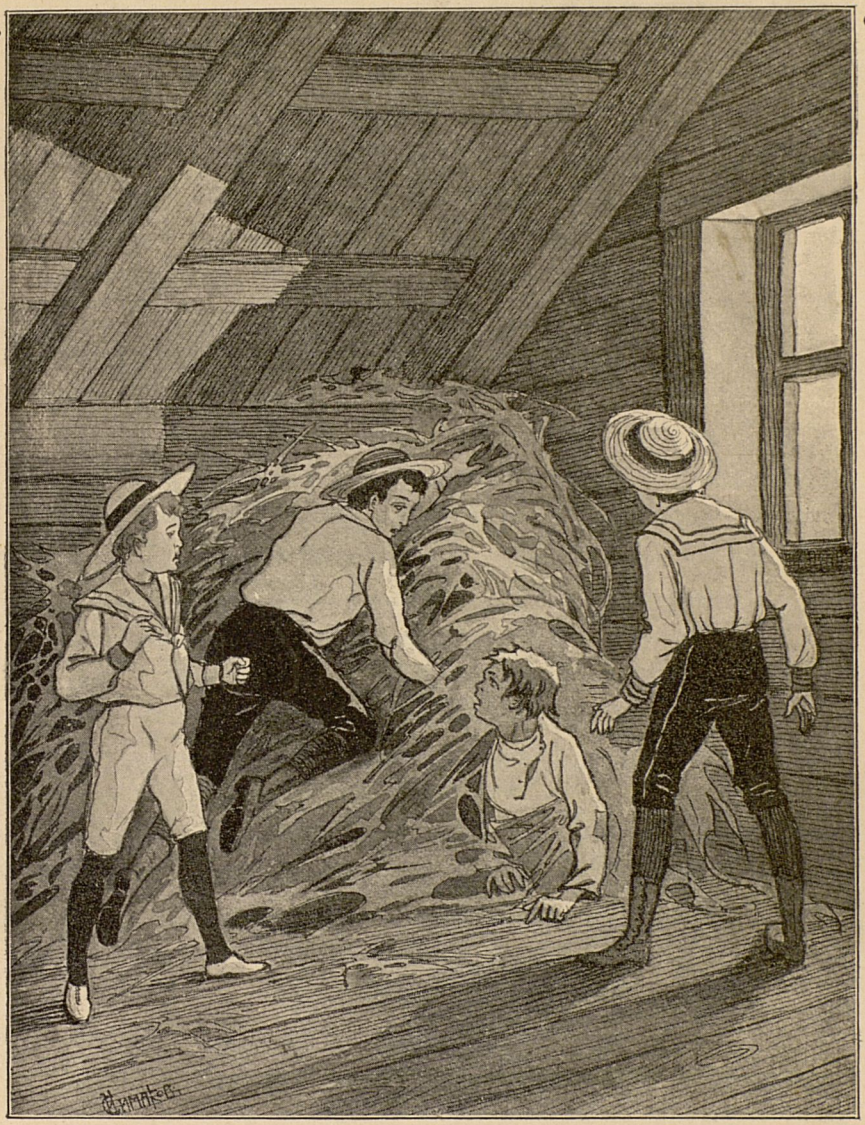
— Оставь, я самъ!—оттолкнувъ его, проговорилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ Юрикъ и, бросившись ничкомъ на ворохъ соломы, онъ въ свою очередь потянулся рукою за гнѣздомъ.

Тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Ворохъ соломы зашевелился, словно живой, подъ Юрикомъ, и изъ-подъ него высунулась бѣлобрысая головенка съ потѣшными пышными вихрами и маленькимъ носомъ, торчавшимъ на дѣтской грязной рожицѣ въ видѣ пуговицы.

— Не трошь голубей, тебѣ говорятъ!—произнесъ вихрастый мальчикъ,—голуби мои и худо тебѣ будетъ, коли што ежели...

— Вотъ тебѣ разъ!—протянулъ изумленный Юрикъ, въ то время, какъ Бобка со страхомъ попятился къ двери,—вы изъ какихъ-же будете, господинъ хорошій, и чего-же вы бранитесь, съ позволенія сказать?

Вихры отчаянно зашевелились и носъ-пуговица окончательно вылѣзъ изъ-подъ соломы. Обладатель



— Не тронь голубей, тебѣ говорятъ!...

этого носа оказался небольшимъ пузатымъ человѣчкомъ, босымъ и рванымъ, въ грязной, заплатанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ рубашонкѣ. У него было какое-то задорное и въ то-же время недоумѣвающее выраженіе лица.

— Кто ты такой?—спросилъ Юрикъ, удивленно глядя на этого курносаго и вихрастаго мальчугана.

— Кто? Я-то?—переспросилъ мальчуганъ.

— Ты-то!

— Я-то—Митька! А вотъ ты-то кто будешь?—произнесъ далеко не миролюбивымъ тономъ курносый человѣчекъ.

— А я—Юрикъ,—отвѣчалъ маленькій барчукъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха при видѣ этой забавно-воинственной рожицы.—А это Сережа,—указалъ онъ на старшаго брата,—а этотъ—Бобка,—протянулъ онъ палецъ по направленію рыженькаго мальчика, забившагося отъ страха въ уголокъ.

— Бобка... имя-то словно собачье!—протянулъ съ глупой усмѣшкой пузатенькій Митька и вдругъ снова неожиданно разсердился.—А пошто вы, ровно воры, въ мою голубятню забрались?

— А пошто ты, какъ разбойникъ, въ соломѣ спрятался?—передразнивая его, спросилъ Юрикъ.

— Боялся я! Тетка Аксинья меня била, шибко била... Велѣла коровъ пасти, а я убѣгъ.

— Зачѣмъ же ты убѣгъ?—спросилъ Юрикъ.

— А тебѣ што за дѣло?

И Митька воинственно выпрямился и даже сжалъ въ кулаки свои грязныя ручонки. Но какъ-разъ въ эту минуту раздался пронзительный крикъ внизу:

— Митька-а! Митька-а! куда ты провалился?

— Ахти, бѣда мнѣ!—вскричалъ Митька и снова нырнулъ въ солому.—Прибьетъ она меня, прибьетъ безпримѣнно. У ней первое дѣло за вихры таскать.

— А ты не бойся. Мы тебя не дадимъ въ обиду,—успокоилъ его Юрикъ.

— Это кто? ты-то?

— Да хоть бы и я!

— Во! Такъ она на тебя и посмотритъ.

— Батюшки! да она сюда идетъ,—прошепталъ испуганно Сережа.

— Бѣда, бѣда!—вскричалъ Митька и съ головой ушелъ въ свою солому.

Дѣйствительно, ступени скрипѣли подъ тяжестью Аксиньи, и не успѣли мальчики переглянуться между собою, какъ ея тучная фигура показалась на порогѣ мезонина.

— Не полюбовались на голубковъ, барчата!—произнесла она вкрадчивымъ и пѣвучимъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ простолюдинки, когда желаютъ показаться ласковыми и добрыми,—голубки-то улетѣли.

— Да,—произнесъ лукаво Юрикъ, искоса поглядывая на чуть шевелившуюся въ углу кучу соломы,—и Митька вашъ улетѣлъ вмѣстѣ съ ними.

— Митька? Да нешто вы его знаете?

И, не дожидаясь отвѣта, Аксинья стала жаловаться на Митьку: и лѣнтяй-то онъ, и грубіянъ, и разбойникъ, совсѣмъ онъ отъ рукъ отбился и сладу съ нимъ нѣтъ никакого...

А курносая рожица въ это время выглядывала изъ своего убѣжища подъ соломой и корчила такія уморительныя гримасы, что три мальчика едва могли удержаться отъ смѣха.

— Митька вашъ племянникъ?—спросилъ Юрикъ толстую Аксинью.

— И-и... какой онъ мнѣ племянникъ, дѣтушки! Просто онъ сирота бездомная, и приняла я его къ себѣ по своей добротѣ, а онъ, замѣсто того, чтобы помочь мнѣ въ чемъ по хозяйству, только проказничаетъ. Не въ моготу мнѣ съ нимъ!

И, говоря это, толстая Аксинья, раньше чѣмъ кто-либо изъ дѣтей могъ предвидѣть это, тяжело усѣлась на кучу соломы, подъ которой притаился злополучный Митька,—усѣлась и тотчасъ-же вскочила на ноги, какъ ужаленная. Глаза ея, выпученные и испуганные, стали совсѣмъ круглые отъ страха, ротъ широко раскрылся.

— Разбойники!—завопила на весь дворъ и даже на весь хуторъ Аксинья,—разбойники, рѣжутъ! Караулъ!—и со всѣхъ ногъ бросилась вонъ изъ мезонина, оставивъ въ голубятнѣ трехъ громко хохочущихъ мальчугановъ.

— Ну, таперича держись!—вскричалъ, вылѣзая изъ своей соломенной засады, Митька.—Коли узнаетъ, што это я ее испужалъ,—прибьетъ меня... какъ Богъ святъ—прибьетъ!

И прежде чѣмъ мальчуганы успѣли опомниться, онъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы, и черезъ минуту его потѣшную маленькую фигурку можно было видѣть бѣгущею по полю отъ хутора къ лѣсу.

Мальчики перестали смѣяться и искренно пожалѣли сироту-Митку, которому, должно-быть, не сладко жилось у его сердитой названной тетки. Потомъ они занялись птенчиками. Они рѣшили оставить маленькихъ голубковъ въ голубятнѣ и навѣщать ихъ какъ можно чаще, а заодно навѣщать и Митьку, успѣвшаго сильно заинтересовать дѣтей Волгиныхъ.

ГЛАВА IV.

Старшій лѣсничій и его внучка.

На балконѣ небольшого лѣсного домика сидитъ старый сѣдой господинъ въ темномъ халатѣ и круглой шапочкѣ на головѣ. Старикъ весь погрузился въ чтеніе газеты. А кругомъ него глухо шепчутъ старыя ели, стройныя березки и трепещущія осины... Солнце настойчиво проникаетъ сквозь кружево листвы и нѣжными лучами ласкаетъ старика. Въ этомъ густомъ, вѣчно что-то шепчущемъ лѣсу такъ хорошо и уютно! И маленькій лѣсной домикъ кажется какой-то хорошенькой игрушкой среди громаднаго стараго лѣса, въ его густой, непроходимой чащѣ. А на опушкѣ этого лѣса стоитъ большой княжескій домъ. Его почти не видно сквозь стволы часто разросшихся деревьевъ, и онъ стоитъ одинокій, уже чуточку развалившійся, точно безмолвный сторожъ стараго лѣса.

Старикъ сложилъ газету и задумался. Мало-помалу сонъ подкрался къ нему и онъ забылся дремотой, уронивъ голову на грудь.

Но не долго пришлось спать обитателю лѣсного домика. Невдалекѣ, въ чащѣ молодого ельника, послышалась звонкая пѣсенка:

Я эльфа лѣсная,
Я чащи дитя,—
Веселая Мая
Малюточка я!

И большой листъ влажнаго отъ росы папоротника упалъ на колѣни спящаго.

Старикъ открылъ глаза и улыбнулся.

— Это ты, Мая? Ты, моя плутовка?

Маленькія елочки быстро раздвинулись подъ чьей-то рукой и то-же странное кудрявое и смѣющееся существо, появленіе котораго такъ удивило Лидочку Волгину въ саду на хуторѣ, съ хохотомъ выскочило изъ чащи ельника и повисло на груди старика.

— Мая! шалунья дорогая! Маленькая фея! Что скажешь новенькаго?

— Твоя фея, дѣдушка,—зазвучалъ голосокъ дѣвочки,—принесла тебѣ ворохъ новостей, и нехорошихъ новостей, дѣдушка!—добавила она, надувъ свои губки.

— Какія же новости принесла ты мнѣ, дитя?

— «Они» пріѣхали, дѣдушка!

— Ты была на хуторѣ, Мая?

— Увы! да, дѣдушка! Я была на нашемъ хуторкѣ, который теперь сталъ не нашъ. Ахъ, дѣдушка!—всплеснувъ руками, произнесла дѣвочка,—зачѣмъ они пріѣхали! И зачѣмъ князь продалъ нашъ хуторокъ?

— Мая, Мая, развѣ хуторъ этотъ былъ нашъ когда-нибудь?

— Ахъ, все равно, ты управлялъ имъ, дѣдушка, и я его считала какъ бы своимъ. А теперь туда пріѣхали чужія дѣти. Они бѣгаютъ по нашему саду, рвутъ цвѣты, которые посадилъ ты, дѣдушка, ѣздятъ на нашихъ лошадяхъ, кормятъ голубковъ, моихъ голубковъ, которыхъ я такъ любила кормить...

— Ты познакомилась съ ними, Мая?

— Нѣтъ, я не хочу съ ними знакомиться. Они злыя, гадкія дѣти! Они живутъ на нашемъ хуторѣ и ихъ терпѣть не могу за это!

— Мая! Мая! Стыдись!

— Я видѣла, впрочемъ, одну большую дѣвочку въ саду. Она—слѣпая и, кажется, приняла меня за фею...

— И ты можешь не любить слѣпую, обиженную судьбою дѣвочку? Да развѣ у моей феи Маи такое недоброе сердечко?—съ укоромъ спросилъ свою любимицу дѣдъ.

— Ахъ, дѣдушка!—смущенно произнесла она и скрыла покраснѣвшее личико на груди стараго дѣда.

Мая не солгала Лидочкѣ Волгиной, сказавъ, что ее зовутъ феей Маей.

Когда маленькая сиротка—внучка стараго лѣсничаго и управляющаго бывшаго княжескаго хутора, пріобрѣтеннаго теперь Волгинымъ, была совсѣмъ маленькой крошкой, она не могла выговаривать своего имени «Маня» и называла себя Мая. Потомъ, когда дѣвочка подросла, это имя такъ и осталось за нею.

Мая Леръ не спроста называла себя феей. Когда звонкій, серебристый голосокъ дѣвочки раздавался въ чащѣ лѣса, ея дѣдушка, Дмитрій Ивановичъ Леръ, княжескій управляющій, говорилъ своему старому слугѣ Антону: «Точно маленькая фея поетъ въ лѣсу». И дѣдушка и Антонъ съ тѣхъ поръ и прозвали Маю феей.

Маленькая Мая, какъ-только начинала помнить себя, жила на хуторѣ у дѣдушки до тѣхъ поръ, пока князь не продалъ хутора и не перевелъ Дмитрія Ивановича въ лѣсной домикъ, назначивъ его управляющимъ своихъ лѣсныхъ помѣстій. Мая, всей душой любившая хуторъ, была въ отчаяніи. Какъ и многія маленькія дѣти, она перевела свой гнѣвъ на совершенно неповинныхъ въ этомъ дѣлѣ людей: на новаго помѣщика Волгина, купившаго ихъ хуторъ, и на его дѣтей.

Особенно Мая не взлюбила ребятишекъ Волгиныхъ, занявшихъ, какъ ей казалось, ея мѣсто на хуторѣ. Эти дѣти казались ей настоящими виновниками ея несчастія.

Но когда она встрѣтила сегодня въ саду блѣдную слѣпую дѣвочку, сердечко Маи забило тревогу. Ей было жаль несчастной слѣпой и въ то-же время она не хотѣла признаться въ этомъ дѣдушкѣ. Но Мая знала, что помимо слѣпой дочери у Волгина было еще три мальчика, и на нихъ-то преимущественно она и перенесла свой гнѣвъ.

— Гадкіе мальчишки!—ворчала про себя дѣвочка,— терпѣть ихъ не могу!

Дѣдушка не останавливалъ своей внучки. Онъ зналъ, что, когда на Маю нападали минуты каприза, лучше было оставлять ее въ покоѣ.

И Мая расположилась-было какъ слѣдуетъ покапризничать, но внезапное появленіе на балконѣ Митьки разомъ прервало ея настроеніе.

— Ну, что?—такъ и бросилась она ему на встрѣчу.

— Што щто?

— Да какъ у васъ?

— Дерется!

— Кто дерется?

— Да тетка Аксинья дерется!

— Ахъ, ты все про свое... Ну, что, пріѣхали?

— Извѣстно пріѣхали!

— Много ихъ?

— Не считалъ. А видать—много. Перво-на-перво баринъ, потомъ мальчонковъ трое. Шустрые! На голубятню забрались. Меня въ соломѣ отыскали. Я въ солому схоронился, а она за вихры меня.

— Кто она? голубятня?

— Не. Тетка Аксинья меня за вихры. Я оттелева

шасть и сюды. Ужь я бёгъ, бёгъ, бёгъ и къ тебѣ сюды прибёгъ.

— Слушай, Митька, знаютъ они, что у моего дѣдушки есть внучка? — дѣлая таинственную рожицу, спросила Мая.

— Не... откедова имъ знать-то?..

— Ну, такъ ты ничего не говори имъ про меня. Слышишь?

— Ладно!

— Ужь очень мнѣ надъ ними хочется потѣшиться. Дѣдушка, можно?—въ одну минуту вспрыгивая на колѣни дѣда, спросила Мая.

— Только помни, стрекоза, шалить можно, но чтобы злыхъ шутокъ не было.

— Не будетъ, дѣда, не будетъ! Только, откровенно говоря, я ихъ терпѣть не могу!

— Ай-ай-ай, Мая! Чѣмъ же виноваты дѣти, да чѣмъ виноватъ и самъ Волгинъ, что князь продалъ имъ свой хуторъ? Вѣдь не имъ бы продалъ, такъ другіе бы купили, разсуди-ка сама, моя умница!

Но умница не хотѣла принять совѣта дѣдушки. Ей было не до разсужденій. Схвативъ Митьку за руку, она бѣгомъ сбѣжала съ нимъ съ балкона и скоро ея звонкій голосокъ, распѣвающій веселую пѣсенку, донесся до слуха дѣда:

Я эльфа лѣсная,
Я чащи дитя—
Веселая Мая
Малюточка я!

ГЛАВА V

Юркино слово.

ПРОШЛА недѣля со дня пріѣзда семейства Волгиныхъ на хуторъ. Эта недѣля показалась для дѣтей какимъ-то сплошнымъ радостнымъ сномъ. Съ каждымъ днемъ они находили все новыя и новыя прелести въ своей деревенской жизни.

Даже блѣдная слѣпая Лидочка и та чувствовала себя гораздо лучше, нежели въ городѣ или въ окрестностяхъ города на дачѣ.

Цѣлыми днями просиживала она въ саду, грѣясь на солнышкѣ, вдыхая ароматъ цвѣтовъ, росшихъ въ изобиліи на клумбахъ и куртинахъ, и прислушиваясь къ пѣнію птичекъ. Она смутно желала снова услышать серебристый голосокъ и звонкій смѣхъ странной дѣвочки, называвшей себя феей. Но дѣвочка не появлялась больше, и маленькая слѣпая потеряла всякую надежду увидѣть ее.

Сергѣй, Юрикъ и Бобка гораздо веселѣе, нежели ихъ сестра, проводили время.

Они сдружились съ Митькой, купались, играли

вмѣстѣ и сообща занимались голубями. Митька пришелся имъ по вкусу. Это былъ расторопный и ловкій малый, хотя немного глуповатый, но глупость Митьки скорѣе смѣшила, нежели сердила ихъ. А, наигравшись вдоволь за день съ барчатами, подъ вечеръ Митька бѣжалъ въ лѣсной домикъ съ цѣлымъ запасомъ новостей для Маи.

Мая и Митька до пріѣзда Волгиныхъ постоянно играли вмѣстѣ, живя по сосѣдству другъ съ другомъ, и умненькая Мая сумѣла подчинить себѣ простоватаго Митьку и заставлять его все дѣлать по-своему.

И теперь Митька исполнялъ всѣ желанія своей бывшей госпожи.

— А вы не видѣли княжескаго дома? Хотите его осмотрѣть со мною?—предложилъ какъ-то Юрій Денисовичъ мальчикамъ.

— Ахъ, да! Вотъ славно! Непремѣнно возьми насъ съ собой, папа!—закричали дѣти, прыгая и тормоша отца во всѣ стороны.

— Ну, вотъ и отлично,—весело проговорилъ Юрій Денисовичъ,—мнѣ княжескій лѣсничій прислалъ любезное предложеніе осмотрѣть большой домъ. Завтра и отправимся туда.

— Ну, и отправляйтесь съ Богомъ, а мы хоть съ Лидочкой отдохнемъ какъ слѣдуетъ безъ нашихъ головорѣзовъ!—обрадовалась нянюшка, которой порядочно-таки надоѣли шумъ и бѣготня трехъ мальчугановъ.

— А сейчасъ мы въ лѣсъ пойдемъ! Можно намъ въ лѣсъ, папа?—вскричалъ Юрикъ.

Вся команда, съ Митькой во главѣ, зашагала къ лѣсу...

— Поздно въ лѣсъ идти, тѣмъ болѣе, что я не могу сопровождать васъ сегодня: мнѣ надо еще провѣрить хозяйскія книги. А однихъ васъ страшно пустить,—отвѣтилъ отецъ.

— Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не страшно, папочка, съ нами пойдетъ Митька. Онъ всякій уголокъ въ лѣсу знаетъ!—приставалъ къ отцу Юрикъ.

— Ну, если знаетъ — идите съ Богомъ! Только смотрите, къ ужину назадъ,—предупредилъ дѣтей Юрій Денисовичъ.—Ты, Сергѣй, старшій и возьми на себя отвѣтственность за братьевъ. Смотрите, будьте на опушкѣ, а въ лѣсъ не углубляйтесь... чтобы я былъ спокоенъ.

— Будь покоенъ, папа, я тебѣ даю слово, что мы дальше опушки не пойдемъ и къ ужину будемъ дома!—серьезнымъ тономъ, какъ взрослый, произнесъ Юрикъ.

— Ну, Юрка, смотри,—улыбнулся Волгинъ,—не давши слова, крѣпись, а давши—держись...

— Буду держаться, папочка,—весело вскричалъ Юрка и быстро скомандовалъ (Юрка всегда любилъ командовать):—Ну, стройся! Оборотъ налѣво, шагомъ маршъ!

И вся команда, состоящая изъ четверыхъ мальчугановъ, съ босоногимъ Митькой во главѣ, зашагала къ лѣсу.

ГЛАВА VI.

Въ лѣсу. Митькины страхи.

На опушкѣ лѣса было хорошо и прохладно. Мальчики съ наслажденіемъ принялись прыгать и играть подъ тѣнью громадныхъ елей и густолиственныхъ березъ. Митька ловилъ Бобку, Бобка улепетывалъ отъ Митьки, поминутно радостно взвизгивая. Юрка и Сережа влѣзали на деревья и оттуда любовались видомъ стараго княжескаго дома, который находился въ верстѣ отъ опушки и казался теперь весь огненнымъ въ вечернемъ освѣщеніи заходящаго солнца.

Но Бобка былъ еще слишкомъ малъ, чтобы находить прелесть въ красотѣ природы, а Митька былъ слишкомъ глупъ для этого, и потому они продолжали бѣгать и возиться на опушкѣ. И вдругъ, догоняя Митьку, Бобка увидѣлъ прелестный бѣленькій цвѣточекъ, росшій въ сторонѣ отъ опушки.

Въ одну минуту мальчикъ былъ подлѣ цвѣтка и сорвалъ его. Но тутъ на пути Бобкѣ показался другой

цвѣточекъ, еще лучше прежняго, и Бобка во всю прыть бросился къ нему; за нимъ помчался Митька, сверкая своими грязными пятками.

— Борисъ!—крикнулъ Юрикъ, взгромоздившійся было на высокую ель.—Не смѣй убѣгать отъ опушки! Или ты забылъ, что сказалъ папа?

Бобка вовсе и не думалъ забывать того, что говорилъ папа, но бѣлые цвѣточки были слишкомъ заманчивы, чтобы онъ могъ удержаться отъ соблазна ихъ сорвать и составить изъ нихъ хорошенькій букетикъ, и къ тому же съ нимъ былъ Митька, а съ Митькой Бобка ничуть не боялся заблудиться.

Перебѣгая отъ цвѣтка къ цвѣтку, оба мальчика незамѣтно углубились въ чащу лѣса и, наконецъ, очутились среди высокихъ исполиновъ-елей, протягивающихъ къ нимъ свои мохнатыя вѣтки.

— Мы не заблудимся, Митька? — тревожно обратился Бобка къ своему новому пріятелю.

— Во! Што мнѣ впервые, што-ли? Я весь этотъ лѣсъ вдоль и поперекъ знаю!—хвастливо проговорилъ Митька. — Вотъ только развѣ когда «онъ» загудитъ, тогда ужь больно страшно!

— Кто «онъ»?—спросилъ шопотомъ Бобка, и глаза у него расширились и стали круглыми отъ страха.

— Да «онъ»—лѣшій. Во страху-то бываетъ, какъ онъ гудѣть зачнетъ на весь лѣсъ!

— А папа и Лидочка говорятъ, что лѣшихъ не бываетъ на свѣтѣ,—произнесъ храбро Бобка.

— Во!—по своему обыкновенію произнесъ Митька,—и русалокъ, скажешь, не бываетъ, и домового?

— Нѣтъ, не бываетъ. И папа и Лидочка говорятъ, что не бываетъ.

— Глупы, оттого и говорятъ. А кто, какъ не онъ, въ лѣсу гудитъ? А иной разъ наши бабы за хворостомъ пойдутъ въ лѣсъ зимою, а онъ: гу-гу-гу-гу— такъ и зайдется.

— Такъ это вѣтеръ, — нерѣшительно произнесъ Бобка, невольно поддаваясь увѣренному тону Митьки.

— Во, вѣтеръ! Самъ-то ты вѣтеръ! Такой большой выросъ, а про лѣшаго не знаешь. И чему только эти господа дѣтей своихъ учатъ! — и Митька, возмущенный невѣжествомъ барчонка, даже сплюнулъ въ сторону.

— Глупости ты говоришь! Никакихъ лѣшихъ нѣтъ! Врешь ты все! — съ дрожью въ голосѣ произнесъ Бобка.

— Анъ есть!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

— Есть! есть! есть!

— Ну, коли есть, такъ я съ тобой и разговаривать не стану!—разсердился Бобка.

— Эва, напугалъ! А я тебя одного въ лѣсу кину, коли што. Тебя и съѣстъ лѣшій.

— Не смѣешь!—вскричалъ Бобка, и даже слезы навернулись на его синіе глазки.

— Не смѣю? Я-то? А вотъ увидишь!

И прежде чѣмъ Бобка могъ произнести хотя одно слово, Митька со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать отъ него, и черезъ минуту—другую его маленькая фигурка исчезла въ чащѣ деревьевъ.

Юрик! Сережа!..
идите сюда!..

— Митька! Митька! гадкій! злой! противный!— кричалъ Бобка,—вернись! я папѣ пожалуюсь. Тебѣ достанется, Митька!

Но Митьки и слѣдъ простылъ.

Тогда, испуганный своимъ одиночествомъ въ лѣсу, Бобка сталъ звать братьевъ плаксивымъ голосомъ:

— Юрикъ! Сережа! Сере-жа! подите сюда! Ю-ри-и-къ!

Но — увы! — никто не откликался. Должно-быть, мальчикъ, незамѣтно переходя отъ цвѣтка къ цвѣтку, слишкомъ далеко отошелъ отъ опушки.

Солнце между тѣмъ уже сѣло. Его прощальные лучи потухли за верхушками мохнатыхъ елей. Легкій, прохладный вѣтерокъ подулъ съ сѣвера. Въ лѣсу стало холоднѣе и темнѣе.

Бобка началъ трусить. Онъ пошелъ наугадъ по вьющейся тропинкѣ; потомъ сперва повернулъ налѣво, затѣмъ направо и зашелъ, наконецъ, въ такую чащу, изъ которой, казалось, никуда нельзя было выбраться. Тутъ Бобка бросился на траву и горько заплакалъ.

ГЛАВА VII.

Снова фея Мая.

ДОЛГО лежалъ и плакалъ Бобка на зеленомъ мху. Ему было и жутко, и холодно, и хотѣлось кушать. Ему вспомнились тѣ вкусныя вещи, которыя няня заказывала кухаркѣ Матренѣ къ сегодняшнему вечеру. Особенно ярко представлялась та вкусная булка, которую испекла сегодня Матрена и которую подадутъ имъ къ чаю. Булка такъ живо представлялась его живому воображенію, что Бобку неудержимо потянуло домой за чайный столъ. Онъ утеръ слезы, вскочилъ съ травы и пошелъ назадъ, съ трудомъ отыскивая въ травѣ слѣды своихъ крошечныхъ ножонокъ.

— Гадкій Митька!—ворчалъ сердито мальчикъ,—еслибъ не онъ, я бы не заблудился... И что подумаютъ папа, Лидочка, Юрка, особенно Юрка, который поручился за насъ папѣ! И потомъ какъ найдетъ онъ, Бобка, дорогу домой? А въ лѣсу вечеромъ, должно быть, жутко! Можетъ быть, даже волки бродятъ и... и... лѣшій! Митька говоритъ, что лѣшіе существу-

ютъ. Правда, папа и Лидочка умнѣе Митьки, но, можетъ быть, папа, боясь испугать его, Бобку, говоритъ, что нѣтъ лѣшихъ, а Лидочка—слѣпая, если и встрѣтитъ лѣшаго, то все равно не увидитъ его.

А онъ есть... долженъ быть. Онъ беретъ непослушныхъ дѣтей и ѣстъ ихъ. Митька же говоритъ, что ѣстъ...

— Гу-гу-гу!—пронеслось въ эту минуту по лѣсу.

— Ай-ай-ай!—закричалъ не своимъ голосомъ Бобка и даже отъ страха присѣлъ на землю.

— Гу-гу-гу!—снова загудѣло кругомъ.

Это зашумѣлъ неожиданно поднявшійся вѣтеръ.

Бобкѣ стало еще страшнѣе и непріятнѣе отъ этого заунывнаго гудѣнья. Онъ почти бѣгомъ побѣжалъ по тропинкѣ и вдругъ разомъ остановился, пораженный неожиданностью. Гдѣ-то близко, совсѣмъ близко отъ него, послышалось пѣніе, похожее на звонъ серебрянаго колокольчика. Прелестный мелодичный голосокъ, выходившій изъ лѣсной чащи, пѣлъ:

«Я эльфа лѣсная,
Я чащи дитя,—
Веселая Мая
Малюточка я!»

— Кто это?—громко крикнулъ испуганный Бобка и такъ и впился въ кусты своими испуганными глазенками.

Въ тотъ-же мигъ пѣніе прекратилось, и знакомая уже намъ Мая—обитательница лѣсного домика — вынырнула изъ чащи.

Въ прелестной смѣющейся черноглазой дѣвочкѣ

не было ничего страшнаго и Бобка отважно зашагалъ ей навстрѣчу.

— Кто ты?—спросила въ свою очередь дѣвочка изумленнаго мальчугана.

— Я—Бобка!—отвѣчалъ тотъ.

— Ха-ха-ха!—расхохоталась своимъ звонкимъ смѣхомъ Мая,—или ты думаешь, что лѣсная фея знаетъ, кто такой Бобка?

— Развѣ ты фея?

— Конечно! Разъ ты меня встрѣтилъ въ лѣсу—значитъ, я лѣсная фея.

— А я думалъ, что ты просто заблудившаяся дѣвочка,—проговорилъ Бобка,—но разъ ты фея, то ты все можешь сдѣлать. Видишь-ли, я потерялъ дорогу къ опушкѣ...

— Развѣ ты заблудился?

— Да. Я пошелъ съ Митькой... но ты не знаешь Митьки — Аксиньинаго пріемыша... такъ вотъ, я съ нимъ, съ Сережей и Юркой пошелъ въ лѣсъ и...

— Довольно!—прервала его странная дѣвочка,— ты и твои братья пошли въ лѣсъ... А слѣпая Лидочка осталась дома съ нянюшкой... Юрикъ и Сережа влѣзли на дерево, а ты съ Митькой убѣжалъ рвать цвѣты, потомъ ты поссорился съ Митькой. Онъ говорилъ, что лѣшій существуетъ, а ты спорилъ, что нѣтъ. Митька разозлился и убѣжалъ, бросивъ тебя одного...

— Ай-ай-ай! Какъ ты все это знаешь? Или ты въ самомъ дѣлѣ фея?

— А ты думалъ—нѣтъ? Я еще больше знаю. Зав-

тра вы всѣ пойдете осматривать княжескій домъ съ вашимъ папой; правда?

— Правда! произнесъ все болѣе и болѣе изумлявшійся Бобка.

— Вотъ видишь! — торжествуя, проговорила дѣвочка.—Я все знаю, потому что я—фея! А хочешь увидѣть меня тамъ?

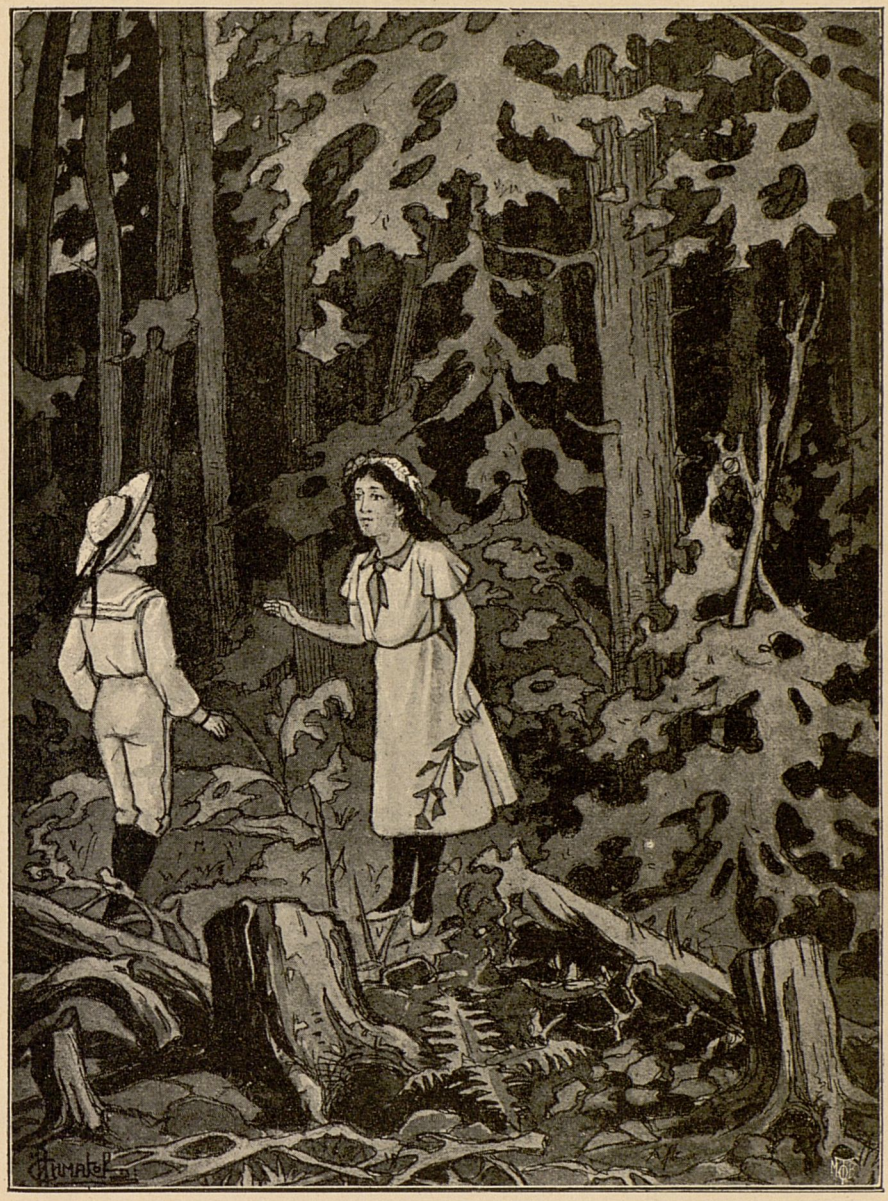
— Хочу!

— Но только, чуръ! никому объ этомъ ни слова! Я хочу показаться лишь одному тебѣ. Твои братья—большіе, шумливые мальчики, а лѣсныя феи не любятъ шума. И я не люблю шалуновъ. Ты мнѣ нравишься и я охотно поиграла-бы съ тобою, но въ лѣсу уже начинаетъ смеркаться. Слышишь дѣтскіе голоса? Это ищутъ тебя твои братья! Смотри-же, ни слова не говори о томъ, что ты меня видѣлъ. А то я разсержусь, а феи становятся опасными, когда сердятся. Завтра ты войди одинъ, непремѣнно одинъ, слышишь?—въ портретную, что находится въ мезонинѣ княжескаго дома, и тамъ ты меня увидишь, не меня, а вѣрнѣе—мой портретъ или картину, на которой я буду изображена. Понялъ?

— А развѣ съ фей рисуютъ портреты?—недоумѣвающе спросилъ Бобка.

— Значитъ, рисуютъ... Много будешь знать—скоро состаришься!—сердито оборвала мальчугана строгая фея.—Ну, прощай-же, и никому ни слова о нашей встрѣчѣ. Слышишь?—тебя зовутъ.—И она снова исчезла въ чащѣ ельника.

— Бобка! Бобка! Барчукъ! Гдѣ вы?—раздавалось на разные голоса по лѣсу.



— Правда?—произнесъ все болѣе и болѣе изумлявшійся Бобка..,

И вскорѣ Бобка былъ окруженъ приказчикомъ Андрономъ, кучеромъ Степаномъ, Сережей и Юрикомъ.

— Ну, и испугали-же вы насъ, барчукъ, — говорилъ сердитымъ голосомъ приказчикъ.—Баринъ весь домъ вверхъ дномъ поставили, васъ искавши. А барышня такъ безпокоились, что имъ даже нехорошо сдѣлалось и ихъ въ постельку уложить пришлось. Какъ старшіе барчата пришли одни къ ужину и сказали, что вы потерялись въ лѣсу, такъ онѣ какъ заплачутъ, такъ-то горько да жалобно. Даже и меня, глядя на нихъ, слеза прошибла.

— Что-же это? Да развѣ я...—началъ было оправдываться Бобка.

— Молчи ужь! — сердито прикрикнулъ на него Юрикъ,—надѣлаетъ суматоху, а потомъ и плачется, какъ дѣвчонка... Видѣть тебя не могу, убирайся!— И онъ сердито оттолкнулъ отъ себя дѣйствительно всхлипывавшаго Бобку.

— И отъ меня уйди!—вторилъ Юрику и Сережа,— изъ-за тебя только папа на насъ разсердился, негодный мальчишка!

Бобка былъ сконфуженъ.

Но слезы его и смущеніе какъ-то разомъ пропали, какъ-только онъ вспомнилъ о маленькой феѣ, явившейся ему въ лѣсу.

«Фея или не фея?» — раздумывалъ Бобка, чинно выступая подъ карауломъ братьевъ и прислуги по дорогѣ къ дому. Съ одной стороны, онъ зналъ, что феи существуютъ только въ сказкѣ, а съ другой—странная дѣвочка такъ подробно разсказала ему все про

него самого и его братьевъ, что подобное не могла знать ни одна обыкновенная дѣвочка.

Если-бы Бобка могъ надѣть шапку-невидимку и прослѣдить въ ней за убѣжавшимъ отъ него въ лѣсу Митькой, то онъ увидѣлъ-бы, что послѣ ихъ ссоры его босоногій пріятель побѣжалъ не на хуторъ, а въ лѣсной домикъ—къ Маѣ, къ которой являлся ежедневно съ разсказами про нихъ—хуторскихъ барчатъ. Выслушавъ Митьку, Мая побѣжала въ чащу, гдѣ, по указанію Митьки, находился маленькій Бобка, и передъ нимъ, какъ прежде передъ его сестрой Лидочкой, разыграла изъ себя фею.

ГЛАВА VIII.

Непріятная новость. Секретъ Бобки.

НАКОНЕЦЪ-ТО нашелся!—воскликнулъ радостно выбѣжавшій на крыльцо Юрій Денисовичъ Волгинъ и принялъ въ свои объятія потерянаго-было и вновь пріобрѣтеннаго Бобку.—Не буду тебя бранить, мальчикъ,—сказалъ онъ,—ты и такъ достаточно наказанъ за твою опрометчивость. Изъ-за тебя Лидочка заболѣла съ испуга и лежитъ въ постели. Ты не знаешь, какъ любитъ тебя твоя старшая сестра, а если-бы зналъ, то навѣрное-бы строго исполнялъ всѣ мои приказанія. Да и передъ Юріемъ ты много виновенъ. Онъ далъ за тебя слово, и оно оказалось нарушеннымъ, благодаря твоему поступку.

— Папочка...—началъ-было Бобка и заплакалъ.

Юрикъ и Сережа стояли молча, уставившись глазами въ землю, и кусали губы. Они сознавали себя виноватыми не меньше Бобки, такъ какъ отпустили его отъ себя.

Юрію Денисовичу стало жаль своихъ провинившихся сыновей.

— Ну, ребята,—проговорилъ онъ весело, желая ободрить пріунывшихъ мальчугановъ,—все хорошо, что хорошо кончается: исторія съ Бобкой кончилась, слава Богу, хорошо, Лидочка успокоится и поправится, а потому не вѣшайте носовъ, мои друзья! Это происшествіе убѣдило меня только въ одномъ, что вы еще слишкомъ молоды, чтобы разгуливать однимъ по лѣсу и хутору, и потому я позабочусь, чтобы у васъ былъ надежный спутникъ. Мнѣ передали, что здѣсь въ уѣздномъ городѣ живетъ гувернеръ-нѣмецъ, служившій когда-то у князя, бывшаго владѣльца этого хутора, и онъ съ удовольствіемъ поступилъ бы къ намъ въ качествѣ гувернера и учителя.

— Учителя!—вскричали хоромъ всѣ три мальчика, и на ихъ вытянувшихся лицахъ выразился самый неподдѣльный испугъ.

— Да, учителя. Чего вы трусите? Я увѣренъ, что это очень милый человѣкъ; говорятъ, онъ около пятнадцати лѣтъ прожилъ въ домѣ князя.

Но мальчики продолжали стоять съ пасмурными, недовольными лицами. Разъ уже рѣшено взять учителя, то не все-ли равно какой онъ будетъ. Каждый учитель строгъ и взыскателенъ и не будетъ позволять такъ бѣгать и рѣзвиться, какъ они бѣгали и рѣзвились до сихъ поръ.

— А все изъ-за тебя! Ты виноватъ!—сердито шепнулъ Юрикъ Бобкѣ и посмотрѣлъ на младшаго братишку злыми, негодующими глазами.

Бобка сознавалъ свою вину. Пристыженный, усѣлся онъ за столъ и неохотно принялся за чай и ужинъ.

Даже вкусная, мастерски испеченная руками Матрены булка о которой такъ мечталъ онъ въ лѣсу, и та

потеряла весь свой вкусъ и прелесть для сконфуженнаго и огорченнаго Бобки.

Когда, послѣ ужина, онъ пошелъ въ свою спальню гдѣ помѣщался отдѣльно отъ братьевъ со слѣпой Лидочкой, сердечко его забилось еще тревожнѣе и сильнѣе.

Лидочка лежала въ постели и въ комнатѣ пахло лѣкарствомъ.

— Это ты, Бобикъ?—послышался слабый голосокъ дѣвочки, лишь только онъ перешагнулъ порогъ комнаты.—Ахъ, какъ ты меня напугалъ сегодня! Не дѣлай этого въ другой разъ, Боби! Я такъ волновалась за тебя! Вѣдь когда ты маленькимъ крошкой остался послѣ мамы, я рѣшила взять тебя на мое попеченіе и заботиться о тебѣ. Ахъ, Боби, Боби! Я никогда не ропщу и не жалуюсь, что я ослѣпла въ раннемъ дѣтствѣ, но когда я не могу услѣдить за тобою, Бобикъ, то я начинаю вдвойнѣ страдать оттого, что я слѣпая. Не заставляй-же меня больше плакать и будь послушнымъ! Я обѣщала покойной мамѣ сдѣлать изъ тебя хорошаго, добраго человѣка и хочу во что бы то ни стало, исполнить мое обѣщаніе.

— Не буду, Лидочка! Никогда не буду больше!— искренно вырвалось изъ груди Бобки и онъ крѣпко обнялъ свою слѣпую сестрицу.

ГЛАВА IX.

Княжескій домъ. Фея Мая не обманула.

На другой день, послѣ завтрака, Юрій Денисовичъ со своими тремя мальчуганами пошелъ осматривать княжескій домъ.

Ихъ встрѣтилъ старый Антонъ, слуга и помощникъ лѣсничаго, и повелъ ихъ по цѣлому ряду громадныхъ высокихъ комнатъ. На каждомъ шагу мальчики ахали отъ удивленія. Это былъ совсѣмъ особенный домъ— со всевозможными башенками, затѣями, витыми лѣсенками и громаднымъ двухсвѣтнымъ заломъ. Онъ скорѣе походилъ на какой-нибудь замокъ или дворецъ. Дѣти съ удивленіемъ разглядывали тяжелую, массивную мебель, покрытую густымъ слоемъ пыли, а старый Антонъ, благообразный и высокій старикъ, разсказывалъ имъ въ это время своимъ протяжнымъ, пріятнымъ голосомъ:

— Этотъ домъ былъ выстроенъ при прадѣдѣ теперешняго князя. Князь и не жилъ въ немъ; они вмѣстѣ съ сыномъ и учителемъ-нѣмцемъ занимали

флигель во дворѣ до тѣхъ поръ, пока молодой князь не выросли и не уѣхали учиться за границу.

— А папа беретъ къ намъ его учителя!—неожиданно заявилъ Антону Юрикъ.

— Что-жъ, господинъ Гросъ человѣкъ хорошій!—произнесъ Антонъ, ласково улыбнувшись быстроглазому барчонку.

— Воображаю! Какой-нибудь длинноносый нѣмецъ,—проворчалъ себѣ подъ носъ Юрикъ. Одно уже воспоминаніе о непріятномъ ему учителѣ сразу разсѣяло все его хорошее настроеніе.

— А теперь я вамъ портретную покажу,—съ своей обычной добродушной улыбкой произнесъ старикъ Антонъ.

При словѣ «портретная» Бобка насторожился. Значитъ, фея не солгала. Если есть портретная—тамъ есть портретъ феи, и онъ Бобка, увидитъ его сейчасъ—и глаза мальчика такъ и загорѣлись самымъ живымъ любопытствомъ.

Портретная была большая комната, выходившая окнами въ садъ; съ ея стѣнъ улыбались всевозможные дамы и мужчины разныхъ возрастовъ и въ самыхъ необыкновенныхъ костюмахъ. Дамы, изображенныя на портретахъ, были въ необыкновенно широкихъ платьяхъ и странныхъ прическахъ, съ розанами въ волосахъ; у мужчинъ были необычайно нарядные мундиры со звѣздами на груди, а у двухъ—трехъ, наиболѣе важныхъ на видъ, были даже бѣлыя косы, спускавшіяся до плечъ.

— Такъ ходили при нашихъ прадѣдахъ!—пояснилъ

Юрій Денисовичъ дѣтямъ, указывая имъ на портреты.

Рядомъ съ портретами находились и картины, изображавшія разные случаи жизни: тутъ былъ и всадникъ на конѣ, скачущій во весь опоръ, и два турка-строившіе другъ другу такія уморительныя гримасы, что нельзя было смотрѣть на нихъ безъ смѣха, и, на, конецъ, китаецъ, изображенный во весь ростъ или, вѣрнѣе, халатъ, туфли и коса китайца, тогда какъ на мѣстѣ головы у него зіяла громадная дыра.

— А гдѣ-же голова китайца?—въ одинъ голосъ спросили Юрикъ и Сережа своего спутника Антона.

— А голову ему крысы отъѣли-съ,—предупредительно пояснилъ тотъ,—на чердакѣ онъ все время находился, ну, вотъ и пришлось ему головы лишиться—ужь больно много у насъ крысъ развелось на чердакѣ!

— А теперь, господа,—обратился онъ къ своимъ спутникамъ,—пожалуйте на башенку; съ башенки у насъ расчудесный видъ на хуторъ и окрестности.

— Отлично, отлично!—хоромъ вскричали мальчики и поспѣшили изъ портретной.

Послѣдовалъ за остальными и Бобка, разочарованный, недовольный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

Маленькая фея солгала ему въ лѣсу — онъ, по крайней мѣрѣ, не нашелъ ея изображенія среди всѣхъ этихъ важныхъ барынь и барышень, изображенныхъ на портретахъ.

— Гадкая маленькая фея!—пробормоталъ про себя Бобка,—никогда не буду ей вѣрить больше, если встрѣчу ее гдѣ-нибудь.

И вдругъ онъ вспомнилъ разомъ, что маленькая фея обѣщала показаться ему одному, а ихъ тутъ было цѣлое общество: и папа, и Сережа, и Юрикъ, и старикъ. А феи, какъ всѣмъ извѣстно, боятся людского общества. Значитъ, чтобы увидѣть фею, ему необходимо одному вернуться въ портретную.

Задумано—сдѣлано. Мальчикъ незамѣтно отсталъ отъ братьевъ и снова, на этотъ разъ уже одинъ, очутился въ портретной. И опять глаза его забѣгали отъ одного изображенія на стѣнѣ къ другому, и онъ силился найти въ каждомъ изъ нихъ какое-нибудь сходство съ Маей.

Вотъ передъ нимъ молоденькая дѣвушка съ розой въ волосахъ. Эта какъ-будто немножечко похожа на фею... только нѣтъ, все-таки не то... У феи въ лѣсу были черные волосы, а у этой бѣлые, какъ ленъ... А вотъ сѣдая старуха съ длиннымъ и какъ-будто чуточку кривымъ носомъ. Это ужь и подавно не Мая. Развѣ бываютъ старыя, да еще вдобавокъ кривоносыя феи? А вотъ и дѣвочка съ барашкомъ на рукахъ. Не она-ли?

Въ ту самую минуту, когда Бобка, поглядѣвъ на дѣвочку съ барашкомъ, изображенную на портретѣ, раздумывалъ о сходствѣ дѣвочки на картинкѣ съ живой дѣвочкой-феей, встрѣченной имъ въ лѣсу, произошло нѣчто совсѣмъ уже неожиданное для него, Бобки... Переводя глаза съ портрета на портретъ, Бобка дошелъ, наконецъ до безголоваго китайца и вдругъ чуть не закричалъ на весь домъ отъ неожиданности и испуга. Китаецъ теперь не былъ уже

безголовымъ. Вмѣсто зіявшей дыры, у него, точно въ сказкѣ, появилась голова. Надъ пестрымъ халатомъ теперь выглядывало бѣленькое, совсѣмъ не китайское личико. Черные лукавые глазки насмѣшливо искрились, глядя въ упоръ на испуганнаго Бобку. Пухлый ротикъ улыбался, обнажая рядъ бѣлыхъ, какъ миндалины, зубенокъ. Въ лукавомъ, улыбающемся личикѣ не было ничего страшнаго и черезъ минуту весь испугъ Бобки прошелъ. А когда бѣленькій китаецъ заговорилъ своимъ звонкимъ голосомъ, уже нѣсколько знакомымъ Бобкѣ, Бобка сразу понялъ, что фея Мая не обманула его и что онъ видитъ ее, а не кого другого въ лицѣ этого необыкновеннаго китайца.

ГЛАВА X.

Вотъ такъ китаецъ! Фея съ разбитымъ носомъ.

А вотъ и я!—весело проговорилъ бѣленькій, черноглазый китаецъ,—видишь, я не обманула, сказавъ, что ты меня увидишь въ портретной.

— Вотъ такъ китаецъ!—произнесъ Бобка и весело, звонко разсмѣялся.

— Тише, услышатъ!—остановила его фея,—услышатъ и придутъ, а я не хочу показываться никому больше.

— Какъ-же ты попала сюда?—недоумѣвающе спросилъ Бобка,—когда мы вошли въ портретную, то у китайца не было головы и Антонъ сказалъ, что ее съѣли крысы.

— Да, ее съѣли крысы!—подтвердила фея,—и очень хорошо сдѣлали, что съѣли, потому что навѣрное лицо китайца далеко не такъ хорошо выглядѣло, какъ мое.

— Но какъ же ты здѣсь очутилась, фея?—повторилъ свой вопросъ все еще недоумѣвающій Бобка.

—.Какъ-же ты попала сюда?—недоумѣвающе спросилъ Бобка..

— Какой глупенькій мальчикъ!—разсмѣялась Мая своимъ веселымъ смѣхомъ,—развѣ феямъ трудно очутиться тамъ, гдѣ онѣ захотятъ! Мои маленькіе эльфы запрягли кузнечиковъ въ коляску, а бабочки—моя вѣрная стража—охраняли меня въ пути, пока я на большомъ листѣ лопуха, который мнѣ замѣняетъ экипажъ, не прилетѣла сюда, въ домъ князя. Вѣдь я фея...

— Это сказка? — спросилъ, все болѣе и болѣе изумляясь, Бобка.

— Нѣтъ, это правда!

— Не можетъ быть!.. ты вѣрно мнѣ разсказываешь сказку,—усомнился мальчуганъ:—я не вижу ни лопуха, ни кузнечиковъ, а просто ты пролѣзла за картину и просунула лицо въ дырку, замѣняя собою съѣденное крысами лицо китайца.

— Какъ ты смѣешь мнѣ не вѣрить?—разсердилась Мая, недовольная тѣмъ, что смышленый Бобка понялъ ея продѣлку.

— Да я...

— Вѣрь! вѣрь мнѣ! изволь сейчасъ же вѣрить, когда я тебѣ говорю!—нетерпѣливо вскричалъ бѣленькій китаецъ.

— Зачѣмъ-же ты сердишься?—удивленно спросилъ Бобка,—или феи должны всегда сердиться?

— Глупый мальчуганъ!—снова нетерпѣливо произнесла Мая и сдѣлала рѣзкое движеніе головой.

Отъ этого движенія пестрый халатъ китайца заколыхался, что-то загрохотало, зашумѣло позади него—и въ одинъ мигъ и пестрый китаецъ, и маленькая фигурка феи вмѣстѣ со стуломъ, Богъ вѣсть какими

судьбами очутившимся за картиной,—все это неожиданно рухнуло къ ногамъ изумленнаго Бобки...

Въ первую минуту Бобка опѣшилъ и стоялъ съ широко раскрытыми отъ изумленія глазами и ртомъ. Потомъ онъ со всѣхъ ногъ бросился къ Маѣ.

— Ты ушиблась?—вскричалъ онъ, силясь поднять ее и поставить на ноги.

Мая терла колѣнку и горько плакала.

— Противный стулъ!—ворчала она,—я не знала, что у него сломана ножка, и влѣзла на него, чтобы придѣлать голову обезглавленному китайцу.

— Ай-ай-ай, какая ты неосторожная!—покачивая укоризненно головою, протянулъ Бобка.

— А ты...—начала было сердито дѣвочка и вдругъ сконфуженно умолкла: въ дверяхъ стояли Юрій Денисовичъ, Антонъ и оба мальчика.

— Барышня! Наша барышня!—удивленно вскричалъ слуга лѣсничаго,—какъ вы попали сюда?

— Такъ, значитъ, ты не фея?—протянулъ разочарованнымъ голосомъ Бобка.

У Маи болѣла колѣнка, и изъ ея бѣленькаго носика показались капельки крови. На концѣ носика краснѣла некрасивая ссадина. Очевидно, она сильно ударилась при паденіи.

— Нѣтъ, фея!—сердито бросила она въ сторону Бобки.

— Какая-же ты фея, если разбила себѣ носъ! Развѣ бываютъ феи съ разбитыми носами? скажи, папа!—самымъ серьезнымъ тономъ обратился Бобка къ отцу.

Его наивная, недоумѣвающая рожица была до того забавна, что Сережа и Юрка прыснули со смѣха.

— Полно смѣяться, дѣти!—остановилъ ихъ Волгинъ,—маленькая барышня хотѣла подшутить надъ нами. Не правда-ли, барышня?—ласково обратился онъ къ Маѣ.

Маѣ было очень совѣстно и неловко. Она хотѣла провести дѣтей Волгиныхъ, подшутить надъ ними и вдоволь посмѣяться, а судьба распорядилась иначе, и они сами теперь смѣялись надъ нею, Маей. Поэтому она почувствовала невольную признательность къ Юрію Денисовичу, остановившему смѣхъ шалуновъ.

— Вотъ что, барышня,—продолжалъ тотъ, видя смущеніе Маи,—мы проводимъ васъ до дому къ ва-

шему дѣдушкѣ, съ которымъ мнѣ кстати давно хотѣлось познакомиться и попросить отпускать васъ на хуторъ почаще. Вамъ будетъ куда веселѣе играть въ обществѣ дѣтей, нежели одной...

— Или съ Митькой,—неожиданно сорвалось съ губъ Маи.

И она тутъ-же со смѣхомъ разсказала, что она заставляла Митьку прибѣгать разсказывать ей все, что происходитъ на хуторѣ.

— Такъ вотъ откуда ты узнала все про насъ и могла такъ подробно разсказать объ этомъ въ лѣсу!— догадался Бобка и невольно разсмѣялся надъ тѣмъ, какъ провела его въ лѣсу Мая.

Дѣти Волгины живо подружились съ внучкой лѣсничаго. Живая, веселая и умненькая Мая пришлась имъ по душѣ. И Мая въ свою очередь перестала негодовать на трехъ бойкихъ шалуновъ-мальчугановъ, поселившихся на «ея хуторкѣ». Теперь, получивъ приглашеніе приходить на этотъ хуторокъ, она могла снова и ласкать Буренку, и кормить голубей, и бѣгать по саду, и рвать цвѣты—и не одна уже, а въ обществѣ трехъ новыхъ товарищей. И она чистосердечно разсказала дѣтямъ, по дорогѣ къ лѣсному домику, какъ она не взлюбила ихъ сначала; потомъ со смѣхомъ повѣдала имъ, какъ ей пришла веселая мысль потѣшиться надъ ними; какъ она тайкомъ пробралась въ старый домъ и поставила стулъ за портретъ китайца, чтобы еще разъ вдоволь посмѣяться надъ Бобкой.

— И вотъ я стала «фея съ разбитымъ носомъ»,— со смѣхомъ заключила она свою исповѣдь и побѣжала

впередъ—предупредить дѣдушку о неожиданныхъ гостяхъ.

Дмитрій Ивановичъ былъ очень доволенъ приходу Волгиныхъ. Онъ угощалъ ихъ свѣжей, душистой лѣсной земляникой со сливками и разсказывалъ имъ о хуторскихъ дѣлахъ и о лѣсахъ, и о старомъ князѣ и его сынѣ, уѣхавшемъ уже давно учиться за границу.

Только передъ самымъ обѣдомъ вернулись дѣти домой съ цѣлымъ ворохомъ новостей для бѣдной слѣпой Лидочки.

ГЛАВА XI.

Черныя куры.

ЮРКА! Юрикъ! гдѣ ты?—послышался какъ-то въ полдень звонкій голосъ Бобки за фруктовымъ садомъ, доходившимъ до самой рѣчки.

На берегу рѣчки сидѣли Сережа, Юрикъ и Митька. Митька копошился въ землѣ, отыскивая червей, Сережа и Юрикъ удили рыбу. Солнце палило и жгло немилосердно, и всѣ три мальчугана, покрытые густымъ налетомъ загара, казались теперь похожими на арабчатъ. Бобка неожиданно вынырнулъ изъ-за группы деревьевъ и подошелъ къ мальчикамъ. Онъ казался взволнованнымъ и встревоженнымъ.

— Что такое?—сердито спросилъ Юрикъ, недовольный тѣмъ, что ему помѣшали удить.

— Ахъ, Юрикъ! — началъ прерывающимся отъ волненія голосомъ Бобка,—у насъ цѣлое происшествіе. Знаешь, завтра будутъ гости, и папа послалъ за цыплятами въ деревню, но Матрена не нашла нигдѣ цыплятъ, и папа приказалъ Аксиньѣ зарѣзать своихъ къ обѣду. А ты вѣдь знаешь, какъ Лидочка ихъ любитъ!

— Какъ, и Чернушку велѣлъ зарѣзать?—испугано вскричалъ Сережа.

— Нѣтъ, Чернушка—Лидочкина любимица и папа не велѣлъ трогать Чернушку, но онъ не знаетъ, что не только Чернушка дорога Лидочкѣ, а и всѣ цыплята. Вѣдь она сама кормитъ ихъ по утрамъ и вечерамъ; они знаютъ ея голосъ, вскакиваютъ къ ней на колѣни, берутъ у нея кормъ прямо изъ рукъ.

— Такъ почему-же ты не скажешь все это папѣ? Тогда бы онъ не отдалъ приказанія зарѣзать Лидиныхъ любимцевъ.

— Да вѣдь я узналъ это уже послѣ папинаго отъѣзда,—оправдывался Бобка,—я слышалъ, какъ Матрена сказала Аксиньѣ: «Зарѣжь вечеромъ цыплятъ, кромѣ черной молодки, барышниной любимицы». Папа пріѣдетъ только ночью, когда все уже будетъ кончено съ цыплятами... Онъ поѣхалъ опять къ этому противному учителю приглашать его поступить къ намъ. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказала Лидочка.

— А что она?

— Кто, Лидочка? Она плачетъ.

Въ одинъ мигъ удочка выскользнула изъ рукъ Юрика и поплыла по рѣкѣ.

— Митька, поймай!—крикнулъ онъ своему босоногому пріятелю.

Тотъ не заставилъ повторять приказанія: сбросивъ съ себя одежду, онъ, какъ лягушка, нырнулъ въ воду. А самъ Юрикъ во весь духъ помчался отъ рѣки къ дому. Бобка сказалъ правду. Лидочка сидѣла на тер-

расѣ и горько плакала. Надъ ней стояла Ирина Степановна и ворчала, разводя руками:

— Постыдись, сударыня! Нашла о чемъ кручиниться, слезки проливать. Изъ-за птицы глупой глазки нудить вздумала! Эка невидаль, цыплятъ на жаркое зарѣзать велѣно! Такъ изъ-за этого стоитъ-ли рѣкой разливаться? Чего-жъ ты не плачешь, когда биштексъ или котлетку кушаешь? Вѣдь тоже изъ коровьяго мяса приготовлено и тоже скотинку для того убить пришлось...

— Да вѣдь не то это, няня!—всхлипывая проговорила Лидочка,—вѣдь я ихъ сама ростила и кормила, понимаешь—и вдругъ...

Тутъ Лидочка не выдержала и залилась новыми слезами.

— Не плачь, Лида!—послышался подлѣ нея голосъ Юрки,—мы не дадимъ твоихъ любимцевъ въ обиду,—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя слѣпую,—а ты, няня, ступай, я успокою сестру.

— Ишь, ты какой лыцарь выискался,—заворчала на него, по своему обыкновенію, старушка,—ты вотъ лучше скажи, гдѣ штаны продырявилъ!

И она, поймавъ Юрика за руку, указывала ему на громадную дыру около колѣнки на панталончикахъ.

Но Юрикъ только сердито отмахнулся отъ няни и, наклонившись къ уху Лидочки, зашепталъ тихо и оживленно:

— Не горюй, Лидокъ, вѣдь мы хотя и большіе шалуны, а тебя, нашу бѣдную слѣпенькую Лидочку, любимъ очень, очень крѣпко. Не безпокойся за сво-

ихъ курочекъ. Слышишь? Даю тебѣ мое Юркино слово, что ни одна изъ нихъ не будетъ зарѣзана, и завтра поутру ты будешь попрежнему кормить на крыльцѣ всѣхъ твоихъ цыплятъ!

— Что ты тамъ шепчешь, грѣховодникъ?—тѣмъ-же сердитымъ голосомъ спросила няня, все еще не рѣшавшаяся уйти съ террасы и оставить свою любимицу съ самымъ отъявленнымъ, по ея мнѣнію, изъ шалуновъ-братьевъ.

— Ничего, нянечка,—съ самымъ невиннымъ видомъ отвѣчалъ ей Юрикъ,—я только сказалъ Лидочкѣ, что ты ужасная ворчунья, такая ворчунья, что силъ съ тобой больше нѣтъ!

Сморщивъ свое хорошенькое личико въ гримасу, Юрикъ сталъ вдругъ необычайно похожъ на свою ворчунью-нянюшку, а когда онъ вдобавокъ заговорилъ, очень удачно поддѣлываясь подъ ея тонъ и манеру: «Ишь ты, какой лыцарь выискался! Ты мнѣ лучше скажи, гдѣ ты штаны продырявилъ», то слѣпая Лидочка и сама няня не могли не засмѣяться забавной выходкѣ шалуна.

— Ну, ужь ты разбойникъ извѣстный! — махнувъ на него рукой, добродушно проговорила нянюшка и заковыляла съ террасы.

Въ тотъ же вечеръ Юрикъ крикнулъ Митьку, гонявшаго голубей на голубятнѣ. Митька кубаремъ скатился съ лѣстницы и въ одну секунду предсталъ передъ лицомъ своего юнаго начальства. Нужно сказать, что съ перваго же дня знакомства Митька поступилъ подъ команду Юрика и исполнялъ каждое малѣйшее желаніе маленькаго барчонка.

— Вотъ что, Митька, — оживленно заговорилъ Юрикъ,—ты предложи сегодня твоей теткѣ загнать цыплятъ самому и, какъ загонишь, позови насъ съ Сергѣемъ и Бобкой, да только никому не говори объ этомъ, слышишь?

— Для ча говорить?—степенно произнесъ Митька,—говорить не стану, не! — добавилъ онъ убѣжденно.

— Да ты пораньше загони, слышишь?

— А по-мнѣ, хошь сейчасъ! — широко улыбаясь во весь ротъ, произнесъ мальчишка, — единымъ духомъ загоню.

Прежде чѣмъ Юрикъ могъ что-либо отвѣтить, Митька дѣйствительно «духомъ» помчался къ теткѣ Аксиньѣ и самымъ сладенькимъ голоскомъ заговорилъ съ нею:

— Тетенька! позвольте, я подсоблю вамъ загнать куръ въ курятникъ нонче.

— Ищо чего выдумалъ!—недовѣрчиво произнесла та,—съ чего это тебѣ на умъ пришло?

— Ужь больно мнѣ жаль васъ, тетенька! Больно вы много трудитесь. «Дай-кось,—говорю себѣ,— пособлю въ чемъ тетушкѣ Аксиньѣ»,—ласково отвѣчалъ хитрый мальчуганъ.

— Инъ ладно!—согласилась птичница, подкупленная смиреннымъ тономъ своего пріемыша, — загони куръ, коли есть на то охота.

А Митькѣ только того и надо было. Стрѣлой помчался онъ на задній дворъ, и скоро оттуда послышалось отчаянное кудахтанье куръ и пискъ цыплятъ,

а минутъ черезъ десять все куриное царство было уже водворено на ночлегъ въ курятникѣ.

Передъ самымъ закатомъ солнца, четыре мальчика, подъ предводительствомъ Юрика, тихонько пробрались туда. Въ рукахъ слѣдовавшаго позади троихъ барчатъ Митьки было небольшое ведерко съ какою-то черною жидкостью и большой кистью въ родѣ тѣхъ, которыя имѣются у маляровъ. И ведерко, и кисть, и жидкость Сережа досталъ еще поутру у Антона Савельича, никогда ни въ чемъ не отказывавшаго дѣтямъ. Краска, находившаяся въ ведеркѣ, напоминала своимъ цвѣтомъ чернила и лоснилась, точно подъ глянцемъ. Ею красилась обыкновенно на кухнѣ и въ людской мебель, которая, благодаря черному цвѣту, не казалась запятнанной и грязной. Антонъ Савельичъ долго не соглашался давать краску Сережѣ и только, когда мальчикъ таинственно сообщилъ ему, что они готовятъ сюрпризъ, старый приказчикъ торжественно вручилъ ему ведерко съ кистью и жидкостью.

И такъ, четыре мальчика тихонько пробрались въ курятникъ. Одноглазый старый пѣтухъ — участникъ многихъ дракъ и боевъ, потерявшій свой глазъ въ одномъ изъ такихъ сраженій—съ недоумѣніемъ смотрѣлъ своимъ единственнымъ глазомъ на вошедшихъ позднихъ посѣтителей. Куры и цыплята, мирно отдыхавшіе на жердочкахъ и приготовившіеся уже расположиться ко сну, разомъ всполошились и забѣгали по курятнику.

— Ну, братцы, лови и давай сюда! — шопотомъ приказалъ Юрикъ,—лови въ мою голову!

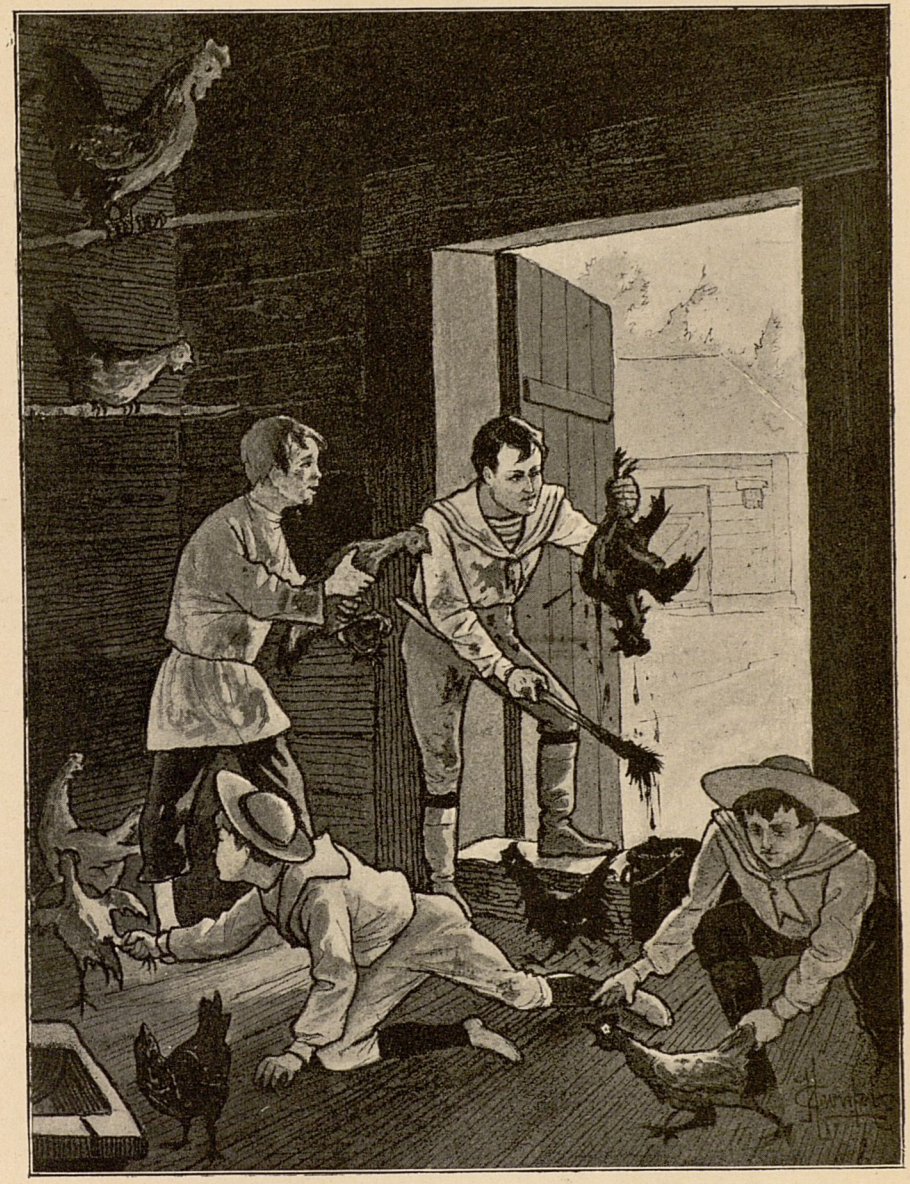
И, схвативъ одной рукою перваго попавшагося ры-

женькаго цыпленка за лапки, другой, свободной рукою онъ обмакнулъ кисть въ ведро съ краской и... и въ одну минуту цыпленокъ изъ пушистаго и рыженькаго превратился въ облизаннаго и чернаго, какъ галченокъ. Глупая птица не понимала поступка своего благодѣтеля и кричала на весь курятникъ, точно ее собирались рѣзать. За нимъ запищали и закудахтали на разные голоса другіе куры и цыплята, и разомъ поднялся такой концертъ, какого навѣрное никогда не было въ стѣнахъ курятника.

Куры кудахтали, цыплята пищали, одноглазый пѣтухъ залетѣлъ на самую высокую жердочку и оттуда кричалъ свое «ку-ку-реку» самымъ отчаяннымъ пѣтушинымъ голосомъ. Мальчики гонялись за курами и цыплятами, натыкаясь въ полутьмѣ другъ на друга и стараясь подавить разбиравшій ихъ порывъ смѣха. Бобка налетѣлъ сразмаху на Сережу и тотчасъ же у обоихъ, и у Сережи и у Бобки, образовались двѣ здоровыя шишки на лбу. Едва удавалось поймать какого-нибудь цыпленка, какъ его тащили къ Юрику и тотъ съ быстротою и ловкостью настоящаго живописца разрисовывалъ желтыя, пѣгія и бѣлыя перышки въ черный съ глянцевитымъ блескомъ цвѣтъ.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ бѣлые, рыжіе и сѣрые куры и цыплята не превратились въ настоящихъ арабокъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ Лидочкиной любимицы—Чернушки.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мальчики вышли изъ курятника. Но, Боже, въ какомъ видѣ! Ихъ свѣтлыя матроски и синіе панталончики—все это было покрыто



Юрикъ схватилъ одной рукой перваго попавшагося рыжеватаго цыпленка за лапки...

черными, безобразными пятнами. Тѣ-же пятна красовались на лицахъ и на рукахъ, а не въ мѣру усердный Митька такъ располосовалъ свое и безъ того чумазое лицо черными полосами, что выглядѣлъ настоящимъ индѣйцемъ.

За то и досталось-же на орѣхи въ этотъ вечеръ Митькѣ! Больно прибила его тетка Аксинья за измазанную краской рубаху.

Впрочемъ, и сама Аксинья пережила непріятную минуту въ этотъ вечеръ. Расправившись съ Митькой, она, вооружившись острымъ ножомъ, направилась къ курятнику—исполнить приказаніе барина. И вдругъ, открывъ туда дверцу, отступила въ испугѣ... Всѣ, рѣшительно всѣ куры и цыплята изображали изъ себя ту черную курочку, которую ей, Аксиньѣ, не приказано было трогать...

— Навожденіе! Батюшки! Навожденіе! — завопила она на весь дворъ съ испугу и со всѣхъ ногъ помчалась къ Матренѣ—дѣлиться съ нею удивительною новостью.

А четыре мальчика, въ томъ числѣ и Митька, уже позабывшій свою недавнюю трепку, такъ и покатывались со смѣху надъ испугомъ и недоумѣніемъ птичницы.

Маленькіе шалуны добились своей цѣли. Выкрашенныхъ цыплятъ никакъ нельзя было отличить отъ Лидочкиной Чернушки и, изъ боязни зарѣзать нечаянно Чернушку, Аксинья не рѣшалась рѣзать и остальныхъ.

Вернувшійся изъ города раньше назначеннаго срока

Юрій Денисовичъ много смѣялся надъ выходкой своихъ шалуновъ Узнавъ-же о причинѣ этой выходки, онъ былъ очень растроганъ ихъ участіемъ и любовью къ слѣпой сестрѣ и крѣпко перецѣловалъ мальчугановъ. А Митька получилъ новую рубаху взамѣнъ старой, запятнанной краской. Жаркое изъ цыплятъ было замѣнено на слѣдующій день жаренымъ поросенкомъ, и Лидочка на другое утро могла, какъ ни въ чемъ не бывало, снова кормить своихъ любимцевъ.

ГЛАВА XII.

Новая шалость.

МИЛАЯ Мая! ты непремѣнно должна придти къ намъ сегодня вечеромъ и помочь намъ въ одномъ дѣлѣ. Такъ гласила записка, написанная крупнымъ, размашистымъ почеркомъ Сережи и заключавшая въ себѣ двѣ кляксы и ни одного «ѣ». Сережа, несмотря на свои 11 лѣтъ, очень не любилъ этой трудной буквы и предпочиталъ обходиться безъ нея и ставить всюду «е» кстати и некстати.

Записка была заключена въ крошечный конвертикъ, на которомъ стоялъ адресъ: «Феѣ Маѣ, въ лѣсной домикъ». Подъ словомъ «домикъ» красовалась новая клякса, необычайно крупныхъ размѣровъ.

Записку вручили Митькѣ, онъ сунулъ ее за пазуху и рысью помчался въ лѣсъ.

Мая не заставила себя долго ждать и явилась на хуторъ тотчасъ-же послѣ завтрака.

— Вотъ что, Мая!—съ дѣловитымъ видомъ про-

говорилъ Юрикъ, встрѣчая дѣвочку на порогѣ дома,— папа и Лидочка съ няней уѣхали въ городъ, а къ намъ пріѣдетъ сегодня новый учитель. Вотъ мы и рѣшили подшутить надъ нимъ на первыхъ-же порахъ и поставить его втупикъ. А ты должна помочь намъ въ этомъ. Слушай...—И Юрка, наклонившись къ уху дѣвочки, зашепталъ ей что-то, отъ чего Мая такъ и покатилась со смѣху.

Юрій Денисовичъ дѣйствительно уѣхалъ съ дочерью и Ириной Степановной въ уѣздный городъ— отчасти по дѣламъ, отчасти, чтобы дать своимъ тремъ сорванцамъ, какъ онъ называлъ сыновей, какъ слѣдуетъ познакомиться съ новымъ гувернеромъ безъ вмѣшательства старшихъ. И дѣти прекрасно воспользовались предоставленной имъ свободой. Должно-быть, выдуманная продѣлка была очень смѣшна, потому что то тотъ, то другой изъ нихъ такъ и заливался громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Смѣялся и Митька, не отстававшій теперь ни на шагъ отъ господъ и бывшій главнымъ участникомъ всѣхъ ихъ шалостей и продѣлокъ.

Гувернера ждали къ обѣду, къ четыремъ часамъ— и ровно въ четыре часа къ крыльцу хуторского домика подъѣхала бричка, въ которой сидѣлъ очень толстенькій, почти круглый человѣчекъ въ соломенной шляпѣ, съ громаднымъ круглымъ предметомъ, завернутымъ въ бѣлую бумагу, на колѣняхъ.

— Ну, ну, Фрицхенъ!—произнесъ самъ себѣ круглый человѣчекъ, съ трудомъ соскакивая съ высокой подножки брички, и, чуть-чуть подпрыгивая и раска-

чиваясь на ходу, направился къ крылечку, держа въ одной рукѣ круглый предметъ, завернутый въ бумагу, а въ другой — небольшой чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ.

У круглаго человѣчка было очень довольное, сіяющее лицо, и толстыя губы его улыбались самой радостной улыбкой.

Круглый человѣчекъ снялъ шляпу, отеръ платкомъ потъ съ лица и вошелъ своей подпрыгивающей съ развальцемъ походкой въ гостиную.

— Никого не имѣется!—снова широко улыбаясь, произнесъ онъ,—ну-съ, надо подождайть! Подождаемъ, Фрицхенъ,—проговорилъ онъ самому себѣ и поставилъ круглый предметъ и чемоданъ на окно въ гостиной.—Ошенъ корошо! Ошенъ корошо!—произнесъ онъ, потирая руки и не безъ удовольствія оглядывая комнату,—многа свѣтъ, многа солнце, а Фрицхенъ ошенъ лубитъ, гдѣ свѣтъ и солнце!

Въ эту минуту дверь въ гостиную отворилась и пять совершенно одинаково одѣтыхъ въ матросскія курточки мальчиковъ вошли въ комнату и, остановившись неподалеку отъ порога, глядѣли во всѣ глаза на пріѣзжаго.

Тотъ еще больше оживился при появленіи дѣтей, побѣжалъ имъ на встрѣчу, лепеча на ходу все съ той-же своей простодушной улыбкой:

— Ошенъ корошо! Ошенъ корошо! Ein, zwei, drei, vier, fünf! Цѣлыхъ fünf! Цѣлыхъ пять мальшикъ. А господинъ Вольгинъ говорилъ менэ, што только три мальшикъ!

— Папа ошибся!—вставилъ свое слово Юрикъ и съ самымъ развязнымъ видомъ разлетѣлся передъ гувернеромъ и шаркнулъ ему ножкой.

— Ай! ай! какъ можно ошибайть! Не можно ошибайть папахену!—высоко приподнялъ толстякъ свои бѣлокурыя брови.—Какъ васъ зовуйтъ?—обратился онъ къ Сережѣ, какъ къ самому старшему изъ дѣтей.

— Пупсикъ!—отвѣчалъ тотъ, не сморгнувъ.

— Шево?—недоумѣвающе переспросилъ нѣмецъ.

— Пупсикъ, — серьезно и ясно отчеканилъ Сережа.

— Странный именъ! У русскихъ такой странный именъ,—покачивая головой, произнесъ учитель.

— Ну, а ви какъ зовуйтъ?—перевелъ онъ глаза съ Сережи на Юрика.

— Мупсикъ! — словно выстрѣлилъ маленькій шалунъ, давясь отъ смѣха.

— Аа-ай-ай! — недовѣрчиво произнесъ учитель,— такой славній малышикъ и такой собачонкинъ именъ вамъ давали ваши папахенъ и мамахенъ.

— А ви какъ зовуйтъ?—обратился онъ къ черноглазому мальчику съ длинными кудрями, разбросанными вдоль спины и плечей.

Въ этомъ тоненькомъ и высокенькомъ мальчикѣ было почти невозможно узнать Маю, одѣтую въ костюмъ Сережи.

— Меня зовутъ Лоло!—бойко отвѣчала дѣвочка,— а его Коко! — указала она на Бобку,—а вотъ онъ,— протянула она руку въ сторону Митьки, ставшаго неузнаваемымъ отъ Юркинаго костюма, — его зовутъ

маркизъ Жоржъ; онъ нашъ двоюродный братъ—французъ и ни слова не понимаетъ по-русски.

— Какъ странно все эта! — проговорилъ тономъ глубокаго изумленія нѣмецъ,—какъ странно, что господинъ Вольгинъ ни словъ мнѣ о пяти мальшикъ, о французъ. Ви ни словъ не можетъ по-русски?—обратился онъ къ Митькѣ, снова высоко поднимая брови.

Митька открылъ было ротъ, чтобы отвѣтить, но подоспѣвшій какъ-разъ во-время Юрикъ такъ ущипнулъ его за руку, что онъ чуть не завизжалъ отъ боли.

— И по-нѣмецки ни словъ не знаете? — снова обратился къ нему съ вопросомъ гувернеръ.

Тутъ уже Митька, не рискнувшій получить второго щипка отъ Юрки, рта не разинулъ, а только заморгалъ своими сѣрыми глазами.

— Пойдемте, мы вамъ садъ покажемъ, — предложилъ Сережа.—Мупсикъ, Лоло, Коко и вы, маркизъ Жоржъ,—обратился онъ къ дѣтямъ,—идемте показывать садъ учителю!

— Меня зовутъ Гроссъ!—любезно подсказалъ нѣ-

мецъ,—я маленькій, а мой фамилій Гроссъ (Гроссъ—значитъ большой по-нѣмецки). А зовутъ меня Францемъ. Господинъ Францъ.

Потомъ, пристально взглянувъ на мнимаго маркиза—Митьку, онъ добавилъ, изумленно покачивая головою:

— Удивительно, какъ эта ви не многа похожъ на французъ... Совсѣмъ у васъ русской лишико. Ви изъ Парижъ?

— М... м... м...—замычалъ неожиданно Митька и замоталъ головою.

Юрикъ строго-на-строго приказалъ ему мычать и мотать головою на все, что бы ни спрашивалъ у него гувернеръ. И Митька, получивъ барское платье, готовъ былъ исполнить всякое приказаніе своего начальства, лишь-бы какъ можно дольше остаться въ Юркиномъ костюмѣ.

— Не изъ Парижъ! Ошенъ шаль! Въ Парижѣ ошенъ корошо!—проговорилъ Гроссъ, все еще съ недоумѣніемъ поглядывая на бѣлобрысые вихры Митьки, торчавшіе предательски изъ-подъ шапки и такъ не подходившіе къ типу французскаго маркиза.

Мальчики и Мая, между тѣмъ, степенно спустились съ крыльца въ садъ и повели Гросса по желтымъ и прямымъ, какъ стрѣлки, аллеямъ.

Господинъ Гроссъ оказался очень разговорчивымъ. Онъ разсказывалъ дѣтямъ, что раза три былъ въ этомъ саду со своимъ воспитанникомъ, княземъ Виталіемъ Черноземскимъ, и приходилъ бы сюда съ удовольствіемъ и чаще, такъ какъ хуторской садъ очень нравился ему,

но хуторъ нанимали на лѣто дачники, и они поневолѣ должны были довольствоваться садомъ и лѣсомъ, окружавшимъ княжескій домъ.

Господинъ Гроссъ очень забавно перебиралъ русскія слова и это выходило очень смѣшно. Дѣти тихонько подталкивали другъ друга и хихикали ежеминутно. Митька, слѣдовавшій за ними, поминутно зажималъ ротъ обѣими руками, боясь расхохотаться въ голосъ и навлечь на себя гнѣвъ господъ.

ГЛАВА XIII.

За обѣдомъ. M-eur Жоржъ изъ деревни.

ГОСПОДА, обѣдать!—И веселая, смѣшливая горничная Евгеша, большая участница всѣхъ шалостей молодыхъ господъ, предстала въ концѣ аллеи.

Евгеша была посвящена въ тайну дѣтей и теперь едва удерживалась отъ смѣха при видѣ важно выступавшаго въ господскомъ костюмѣ Митьки.

— Ишь ты, курносый!—тихонько фыркая въ передникъ, произнесла она звонкимъ шопотомъ,—тоже хранцузъ—чумазый! Выдумаютъ тоже, проказники!

— Обѣдать! Обѣдать!—засуетились дѣти и, окруживъ господина Гросса, потащили его изъ сада въ столовую.

Митька, или маркизъ Жоржъ, важно засунувъ руки въ карманы, послѣдовалъ за остальными.

Первая смѣна обѣда прошла болѣе или менѣе благополучно. Митьку посадили между Маей и Юрикомъ, подальше отъ гувернера, чтобы г. Гроссъ не могъ ви-

дѣть, какими огромными кусками отправлялъ въ ротъ слоеные пирожки съ капустой мнимый маркизъ.

— У него прекрасный аппетитъ, у нашего кузена,—каждый разъ говорила Мая, когда гувернеръ взглядывалъ въ ихъ сторону, и добавляла шопотомъ, такъ, чтобы слышалъ одинъ только Митька: — Ты подавишься. Увѣряю тебя, ты подавишься, Митька, или разорвешь себѣ ротъ. Можно-ли такъ ѣсть! Не забывай, что ты маркизъ, т.-е. очень важный баринъ. А важные господа всегда кушаютъ очень мало и очень деликатно.

Но Митька, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дулъ на эти слова Маи. Попавъ разъ въ жизни за барскій столъ, гдѣ подавались такія вкусныя вещи, онъ забылъ обо всемъ въ мірѣ и весь ушелъ въ ѣду.

Когда, послѣ супа, подали котлеты, и Евгеша, раскладывавшая, вмѣсто отсутствующей нянюшки, порціи по тарелкамъ, поставила тарелку съ жаркимъ передъ Митькой, тотъ попросту безъ затѣй схватилъ котлетку съ тарелки руками и тотчасъ выронилъ ее обратно на тарелку, закричавъ на весь столъ отъ боли. Котлета была очень горяча и Митька сильно обжегся ею.

— Что съ вами, маркизъ? Что съ вами, милый кузенъ?—поспѣшили къ нему съ двухъ сторонъ Мая и Юрикъ.—Вы обожгли свой ротикъ? Ахъ, какая жалость! Какая жалость!—И тутъ-же тихимъ шопотомъ Юрка добавилъ: — Эхъ, ты! не могъ подождать немного... Чего раскричался?

— Да коклетка энта самая... — началъ слезливо

оправдываться такимъ-же шопотомъ Митька,—во какъ жжется!

— Молчи! Молчи!—зашикалъ на него перепуганный Юрикъ,—услышитъ!

Но г. Гроссъ ничего не слышалъ. Онъ занялся въ это время Сережей и Бобкой, своими сосѣдями по столу, и разсказывалъ имъ о томъ, какой милый и умный былъ его воспитанникъ князь Виталій и какимъ онъ теперь сталъ ученымъ человѣкомъ.

Митька, видя, что учитель, какъ онъ называлъ нѣмца, не обращаетъ на него никакого вниманія, снова ободрился и благополучно сталъ ѣсть свою котлетку, такъ громко чавкая на весь столъ и причмокивая губами отъ удовольствія, что Мая и Юрикъ, а заодно съ ними и веселая Евгеша просто задыхались отъ смѣха. Потомъ, покончивъ наконецъ съ злополучной котлетой, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обтеръ губы рукавомъ куртки и высморкался въ салфетку, очевидно, принимая ее за носовой платокъ.

Тутъ уже поведеніе необыкновеннаго маркиза не могло не обратить на себя вниманія гувернера. Теперь уже г. Гроссъ не отрываясь смотрѣлъ во всѣ глаза на страннаго кузена. А Митька отъ удовольствія сидѣть за столомъ съ господами, а главнымъ образомъ—отъ впечатлѣнія вкуснаго обѣда сталъ красенъ, какъ вареный ракъ, и такъ болталъ подъ столомъ ногами, что поминутно ударялъ ими по колѣнкѣ то Юрика, то Маю.

На третье подали желе. Желе было очень красивое, красное и желтое, въ видѣ высокой башенки.

Когда Евгеша несла его къ столу, оно мѣрно покачивалось на блюдѣ.

— Да неужто-жъ мы эфто ложками хлебать станемъ?—шопотомъ обратился снова Митька къ своему сосѣду Юрику, легонько подталкивая его локтемъ въ бокъ.

Юрикъ только отмахнулся отъ него рукою и съ ужасомъ скосилъ испуганные глаза въ сторону гувернера.

— Ровно тебѣ стекло!—не унимался Митька, страшно заинтересованный диковиннымъ кушаньемъ, которое Евгеша успѣла уже положить ему на тарелку.

Онъ попробовалъ желе сначала пальцемъ и тотчасъ-же засунулъ палецъ въ ротъ.

— Сладко!—произнесъ онъ и при этомъ даже глаза зажмурилъ отъ удовольствія.

Потомъ, внезапно расхрабрившись, онъ запустилъ въ желе свои грязные пальчишки.

— Ишь ты, никакъ не уколупнешь его!—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на трясущееся прозрачное кушанье.

— Ложкой, ложкой ѣшь,—зашептали ему съ отчаяніемъ въ голосѣ Юрикъ и Мая.

Митька послушно взялъ ложку въ руку, предварительно обтеревъ пальцы о грудь куртки. Но желе не бралось и на ложку. Оно трепетало и покачивалось во всѣ стороны и каждый разъ бѣдный мальчуганъ снова ронялъ куски его съ ложки на тарелку, не успѣвая донести до рта.

— А когда такъ,—такъ я-жъ тебѣ!—выйдя, нако-

нецъ, изъ себя и окончательно позабывъ про свою важную роль барина, заоралъ онъ благимъ матомъ на всю столовую и, неожиданно поднеся къ своему носу тарелку съ злополучнымъ кушаньемъ, сталъ ѣсть желе такъ, какъ обыкновенно ѣдятъ собаки, кошки и прочія животныя, прямо языкомъ съ тарелки.

Громко чавкая, сопя и причмокивая, Митька до того увлекся ѣдою, что не замѣтилъ, какъ г. Гроссъ неожиданно поднялся со своего мѣста, подошелъ къ Митькиному стулу и, ударивъ мальчугана по спинѣ салфеткой, громко и сердито закричалъ ему въ ухо:

— Пошелъ вонъ! Пошелъ вонъ въ одна минута! Ты не маркизъ... не кузенъ... а простой мужицка мальшенка!

Митька, никакъ не ожидавшій такого происшествія, вскочилъ, какъ ошпаренный, со своего мѣста. Отъ быстраго движенія тарелка съ остатками сладкаго выскользнула у него изъ рукъ и, упавъ на полъ, разлетѣлась на мелкіе кусочки. Митька заревѣлъ съ испугу во всю глотку и рысью кинулся вонъ изъ столовой.

— Ошенъ корошо! Ошенъ корошо!—съ гнѣвомъ заговорилъ г. Гроссъ, сверкая своими маленькими глазками, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего злого. — Фуй, какой стидъ! Такіе большіе мальшики и такіе обманщики! хотѣли провести менэ, вашъ старый наставникъ. Стидъ! Срамота! Посадилъ на столъ неотесанный мужишонка и звалъ его маркизъ! О! какъ нехорошо! Какъ нехорошо! Васъ шетыре типерь. И въ комнатѣ шетыре уголъ. Каждый некорошій маль-

Г. Гроссъ поднялся со своего мѣста...

шикъ полушайтъ по углу въ наказаніе. Ступайтъ! Маршъ! Разъ, два, три!

Но вотъ изъ кучки сбившихся на середину мальчиковъ выдѣлился одинъ, тоненькій, смуглый и черноглазый, съ вьющимися по плечамъ смоляными кудрями, и проговорилъ своимъ серебристымъ голоскомъ:

— Я не мальчикъ, г. Гроссъ! Я—Мая.

— Какъ не малышикъ? Какой такой Мая? Ви зовутъ Лоло, ви малышикъ Лоло, ви самъ говорилъ.

— Мало-ли, что я говорила,—начиная уже раздражаться, произнесла избалованная дѣвочка,—а я не мальчикъ, не мальчикъ, не мальчикъ!—затвердила она упрямо.

Надо сказать, что Дмитрій Ивановичъ не только не наказывалъ свою внучку, но даже не сдѣлалъ ей никогда ни одного строгаго выговора, и шаловливая, проказливая дѣвочка не выносила никакихъ замѣчаній. Теперь она вся вспыхнула отъ выговора г. Гросса, вспыхнула и оскорбилась.

— Какъ вы смѣете кричать на меня? Я вамъ не Митька,—рѣзко проговорила она, сверкнувъ на гувернера своими сердитыми глазенками.

— Кто таковъ Митька? — спросилъ съ недоумѣніемъ тотъ.

— Митька—маркизъ, котораго вы только-что прогнали.

Напоминаніе о глупой шуткѣ, которую позволили себѣ выкинуть надъ нимъ проказники, еще болѣе разсердило г. Гросса. Онъ весь покраснѣлъ и, топнувъ ногою, закричалъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого никто-

бы не могъ ожидать отъ простодушнаго толстаго человѣчка:

— Маршъ по угламъ! Безъ разговоровъ, маршъ!

— Ни за что не пойду въ уголъ, я не мальчикъ, а дѣдушкина внучка, и вы не смѣете наказывать меня,—попрежнему возражала упрямая Мая.

— Вздоръ! — кричалъ въ свою очередь окончательно выведенный изъ себя нѣмецъ, — ви негодный мальчишка и шагайтъ въ углу сей-же моментъ.

Напрасно Юрикъ, Сережа и Бобка въ одинъ голосъ увѣряли гувернера, что Мая — дѣвочка и переодѣлась въ Юркино платье только ради шутки—г. Гроссъ ни за что не хотѣлъ имъ вѣрить и разставилъ по угламъ всѣхъ четверыхъ дѣтей.

Юрій Денисовичъ съ Лидочкой и няней пріѣхалъ нѣсколько раньше обѣщаннаго часа и былъ очень непріятно пораженъ, увидѣвъ въ четырехъ углахъ столовой четыре смѣшныя маленькія фигурки. Непріятное изумленіе перешло у него въ глубокое недоумѣніе и недовольство, когда г. Гроссъ, желая сдѣлать пріятное Волгину и простить дѣтей, сказалъ наказаннымъ:

— Ну, Мупсикъ, Пупсикъ, Коко и Лоло, выходійтъ изъ ваши уголь. Я васъ прощаю ради вашего папахенъ.

— Что такое? Какіе Мупсикъ, Пупсикъ, Коко, Лоло?—съ удивленіемъ переспросилъ Юрій Денисовичъ гувернера.

Дѣтямъ стало очень неловко за ихъ глупую шутку.

— Меня зовутъ Сережа, а не Пупсикъ! — послышался смущенный голосокъ изъ одного угла.

— Я не Мупсикъ, а Юрикъ, — послышалось изъ другого.

— А я Бобикъ, а не Коко!—вторилъ имъ третій голосокъ.

Четвертый голосокъ даже не проронилъ ни звука. Маѣ было очень совѣстно, что ее застали въ такомъ видѣ, и она незамѣтно выскользнула изъ столовой, чтобы переодѣться въ комнатѣ Евгеши и убѣжать домой.

Юрій Денисовичъ былъ недоволенъ на этотъ разъ грубой шалостью своихъ сыновей. Онъ сдѣлалъ имъ строгій выговоръ въ присутствіи гувернера, и мальчики окончательно пристыженные и смущенные разошлись въ этотъ вечеръ по своимъ постелямъ.

ГЛАВА XIV.

Тайна г. Гросса.

Ѣсть—essen.

— Спать—schlafen.

— Бѣгать—laufen. Бобка, а Бобка, ты уже выучилъ урокъ?

И, отложивъ книгу въ сторону, Юрикъ, сладко позѣвывая, ожидалъ отвѣта младшаго брата.

Стоялъ чудесный іюньскій день. Солнце жгло и пекло немилосердно. По цвѣтнику летали мохнатыя пчелки и прелестныя пестрыя бабочки. Птицы чирикали въ кустахъ. А на террасѣ сидѣли три мальчика и учили нѣмецкія слова.

Фридрихъ Адольфовичъ (такъ звали г. Гросса) сидѣлъ немного поодаль съ газетой въ рукахъ и, казалось, не обращалъ никакого вниманія на своихъ воспитанниковъ. Но это только казалось: едва Юрикъ опустилъ книгу на колѣни, какъ зоркій г. Гроссъ окликнулъ мальчика:

— Юрхенъ, не будьте лѣнтяй... ушить ваши слова и не мѣшайте Боби.

— У-у, крыса противная! — проворчалъ недовольнымъ шопотомъ Юрка и снова уткнулся въ книгу.

— Фридрихъ Адольфовичъ! у васъ комаръ на голову сѣлъ!—неожиданно послышался голосъ Сережи, принявшагося отъ жары и лѣни слѣдить за головой гувернера.

Тотъ спокойно убилъ комара, усѣвшагося у него на лбу, и снова погрузился въ чтеніе газеты.

— Фридрихъ Адольфовичъ,—снова прозвучалъ голосъ,—у васъ на носъ комаръ теперь усѣлся...

Г. Гроссъ, не подозрѣвая новой шалости, ударилъ себя слегка пальцемъ по носу, гдѣ, разумѣется, не оказалось никакого комара.

— Фридрихъ Адольфовичъ,—снова съ дѣланнымъ испугомъ закричалъ Сережа,—на васъ сейчасъ пчела сядетъ и ужалитъ васъ.

И въ ту-же минуту Юрикъ и Бобка фыркнули вмѣстѣ.

— О-о, маленькій плютишки,—добродушно заворчалъ гувернеръ,—вы все менэ обманываетъ.

И, погрозивъ пальцемъ, онъ добавилъ уже болѣе строгимъ голосомъ:

— Я пошелъ купаться, а ви ушить, ушить! Слишалъ?

Услыша столь пріятную новость, что г. Гроссъ пойдетъ купаться и, слѣдовательно, они снова останутся одни, три шалуна, какъ по командѣ, уставились носами въ книги и оживленно затвердили въ одинъ голосъ:

— Ѣсть—essen, essen, essen. Спать—schlafen, schlafen, schlafen. Бѣгать—laufen, laufen, laufen.

Фридрихъ Адольфовичъ былъ уже далеко, а мальчики все еще твердили съ преувеличеннымъ усердіемъ нѣмецкія слова. Въ эту минуту что-то бѣлое мелькнуло подъ окнами террасы.

— А-а, маркизъ! Маркизъ, идетъ сюда!—вскричалъ, высунувшись изъ окна, Бобка.

— И то маркизъ!—подтвердилъ Сережа.—Сюда къ намъ скорѣе!—поманилъ онъ бѣгущаго къ нимъ со всѣхъ ногъ Митьку, и черезъ минуту босоногій маркизъ былъ уже на террасѣ.

— Ушелъ губернеръ-то?—засовывая по своей привычкѣ палецъ въ ротъ, спросилъ онъ мальчиковъ.

— Купаться ушелъ! — таинственно проговорилъ Юрикъ,—и сейчасъ самое удобное время узнать про его «тайну».

— Вотъ-вотъ!—подтвердилъ Сережа,—наша водяная крыса долго еще будетъ плескаться въ водѣ, а мы тѣмъ временемъ и вывѣдаемъ все то, что онъ такъ усердно скрываетъ отъ насъ...

— Какъ хорошо, что онъ насъ не взялъ съ собою и мы можемъ узнать, наконецъ, его тайну!—весело вскричалъ Бобка.

— Но ты не очень-то кричи, малышъ, — осадилъ его Сережа.

Бобка думалъ-было обидѣться за прозвище малыша, данное ему старшимъ братомъ, но разомъ смекнулъ, что сейчасъ не время ссориться и считаться.

— Ну, ребята, шагомъ маршъ къ крысѣ въ ея подполье!—скомандовалъ шопотомъ Юрикъ.

И вся маленькая команда осторожно двинулась съ

террасы, направляясь по коридору къ комнатѣ гувернера.

Пока наши мальчуганы пробираются въ «подполье», какъ они окрестили спальню г. Гросса, надо объяснить вамъ, дѣти, что за тайну надѣялись они узнать въ ней. Фридрихъ Адольфовичъ жилъ уже около недѣли на хуторѣ, между тѣмъ мальчики ни разу не были еще въ его комнатѣ. И не только мальчики, но и нянюшкѣ, и горничной Евгешѣ входъ туда былъ строго воспрещенъ. Фридрихъ Адольфовичъ самолично убиралъ комнату, говоря, что не нуждается въ услугахъ. Каждое утро г. Гроссъ запиралъ свою спальню на ключъ и съ кѣмъ-то подолгу въ ней бесѣдовалъ. Иногда даже слышны были отдѣльныя слова, долетавшія до чуткихъ ушей мальчугановъ. Иногда кто-то кричалъ и смѣялся тамъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ. И никто изъ дѣтей не видѣлъ, какъ приходилъ и выходилъ таинственный посѣтитель изъ комнаты ихъ наставника. Разумѣется, все это крайне интересовало и разжигало самое острое любопытство дѣтей. Г. Гроссъ въ продолженіе дня держалъ свою спальню открытой, но никто не смѣлъ войти туда. Самъ же Фридрихъ Адольфовичъ былъ неразлученъ съ дѣтворой и они никакъ не могли урвать минутку и пробраться въ его святилище.

Наконецъ, сегодня выдался къ тому удобный случай. Г. Гроссъ, въ наказаніе за шалости, засадилъ мальчиковъ учиться и лишилъ ихъ обычнаго удовольствія купанья. Этимъ и воспользовались наши шалуны. Приблизившись на цыпочкахъ къ комнатѣ гувернера,

они не рискнули, однако, открыть дверь сразу, а Юрка, какъ самый смѣлый изъ нихъ, нагнулся и прильнулъ глазами къ замочной скважинѣ.

— Никого нѣтъ?—шопотомъ, весь дрожа отъ нетерпѣнія, спрашивалъ его Сережа.

Юрка, однако, увлеченный своимъ занятіемъ, не отвѣчалъ брату ни слова.

Тогда Сережа, весь сгорая отъ любопытства, старался оттѣснить брата отъ двери и всѣмъ тѣломъ навалился ему на плечи.

Бобка не отставалъ отъ братьевъ и въ свою очередь навалился на Сережу, а Митька — на Бобку. Каждый мальчуганъ силился разглядѣть, если не черезъ замочную скважинку, то хоть черезъ дверную щель, что такое происходитъ въ комнатѣ гувернера.

Тррахъ! И, не выдержавъ напора, дверь съ шумомъ распахнулась и всѣ четверо мальчугановъ полетѣли на полъ какъ огурцы, высыпавшіеся изъ мѣшка.

Первый пришелъ въ себя, по обыкновенію, Юрикъ. Потирая ушибленный подбородокъ, онъ вскочилъ на ноги и началъ озираться вокругъ съ самымъ живымъ любопытствомъ.

— Ба! Вотъ такъ штука!—произнесъ онъ,—ничего нѣтъ особеннаго!

И дѣйствительно, ничего особеннаго не замѣчалось въ комнатѣ. Постель Фридриха Адольфовича была застлана бѣлымъ одѣяломъ необыкновенной чистоты. На кругломъ столикѣ у постели лежала библія и ночной колпакъ изъ тонкаго шелка и стоялъ графинъ съ водою. Въ комнатѣ, кромѣ постели, находился ко-

Всѣ четверо мальчугановъ полетѣли на полъ...

модъ и скромный письменный столикъ, въ углу умывальникъ, словомъ — все, что находится въ каждой скромной комнатѣ домашняго учителя.

— Ничего особеннаго! — повторилъ разочарованнымъ тономъ Юрикъ, и вдругъ взглядъ его разомъ упалъ на окно, гдѣ стоялъ круглый предметъ, покрытый темной кисеей.

— А это что? — торжествующе произнесъ онъ, указывая рукой на таинственный предметъ на окнѣ.— Какъ вы думаете, что бы это было? — И тотчасъ-же, осторожно подкравшись къ окну, протянулъ руку къ заинтересовавшему его предмету, желая приподнять кисею и узнать, что находится подъ нею.

Вдругъ въ ту минуту, когда пальцы Юрки уже готовы были коснуться необыкновеннаго предмета, изъ-подъ темной кисеи раздался пронзительный голосъ, закричавшій на всю комнату:

— Сюда! сюда! Фрицхенъ! караулъ! Сюда, сюда, Фрицхенъ!

Юрикъ съ ужасомъ отдернулъ руку и отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, Митька—тотъ прямо со страху грохнулся на полъ и пронзительно завизжалъ, какъ поросенокъ, закрывая себѣ лицо обѣими руками. Сережа и Бобка полѣзли подъ кровать и выглядывали изъ-подъ нея перепуганными, недоумѣвающими рожицами.

— Нечистый! Самъ нечистый! Чуръ меня, чуръ! Чуръ! Чуръ! Разсыпься!—лепеталъ на смерть перепуганный Митька, катаясь по полу и повизгивая отъ-времени-до-времени.

Юрикъ, однако, оказался храбрѣе остальныхъ дѣтей. Онъ съ минуту постоялъ на мѣстѣ, соображая, какъ ему поступить, и потомъ, разомъ рѣшившись, съ самымъ отчаянно храбрымъ видомъ шагнулъ къ окошку.

— Юрка! Юрка! Не подходи! Не подходи, тебѣ говорятъ!—усиленно зашепталъ ему Бобка, выглядывая изъ-подъ опущеннаго до полу конца одѣяла, въ то время какъ Митька, исполненный ужаса, продолжалъ шептать, плотнѣе зажмуривая глаза:

— Чуръ меня! Наше мѣсто свято! Наше мѣсто свято! Чуръ! Чуръ! Чуръ!

Юрикъ, однако, хотѣлъ быть храбрымъ до конца. Въ два прыжка очутился онъ у окошка и, сорвавъ съ таинственнаго предмета темную кисею, снова отступилъ назадъ въ полномъ недоумѣніи.

Глазамъ изумленныхъ мальчиковъ предстало самое неожиданное зрѣлище. Въ большой круглой клѣткѣ сидѣла розовая птица съ зелеными крылышками и большимъ острымъ клювомъ. Птица теперь раскланивалась передъ ними своей розовой же, съ забавнымъ хохолкомъ головкой и кричала рѣзкимъ человѣческимъ голосомъ, стараясь придать ему самое любезное выраженіе:

— Милости просимъ! Милости просимъ! Милости просимъ!

И вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ закричала ни къ селу, ни къ городу во весь голосъ:

— Караулъ! Добро пожаловать! Добро пожаловать, Фриценька, караулъ, караулъ, караулъ, караулъ!

— Вотъ такъ штука!—прошепталъ дрожащій отъ страха и неожиданности Митька, дергая за рукавъ уже вылѣзшаго изъ-подъ кровати Сережу и испуганно косясь въ сторону диковинной птицы. — Изъ какихъ же они будутъ: человѣки или пташки? А можа изъ хранцузовъ?

— Самъ-то ты французъ!—расхохотался Юрикъ,— а это просто попугай, говорящій попугай. Понялъ? Простая птица, которую можно выучить говорить человѣческимъ голосомъ.

— Ладно! такъ я тебѣ и повѣрилъ! Меня, братъ, не надуешь! Нешто птица сможетъ разговаривать, а они,—и онъ почтительно покосился въ сторону попугая,—а они, поди, и ругаться умѣютъ, какъ настоящій баринъ.

И прежде, чѣмъ мальчики могли сообразить, онъ сдернулъ съ головы картузъ и низко поклонился попкѣ.

Тутъ ужь Сережа, Юрикъ и Бобка не выдержали и звонко расхохотались. А за ними расхохотался въ своей клѣткѣ и попугай, привыкшій во всемъ подражать людямъ.

— Однако, и провелъ-же насъ Фридрихъ Адольфовичъ,—началъ Сережа, когда смѣхъ дѣтей, а вмѣстѣ съ ними и попки утихъ немного.—Онъ хотѣлъ скрыть отъ насъ свое сокровище. Отлично провелъ, надо отдать ему справедливость.

— А вотъ мы его за это сами проведемъ въ свою очередь!—сердито проговорилъ Юрикъ, который чрезвычайно любилъ подшучивать надъ другими и не выносилъ, когда шутили надъ нимъ.—Я уже придумалъ

славную шутку: возьмемъ и напугаемъ какъ слѣдуетъ нашу крысу. Отнесемъ попку на голубятню; пусть онъ погоститъ немного у голубковъ. А дверцу клѣтки оставимъ открытой. Пусть Фридрихъ Адольфовичъ подумаетъ, что попка, желая прогуляться, ушелъ самъ изъ клѣтки. Хорошо?

— Очень хорошо! Очень хорошо!—вскричали мальчики въ одинъ голосъ.

— Только дастся-ли онъ тебѣ въ руки?—предположилъ съ сомнѣніемъ Сережа.

— Э, пустяки!—безпечно отвѣчалъ Юрикъ.

Храбро открывъ дверцу, Юрикъ просунулъ руку въ клѣтку, но тотчасъ-же съ громкимъ крикомъ отдернулъ ее назадъ. Попка изо всѣхъ силъ клюнулъ Юрика въ палецъ.

— Ахъ ты скверная птица! — вскричалъ разсерженный мальчикъ, обтирая окровавленный палецъ носовымъ платкомъ,—вотъ погоди-жъ ты у меня.

И, вторично просунувъ уже обѣ руки въ клѣтку, онъ быстро схватилъ попугая и, закрывъ его съ головой носовымъ платкомъ, со всѣхъ ногъ кинулся съ нимъ на голубятню. Попка, испуганный на смерть такимъ неделикатнымъ обращеніемъ, кричалъ ни къ селу, ни къ городу во всю свою птичью глотку, высовывая голову изъ-подъ носового платка:

— Милости просимъ! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Остальные три мальчика гнались по пятамъ Юрки и хохотали во все горло.

А черезъ пять минутъ, когда красный, освѣженный купаньемъ Фридрихъ Адольфовичъ появился на

порогѣ террасы, они снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли всѣ трое на своихъ мѣстахъ и озабоченно твердили, перекрикивая одинъ другого:

— Ѣсть—essen, спать — schlafen, бѣгать — laufen, laufen, laufen.

ГЛАВА XV.

Неожиданное открытіе.

НАСТУПИЛЪ вечеръ.

Птичница Аксинья, порядкомъ таки уставшая за день, уже укладывалась на покой, прибравъ и перемывъ послѣ ужина посуду. Митька—тотъ уже давно храпѣлъ, удобно растянувшись на лавкѣ.

Помолившись Богу и положивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, Аксинья полѣзла на лежанку, гдѣ на ночь устраивала себѣ постель. На лежанкѣ было тепло и уютно. Толстая птичница съ удовольствіемъ протянула усталыя ноги и, закрывъ глаза, сладко зѣвнула на всю избу. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда пріятная дремота уже подкралась къ отяжелѣвшей головѣ Аксиньи, чей-то рѣзкій, крикливый голосъ прокричалъ отчетливо на всю избу:

— Караулъ! караулъ! караулъ! спасите!

Аксинья, какъ встрепанная, вскочила съ лежанки.

— Господи помилуй!—испуганно озираясь, произнесла она,—грабятъ кого-то, не то рѣжутъ на голу-

бятнѣ. Митька, а, Митька!—расталкивая своего пріемыша, залепетала она,—да проснись-же ты ради Господа! Не слышишь развѣ?

Когда, разбуженный толчками тетки, Митька испуганно вскочилъ, протирая сонные глаза, сверху опять послышались крики, еще яснѣе и отчетливѣе прежнихъ:

— Спасите, помогите! Караулъ! Фриценька! Караулъ, караулъ, караулъ!

И тотчасъ-же къ этимъ крикамъ присоединилось отчаянное гульканье голубей и такая возня, какой никогда не было еще на голубятнѣ надъ птичницыной избушкой.

Но Аксинья не слышала уже ни возни, ни гульканья: она быстро набросила на себя платье и, перепуганная на смерть, со всѣхъ ногъ кинулась изъ избы въ господскій домъ...

Какъ-разъ въ это время все семейство Волгиныхъ сидѣло за ужиномъ. Юрій Денисовичъ объявилъ дѣтямъ новость, доставившую имъ большое удовольствіе. Сегодня вечеромъ лѣсничій прислалъ ему приглашеніе на завтрашній день ѣхать пикникомъ со всѣми дѣтьми въ глубь лѣса. Мальчики такъ и запрыгали отъ радости, даже по блѣдному личику слѣпой Лидочки пробѣжала радостная улыбка. Слѣпая Лидочка всегда радовалась каждому удовольствію, доставляемому ея братьямъ.

— А Фридрихъ Адольфовичъ знаетъ объ этомъ?— спросилъ отца Бобка, такъ и сіяя весь отъ удовольствія.

— Нѣтъ еще, другъ мой, не знаетъ. Онъ, вѣроятно занятъ въ своей комнатѣ. Можешь пойти и объявить ему новость,—отвѣчалъ г. Волгинъ сыну.

Но Бобкѣ не пришлось идти въ комнату гувернера объявлять ему пріятную новость. Онъ самъ появился неожиданно на порогѣ съ встревоженнымъ и взволнованнымъ лицомъ.

— О, г. Вольгинъ! — заговорилъ г. Гроссъ вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ,—у меня слюшилось несшастье, больщая несшастье! У менэ пропалъ попка..

— Кто пропалъ? — переспросилъ въ недоумѣніи Юрій Денисовичъ.

— Попка... Попагайка... Мой любимый попагайка. Молодой князь подарилъ менэ попагайка, а я хотѣлъ его подарить вашимъ дѣтямъ... и ушилъ его говорить побольше, чтобы сдѣлать одинъ маленькій супризъ для вашихъ мальшикъ, и вдругъ... Попка пропалъ, ушла изъ клѣтка...

— Слышишь, Сергѣй! — незамѣтно подтолкнулъ Бобка Сережу, — онъ хотѣлъ его подарить намъ, а мы-то...

— Этотъ попагайка для меня самый дорогой сувениръ отъ князя Витеньки, — продолжалъ горевать Фридрихъ Адольфовичъ,—и онъ погибъ, его съѣла кошка... О, што за горе! Што за несшастье!

И на глазахъ бѣднаго старика даже навернулись слезы.

— Милый, милый господинъ Гроссъ,—прозвучалъ трогательный, нѣжный голосокъ Лидочки,—какой же

вы, однако, добрый! Вы такъ любите вашего попугая и хотѣли отдать его моимъ братьямъ!

— О, да! я любиль его! Я ушиль его говорійтъ слова каждоя утро и хотэлъ его сдѣлайтъ хорошій подарокъ и вдрукъ... Ви никто не догадался о его присутствіи у менэ; я закривалъ дверь и ушилъ его, ушилъ его, ушилъ, ушилъ...

— Онъ его для насъ училъ, — снова зашепталъ Бобка, уже готовый въ свою очередь удариться въ слезы,—а мы его такъ обидѣ...

Мальчикъ не договорилъ: какъ-разъ въ эту минуту въ столовую ураганомъ ворвалась птичница Аксинья и, бухнувшись сразмаху на колѣни передъ Юріемъ Денисовичемъ, заголосила на весь домъ:

— Батюшка-баринъ! Спасите! помогите! Воры у меня на голубятню забрались, грабятъ кого-то, убиваютъ! Пойдемте туды, голубчикъ-баринъ! Да людей кликните! Одни-то не ходите! Людей возьмите! Да скорѣича, чтобы они, чего добраго, не убѣгли!

— Кто? Что такое? Воры? Быть не можетъ!— вскричалъ взволнованный не на шутку Юрій Денисовичъ.

— Ей-Богу-же воры, баринъ, — съ ужасомъ разсказывала птичница.—Я это лежу, а онъ-то какъ завопитъ: «Караулъ! Спасите! Помогите». Да словно не человѣчьимъ голосомъ. А потомъ словно не по-нашенскому слово сказалъ.

— Это попка, — прошепталъ Сережа и взглянулъ на Юрика.

Бобка—тотъ давно уже трясся отъ страха, а Юрикъ

стоялъ замѣтно поблѣднѣвшій, взволнованный и только покусывалъ дрожащія губы.

Вдругъ Фридрихъ Адольфовичъ ударилъ себя ладонью по лбу и радостно вскричалъ:

— Не пугайтъ, Бога ради, не пугайтъ ви, Аксюшня... Это мой попагайчикъ кришалъ всѣ тотъ словъ, што я ево ушилъ! Не пугайтъ и идите всѣ за мною!

И онъ со всѣхъ ногъ бѣгомъ бросился бѣжать къ избѣ Аксиньи. За нимъ послѣдовалъ Юрій Денисовичъ, за Юріемъ Денисовичемъ Юрикъ, за Юрикомъ Сережа, за Сережей Бобка. Наконецъ шествіе замыкала Аксинья. Всѣ они направились къ домику птичницы на задній дворъ. По дорогѣ къ нимъ присоединились еще кухарка Матрена и веселая Евгеша.

По скрипучей лѣстницѣ и господа и прислуга поднялись на голубятню, не безъ труда пролѣзли въ крошечную дверку и вдругъ неожиданный смѣхъ, вырвавшійся изъ груди всѣхъ присутствующихъ, разомъ наполнилъ всѣ углы и закоулки Волгинскаго хуторка. И нельзя было не разсмѣяться при видѣ уморительнаго зрѣлища, представившагося глазамъ позднихъ посѣтителей голубятни. Посреди нея на полу важно разсѣлись въ кружокъ сѣрые, бѣлые и пѣгіе голубки, тихо погулькивая и глядя любопытными глазами на попку, находившагося въ серединѣ этого круга. Онъ же преспокойно возсѣдалъ на какой-то жердочкѣ и, поминутно покручивая своей хохлатой головкою и пригибая ее книзу, точно раскланиваясь съ окружавшими

его голубями, говорилъ своимъ рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ:

— Будьте здоровы! Будьте здоровы, будьте здоровы!

При видѣ людей, голуби разомъ всколыхнулись и, зашумѣвъ крыльями, вылетѣли одинъ за другимъ въ слуховое оконце голубятни. А попка, смѣшно ковыляя,

бросился со всѣхъ ногъ къ Фридриху Адольфовичу, вскочилъ ему на плечо и, чмокнувъ его въ самыя губы своимъ клювомъ, проговорилъ скороговоркой:

— Очень радъ! Очень радъ! Фриценька и попочка—два друга, два друга, два друга!

Это было и смѣшно и трогательно въ одно и то же время. На глазахъ г. Гросса блестѣли слезы и онъ горячо цѣловалъ розовыя и зеленыя перышки своего любимца.

Аксинья, которая, какъ и Митька, не подозрѣвала о существованіи говорящихъ попугаевъ, едва не закричала отъ страха при видѣ такого необыкновеннаго зрѣлища.

— Но какъ-же, однако, онъ могъ попасть сюда?— замѣтилъ Юрій Денисовичъ. — Дѣти, можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ знаетъ, какъ это случилось? — обратился онъ къ сыновьямъ.

Маленькіе виновники происшествія молча потупили глаза въ землю и молчали, переминаясь съ ноги на ногу. При видѣ этого смущенія, Юрій Денисовичъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Юрій! — позвалъ онъ второго сына, — я хочу знать правду: говори все, что ты знаешь!

Юрикъ, никогда еще никому не солгавшій, выступилъ впередъ и, красный отъ смущенія, не утаивъ ничего, разсказалъ все подробно отцу про ихъ общую неумѣстную шутку.

— О-о!—проговорилъ Фридрихъ Адольфовичъ печальнымъ голосомъ, когда Юрка покончилъ свою исповѣдь,—а я-то еще хотѣлъ сдэлайтъ супризъ, ни-

шево не говорилъ про мой попагайчикъ! Лючше било-бы, когда ви все зналъ!

— Развѣ вы не знаете, — началъ строгимъ голосомъ Юрій Денисовичъ, — что распорядиться чужою собственностью—это все равно, что присвоить ее себѣ?— И онъ пристально взглянулъ въ лицо каждаго изъ сыновей.

Мальчикамъ было очень совѣстно, неловко и непріятно—и отъ ихъ глупой продѣлки, и отъ строгаго, испытующаго взгляда отца.

— Вы должны быть наказаны,—заключилъ тѣмъ-же тономъ г. Волгинъ,—завтра вы не пойдете въ лѣсной домикъ и по вашей милости пикникъ не состоится.

Тутъ лица всѣхъ трехъ мальчиковъ разомъ вытянулись и потускнѣли. Они не ожидали, что ихъ новая продѣлка будетъ имѣть такой скверный конецъ. Наказаніе было очень строго и чувствительно для маленькихъ проказниковъ. Они такъ радовались предстоящему пикнику и заранѣе предвкушали всю прелесть чуднаго удовольствія!

Печально понурившись, разошлись дѣти по своимъ кроваткамъ и каждый изъ нихъ долго не могъ уснуть въ эту злополучную ночь.

ГЛАВА XVI.

Маленькая смутительница.

ПРОТИВНЫЙ! Гадкій! Скверный! Я ненавижу его всѣмъ сердцемъ! У—у, какъ ненавижу! Изъ-за него, изъ-за его противнаго попугая, мнѣ испортили цѣлый день! Никогда этого не прощу и не забуду ему, гадкому, скверному!

Такъ говорила Мая, сидя на другой день подъ развѣсистой липой въ любимомъ мѣстѣ хуторского сада, среди всѣхъ четверыхъ дѣтей Волгиныхъ.

— Но почему-же, милая? — спросила слѣпая Лидочка.—Вѣдь Фридрихъ Адольфовичъ вовсе не виноватъ, что папа наказалъ братьевъ и не пустилъ ихъ на пикникъ сегодня. И, по правдѣ сказать, мальчики были наказаны за дѣло. Они сами виноваты во всемъ!..

— Ахъ, глупости!—рѣзко перебила ее Мая,—мальчики должны шалить, на то они и мальчики, а вашъ гувернеръ противный и я его видѣть не могу за то, что изъ-за него у насъ пропало такое чудесное удовольствіе! Если-бы у него не было этого глупаго попугая, то вамъ не пришлось-бы подшутить надъ нимъ

такимъ образомъ, а не подшутили-бы—не были-бы и наказаны изъ-за него! Значитъ, во всемъ виноватъ вашъ противный Фрицка!

— Мая! Мая!—проговорила съ укоромъ Лидочка,—какъ можешь ты говорить такъ о такомъ добромъ человѣкѣ, какъ нашъ Фридрихъ Адольфовичъ!

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Ты точно гувернантка, Лидочка, только и слышно отъ тебя: «Мая, не дѣлай того! Мая, не дѣлай этого!» Не забудь, что я здоровая, веселая дѣвочка, а не бѣдняжка слѣпенькая, какъ ты! Только слабые да больные калѣки могутъ сидѣть на мѣстѣ, не шалить и корчить изъ себя святошу. А мы...

— Мая! Мая! не смѣй такъ говорить! Ты злая, гадкая дѣвочка! Ты не должна, ты не смѣешь обижать Лидочку!—зазвучали голоса трехъ мальчугановъ въ защиту ихъ слѣпой сестрицы, въ то время какъ по блѣднымъ щекамъ Лидочки покатились двѣ крупныя слезы.

— Я и не думаю обижать ее. Съ чего это вы взяли?—защищалась Мая.—Я правду говорю! Развѣ нельзя говорить правды? — раздраженно произнесла она.—Вѣдь если-бы Лидочка была такою же зрячею и здровою дѣвочкой, какъ и я, вы думаете, она не шалила-бы также заодно съ нами?

— Я не знаю, что было-бы тогда,—произнесла съ глубокимъ вздохомъ маленькая слѣпая, — но если-бы какой-нибудь добрый волшебникъ, какъ въ сказкѣ, вернулъ мнѣ зрѣніе, и я стала бы зрячею, то...

— Ахъ, не говори такъ, Лидочка,—произнесъ подлѣ,

нея нѣжный голосокъ Бобки,—не говори такъ, а то я заплачу!

— Какая-же ты дѣвчонка, Бобка,—вскричала Мая, —заплачешь изъ-за всякаго пустяка. Бери примѣръ съ твоихъ братьевъ. Сережа и Юрикъ гораздо умнѣе тебя!

Сережа и Юрикъ, однако, не раздѣляли мнѣнія Маи и втайнѣ не одобряли ея. Имъ было жаль слѣпую сестрицу и въ то-же время не хотѣлось прослыть «дѣвчонками» во мнѣніи Маи. И они были очень рады случаю, когда дѣвочка выручила ихъ изъ неловкаго положенія, сказавъ своимъ веселымъ, звонкимъ голоскомъ:

— Идемте-ка лучше на рѣчку—ловить колюшекъ, теперь такъ славно и прохладно на рѣчкѣ!

Мальчики съ радостью ухватились за пріятное предложеніе и наперегонки бросились бѣжать къ рѣчному берегу. Даже у Бобки заблестѣли глазенки, несмотря на то, что онъ былъ сердитъ на Маю за нанесенную ею Лидочкѣ обиду: предложеніе идти на рѣчку было такъ заманчиво, что онъ не выдержалъ и помчался вслѣдъ за братьями, поспѣшно чмокнувъ на ходу слѣпую Лидочку въ обѣ щечки.

Лидочка осталась одна. Ей было какъ-то грустно и тяжело сегодня. Хотѣлось бѣгать и рѣзвиться не меньше остальныхъ дѣтей и любоваться небомъ и цвѣтами, болтать и смѣяться и прыгать, а ужасная слѣпота приковывала ее къ мѣсту, не позволяя наслаждаться всѣми дѣтскими радостями, какими пользовались веселыя, здоровыя дѣти.

Лидочка не всегда была слѣпою. Она ослѣпла, будучи трехлѣтнимъ ребенкомъ, когда однажды сильно ударилась глазомъ объ острый уголъ стола. Глазъ не вытекъ и остался цѣлымъ, но она уже не могла видѣть имъ, а вскорѣ изъ-за праваго ушибленнаго глазного яблока заболѣлъ и лѣвый глазъ и вслѣдъ затѣмъ дѣвочка окончательно потеряла зрѣніе и ослѣпла. Маленькая слѣпая никогда не жаловалась на свою судьбу. Она привыкла уже къ своей грустной долѣ и покорно переносила свое несчастье. Сегодня, однако, слова Маи почему-то больно укололи ее и заставили горько пожалѣть о своей слѣпотѣ.

— Господи! — прошептала Лидочка, — если-бы я вдругъ прозрѣла, я доказала-бы ей, что и здоровыя, зрячія дѣти могутъ имѣть добрыя сердца и не мучить другихъ своими проказами и неумѣстными шутками. Но этого не можетъ случиться. Я никогда не прозрѣю и останусь слѣпою навѣки, потому что ни чудесъ, ни добрыхъ волшебниковъ не бываетъ на свѣтѣ...

И Лидочка горько заплакала, упавъ головою на скамью. Она плакала и не слышала, какъ къ скамьѣ приблизился толстый маленькій человѣчекъ и сталъ надъ нею, сочувственно покачивая головой. Когда слезы слѣпой немного утихли, толстый человѣчекъ осторожно приблизился къ ней и положилъ на плечо слѣпой свою пухлую бѣлую руку.

— Не пугайтъ, милій маленькій фрейлинъ, — проговорилъ онъ ласково, — это я, г. Фрицъ — ушитель вашевъ братцевъ. Я слишаль, какъ ви гореваль сейшась, и рѣшиль помочь вамъ, во што би то ни стале.

Ви хотите видѣть, какъ раньше, милій маленькій фрейлинъ, ви хотите полюшай обратно зрѣніе...

— О!—проговорила слѣпая дѣвочка,—это мое единственное желаніе, г. Гроссъ! Я хочу видѣть не только для себя, но и ради братьевъ. Мнѣ кажется, что если-бы я была зрячей, мальчики больше были-бы со мной, имъ было-бы веселѣе тогда играть и разговаривать съ бодрой и здоровой сестрою. А, играя съ ними, я бы могла отговаривать и удерживать ихъ отъ многихъ ихъ проказъ и шалостей!

— О, ви маленькій ангель!—произнесъ растроганный ея словами г. Гроссъ,—ви все мештаете дѣлять добро, позабывая о себѣ!..

— Да, но—увы!—печально отвѣчала Лидочка,—я уже никогда не поправлюсь! Папа долго и много лѣчилъ меня отъ слѣпоты и ни одинъ докторъ не помогъ мнѣ ни чуточки. Доктора не помогли, а волшебниковъ не бываетъ на свѣтѣ, милый Фридрихъ Адольфовичъ,—волшебниковъ, которые вернули-бы мнѣ мои прежніе здоровые глаза,—заключила она съ глубокой грустью.

— А если найдется таковъ добрій вольшебникъ,—ласково проговорилъ гувернеръ,—ви рѣшились бы отдать ему своя больніе глязки въ польное распоряженіе?

— О, конечно, рѣшилась-бы, милый г. Гроссъ! Чтобы только снова видѣть небо, солнце, папу и братьевъ, я готова была-бы перенести всякія мученья!

— Подождійтъ-же, милій маленькій фрейлинъ,—произнесъ ласковымъ голосомъ добрякъ Гроссъ,—мо-

— О, ви маленькій ангель!—произнесъ растроганный г. Гроссъ...

жетъ-бить, скоро явится такой вольшебникъ и ви будетъ видѣть, какъ и всѣ прошій дѣти.

— Что? что такое? — вся вздрогнувъ отъ счастья, прошептала Лидочка.

— Больше ни слевъ не скажу вамъ!—таинственно проговорилъ Фридрихъ Адольфовичъ и поспѣшилъ изъ сада на рѣку, гдѣ, по его мнѣнію, должны были уже достаточно нашалить и напроказить его маленькіе воспитанники.

ГЛАВА XVII.

Злая продѣлка.

Ай! ай! ай!—послышался отчаянный визгъ Бобки, безмятежно до сихъ поръ копошившагося въ рѣчномъ пескѣ и отыскивавшаго пескарей и колюшекъ.

— Что, что такое?—кинулись къ нему со всѣхъ ногъ Юрикъ, Сережа и Мая.

— Аа! ай! ай! Змѣя!—продолжалъ онъ кричать во весь голосъ и отчаянно трясъ правой рукою. На указательномъ пальцѣ Бобки повисло что-то безобразное, черное, продолговатое, съ длинными клещами, уцѣпившимися изо всей силы за указательный пальчикъ мальчугана.

— Да это ракъ! Маленькій рѣчной ракъ! — вскричали въ одинъ голосъ Сережа, Юрикъ и Мая.

Бобкѣ, однако, отъ этого открытія отнюдь не было легче. Онъ попрежнему трясъ изо всѣхъ силъ рукою, защемленною клешнями рака, и пронзительно визжалъ отъ нестерпимой боли. Юрикъ съ трудомъ отцѣпилъ рака отъ бѣднаго, мигомъ вздувшагося пальчика братишки и хотѣлъ уже бросить его обратно въ рѣку,

какъ вдругъ Мая неожиданно схватила его за руку и оживленно заболтала, блестя разгорѣвшимися глазами:

— Нѣтъ, нѣтъ, не бросай его! Онъ намъ пригодится... Вотъ славную-то штуку я придумала! Вашъ противный Фрицка останется доволенъ ею. Узнаетъ, какъ въ другой разъ оставлять васъ, бѣдненькихъ, безъ пикника! О, какъ я проучу его, гадкаго, противнаго! Юрикъ, дай твое ведерко, положимъ въ него нашего плѣнника. Да смотрите, чтобы ни одна душа не знала, что мы его нашли. А потомъ...

Тутъ, нагнувшись къ Юркиному уху, Мая зашептала что-то такъ тихо, что другіе мальчики не могли ничего разслышать. Юрикъ-же такъ и покатился со смѣху, выслушавъ свою пріятельницу.

Должно-быть, новая продѣлка, выдуманная Маей, была очень смѣшна и забавна, потому что, когда ее сообщили потомъ Сережѣ, а за нимъ и Бобкѣ, то оба они такъ и повалились на траву отъ охватившаго ихъ сильнаго приступа смѣха. Потомъ, подхвативъ ведерко съ чернымъ пятнышкомъ, копошившимся на днѣ, они опрометью помчались къ дому, такъ громко хохоча и крича по дорогѣ, что изъ людской, изъ птичника и изъ конюшни—отовсюду повысунулись удивленныя и любопытныя лица прислуги, желая узнать, отчего такъ весело смѣются проказники-барчата.

Фридрихъ Адольфовичъ имѣлъ одну слабость. Въ карманѣ его сюртука находилась дорогая старинная фарфоровая табакерка, наполненная табакомъ, и два раза въ день: утромъ, вставъ съ постели, и вечеромъ, ложась спать, добрый нѣмецъ открывалъ табакерку, доставшуюся ему

по наслѣдству отъ матери, съ нарисованнымъ на крышкѣ по фарфору ея портретомъ, и, погрузивъ въ нее свой маленькій шарообразный носикъ, онъ наслаждался нѣкоторое время ароматичнымъ запахомъ табачка. Потомъ онъ, обязательно чихнувъ два-три раза, закрывалъ табакерку и пряталъ ее въ карманъ.

Сегодня Фридрихъ Адольфовичъ былъ особенно хорошо настроенъ. Еще поутру веселая Евгеша подала ему за завтракомъ какой-то объемистый пакетъ съ наклеенной на немъ заграничной маркой. Г. Гроссъ вскрылъ конвертъ, прочелъ письмо и разомъ лицо его просіяло. На вопросъ дѣтей, откуда оно, — Фридрихъ Адольфовичъ коротко отвѣтилъ:

— Отъ моего князя Витенька,—и прибавилъ самъ себѣ какимъ-то размягченнымъ, радостнымъ голосомъ, потирая свои полныя ручки: — Ошень хорошо! Даже ошень хорошо!

Цѣлый день онъ ходилъ довольный и радостный, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ. А когда дѣти спрашивали, что съ нимъ и отчего онъ радуется, добродушный толстякъ дѣлалъ таинственно-лукавую гримасу и отвѣчалъ имъ съ счастливымъ смѣхомъ:

— Нельзя говорить! Это мой тайна покамѣстъ! Тайна Фридрихъ Адольфовичъ! Много будетъ знавайтъ, скоро состарится!

Вечеромъ онъ съ разными шутками и прибаутками укладывалъ дѣтей. Когда мальчики были уже въ постеляхъ, г. Гроссъ подошелъ къ окошку, у котораго сидѣлъ постоянно, пока дѣти не засыпали (Сережа и

Юрикъ спали вмѣстѣ, Бобка въ сосѣдней Лидочкиной комнатѣ), и погрузился въ сладкія мечты.

Фридрихъ Адольфовичъ былъ очень счастливъ.

Надо вамъ сказать, что какъ-только добрый Гроссъ увидѣлъ впервые слѣпую дочь Волгина, сердце чуткаго нѣмца такъ и облилось кровью отъ жалости. Кроткій слѣпой ребенокъ пробудилъ въ душѣ добраго толстяка самое живое состраданіе, и подъ впечатлѣ-

ніемъ этого чувства онъ написалъ письмо своему бывшему воспитаннику, который уже около семи лѣтъ изучалъ за границей медицину: подробно изложивъ всю исторію слѣпоты несчастной дѣвочки, онъ спрашивалъ совѣта у князя Виталія, къ какому врачу обратиться для серьезнаго пользованія малютки и кто изъ нихъ можетъ вернуть ей зрѣніе.

Какова-же была радость старика, когда сегодня онъ получилъ отвѣтъ отъ молодого князя, въ которомъ тотъ писалъ ему, что случай со слѣпотою Лидочки настолько заинтересовалъ его, что онъ самъ пріѣдетъ пользовать больную и примѣнитъ къ ея выздоровленію одно только-что открытое лѣчебное средство.

Около шести лѣтъ не видѣлъ добрякъ Гроссъ своего «Витеньку» и немудрено поэтому, если подобное счастливое извѣстіе наполнило радостью сердце старика. Онъ съ удовольствіемъ задумался теперь о своемъ воспитанникѣ—не о взрослomъ, усатомъ докторѣ-хирургѣ въ золотомъ пенснэ, какимъ онъ былъ изображенъ на портретѣ, присланномъ изъ-за границы, а о маленькомъ мальчикѣ въ матросскомъ костюмчикѣ, съ темными локонами, вьющимися кольцами по плечамъ, который кричалъ ему, Гроссу, своимъ звонкимъ голоскомъ:

— «Гдѣ вы, Фриценька? Мнѣ скучно безъ васъ! Поиграйте со мною немножко».

И, вспоминая такимъ образомъ чернокудраго, ласковаго князька, Фридрихъ Адольфовичъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда табакерку и поднесъ ее машинально къ лицу. Въ глубокой задумчивости глядя въ

окно, онъ нажалъ крышку и, съ удовольствіемъ вдыхая въ себя ароматичный запахъ, исходящій изъ табакерки, погрузилъ въ нее свой маленькій шарообразный, немного смѣшной носикъ. Въ ту-же минуту безобразное черное существо потянулось къ этому носику своими длинными клешнями и, крѣпко уцѣпившись за самый его кончикъ, повисло всею своею тяжестью подъ нимъ.

Старикъ закричалъ съ испугу, выронивъ при этомъ изъ рукъ табакерку, и фарфоровая съ эмалевымъ портретомъ крышка разбилась вдребезги.

— О, Боже мой! Кто это есть? Што это есть?— съ выпученными глазами и блѣднымъ лицомъ бѣгая по комнатѣ, кричалъ несчастный.

Ракъ между тѣмъ попрежнему висѣлъ на кончикѣ носа и не отпускалъ его на свободу. Сережа и Юрикъ задыхались отъ смѣха, зарываясь съ головами въ подушки.

На звонъ разбитой табакерки изъ сосѣдней комнаты прибѣжалъ Бобка въ длинной до пятъ ночной рубашонкѣ. При видѣ смѣющихся братьевъ, Бобка тоже было фыркнулъ со смѣха, но, замѣтивъ разбитую табакерку на полу, онъ разомъ затихъ и пересталъ смѣяться.

Когда Юрикъ незамѣтно вынулъ за обѣдомъ изъ кармана Фридриха Адольфовича злосчастную табакерку, чтобы положить въ нее рака и снова такъ-же незамѣтно опустить ее въ карманъ гувернера, Бобка заранѣе потѣшался надъ задуманной Маей новой проказой. Но, при видѣ разбитой табакерки, мальчику

стало какъ-будто стыдно и совѣстно. И бѣгающій съ висѣвшимъ у него подъ носомъ ракомъ несчастный Гроссъ не казался ему уже смѣшнымъ, а скорѣе жалкимъ.

Наконецъ Фридрихъ Адольфовичъ чихнулъ на всю комнату, и ракъ, очевидно испуганный этимъ богатырскимъ чиханьемъ, разомъ отпалъ, оставивъ носъ старика въ покоѣ.

Почувствовавъ неожиданную свободу, Фридрихъ Адольфовичъ бросился подбирать осколки табакерки.

— О, какой злой мальшикъ,—трепещущимъ отъ волненія голосомъ говорилъ онъ.—А я еще такъ любиль васъ... Негодній, безсердечній мальшишки! О, портретъ моя мамахенъ, единственный сувениръ послѣ ея смерти, и ви разбиль его. О, не хочу больше оставайтъ у васъ ни одново дня! И завтра-же я буду уѣзжаль отъ вашъ домъ! Стидно вамъ! Стидно! Стидно!

Мальчикамъ дѣйствительно было стыдно за ихъ поступокъ. Они уже не смѣялись больше, но смирнехонько лежали въ своихъ постелькахъ. А Бобка со слезами на глазахъ помогалъ подбирать осколки злосчастной табакерки. Шалость зашла слишкомъ далеко. Мальчики Волгины были вовсе не злыя дѣти и они никакъ не предчувствовали такого несчастнаго конца ихъ глупой забавы.

ГЛАВА XVIII.

Бѣшеная скачка.

ВЕСЬ слѣдующій день дѣти ходили, какъ въ воду опущенныя. Исторія съ табакеркой не давала имъ покоя. Еще больше смущало и угнетало ихъ совѣсть то обстоятельство, что Фридрихъ Адольфовичъ не только не пожаловался на нихъ отцу, но и съ ними ни словомъ не обмолвился объ ихъ злой продѣлкѣ. Поутру онъ долго укладывалъ свой чемоданчикъ, и они слышали, какъ онъ говорилъ попугаю:

— Ну, мой попочка... Ми будемъ поѣзжаль съ тобой на старій квартиръ, гдѣ насъ не будутъ обижаль, какъ здѣсь.

И, слыша эта фразы, мальчикамъ становилось еще обиднѣе и больнѣе за ихъ недобрый поступокъ со старикомъ.

Къ завтраку пришла Мая.

— Что вы носы повѣсили?—съ недоумѣніемъ спрашивала она своихъ трехъ пріятелей.

Юрикъ тотчасъ-же разсказалъ ей про печальное происшествіе съ табакеркой. Противъ ожиданія, Мая

схватилась за бока и хохотала, какъ безумная, во все время разсказа.

— Чего ты смѣешься?—удивленно спрашивали ее мальчики,—или ты не поняла, что Фридрихъ Адольфовичъ уходитъ отъ насъ, обиженный за нашу продѣлку?

— И хорошо, что уходитъ,—весело вскричала балованная дѣвочка,—или вы забыли, какъ не хотѣли его пріѣзда? Помните? А теперь, когда извели его въ конецъ, достигли своей цѣли, заставили уйти отъ васъ, то повѣсили носы и чуть не хнычете... Хороши! нечего сказать! Стыдитесь! А еще мальчиками называетесь!

— И правда! Что это мы киснемъ въ самомъ дѣлѣ?—нерѣшительно заговорилъ Юрикъ,—развѣ намъ не лучше было безъ него? Вотъ будетъ худо, если онъ папѣ пожалуется на насъ, а то пускай себѣ уѣзжаетъ къ своему князенькѣ за границу.

Но Фридрихъ Адольфовичъ никому не пожаловался и даже, когда Юрій Денисовичъ попросилъ его сопровождать дѣтей на верховой прогулкѣ, добрый г. Гроссъ тотчасъ же изъявилъ свое согласіе.

— Это будетъ мой послѣдній прогулка съ вами,— сказалъ онъ, когда дѣти остались съ нимъ наединѣ безъ отца и сестры, ничего не подозрѣвавшихъ о вчерашнемъ происшествіи,—завтра я буду уѣзжаль, а сегодня я еще служиль у васъ.

— Ну, и «уѣзжаль» себѣ на здоровье!—мысленно передразнилъ его Юрикъ.

Юрикъ былъ въ восторгѣ. Отецъ приказалъ ку-

черу осѣдлать для Сережи Аркашку — красивую верховую лошадь, а для него, Юрика, шустраго Вострякa. Г. Гроссъ, Бобка и Мая должны были ѣхать въ кабріолетѣ.

— Только, пожалуйста, поѣзжайте рысью,— наказывалъ Юрій Денисовичъ сыновьямъ,—рысью и шагомъ, и думать не смѣйте о галопѣ. Лошади будутъ послушны и вамъ не придется понукать ихъ: Вострячокъ очень смиренъ, пока ему не даютъ шпоры и не горячатъ его. Но лишь только его пускаютъ галопомъ, онъ начинаетъ волноваться и, весьма можетъ случиться,—понесетъ. Слышишь, Юрій? Я надѣюсь на твое благоразуміе,—заключилъ Волгинъ, обращаясь къ сыну.

— Не безпокойся, папа! Я не буду шпорить Вострячка и поѣду шагомъ или легкой рысцою,—убѣжденно проговорилъ мальчикъ.

И Юрій Денисовичъ вполнѣ успокоился, положившись на благоразуміе сына.

Сначала все шло хорошо. Сережа и Юрикъ ѣхали подлѣ кабріолета, которымъ правила Мая и гдѣ сидѣли Фридрихъ Адольфовичъ и Бобка.

Фридрихъ Адольфовичъ былъ грустенъ и озабоченъ вслѣдствіе предстоящаго отъѣзда съ хутора, гдѣ онъ надѣялся спокойно прожить лѣто и дождаться своего «ненагляднаго князеньку». Ему не хотѣлось было покидать добраго г. Волгина, слѣпую Лидочку и даже того маленькаго человѣка, который смирнехонько сидѣлъ теперь подлѣ него въ кабріолетѣ, съ печальнымъ и растерянымъ лицомъ.

Бобкѣ было безконечно жаль гувернера, но онъ стыдился признаться въ этомъ братьямъ, боясь получить отъ нихъ какое-нибудь обидное прозвище за свою неумѣстную чувствительность. И потому Бобка ѣхалъ какъ въ воду опущенный, и прогулка не доставляла ему никакого удовольствія сегодня. Между тѣмъ Маѣ надоѣло спокойно править лошадью и ѣхать почти шагомъ изъ-за того только, чтобы дать возможность мальчикамъ поспѣвать за кабріолетомъ. Она стегнула лошадку концами вожжей, и легкій экипажъ понесся быстрѣе по ровной проселочной дорогѣ.

— Остановись, Мая! Мы не можемъ поспѣть за тобою!—кричалъ Сережа.

— Пришпорь лошадь и догонишь,—отвѣчала ему со смѣхомъ маленькая шалунья.

— О, развѣ ви не слишаль, какъ его папахенъ просиль ихъ не ѣхать въ галепъ?—вмѣшался въ разговоръ Фридрихъ Адольфовичъ.

— А развѣ они такіе маленькіе, что не умѣютъ ѣздить?—разсмѣялась дѣвочка.—Ну, пусть Сережа боится скорой ѣзды—онъ извѣстный трусишка, но Юрикъ —вѣдь онъ хвалится, что ничего не боится... Юрикъ, Юрикъ!—закричала она мальчику,—что ты-то отсталъ? Или ты трусишь, какъ и Сережа?

Юрикъ, считавшій себя очень отважнымъ и храбрымъ, весь вспыхнулъ отъ негодованія. Онъ—трусъ? Онъ-то, Юрикъ?

Въ одну минуту и предостереженіе отца, и данное имъ обѣщаніе не пускать въ галопъ лошадей — все было забыто. Юрикъ помнилъ только одно, что онъ

не трусъ и долженъ во что-бы то ни стало доказать это Маѣ.

Онъ изо всей силы ударилъ каблуками бока Вострякa...

Нервная и нравная лошаденка, не привыкшая къ такому крутому обращенію, съ мѣста взяла въ карьеръ и понеслась впередъ съ быстротою вѣтра. Отъ ея быстраго прыжка, Юрикъ едва усидѣлъ въ сѣдлѣ. Фуражка упала съ его головы, правая нога выпустила стремя и онъ несся, какъ стрѣла, выронивъ поводья изъ рукъ и вцѣпившись руками въ гриву лошади.

Напрасно Бобка кричалъ ему изо всѣхъ силъ:

— Остановись, Юрикъ! Остановись! Папа не позволилъ скакать такъ!

Напрасно Фридрихъ Адольфовичъ вторилъ Бобкѣ испуганнымъ голосомъ:

— Ахъ, Боше мой! Боше мой! Онъ убивается! Онъ убивается сей-же моментъ!

Ничто уже не могло остановить скачки Юрика, или, вѣрнѣе, его разгорячившагося коня.

Вострякъ летѣлъ во всю прыть своихъ быстрыхъ ногъ и крики дѣтей и гувернера не остановили, а скорѣе еще болѣе подзадоривали его.

Блѣдный, испуганный Юрикъ едва держался въ сѣдлѣ... Вотъ мимо него быстро, какъ молнія, промелькнула роща... Вотъ виднѣется вдалекѣ деревня... вотъ синѣетъ большая запруда, гдѣ бабы полощутъ бѣлье. И все это лишь только покажется, тотчасъ же пропадетъ изъ вида, благодаря его бѣшеной скачкѣ. А конь несется все быстрѣе и быстрѣе... Уже голова

начинаетъ кружиться у бѣднаго мальчугана, руки, схватившіяся за гриву, слабѣютъ съ каждой минутой... Вотъ-вотъ сейчасъ онѣ, обезсиленныя, выпустятъ гриву Вострякa...

Теперь уже Вострякъ несется по улицѣ деревни. Съ двухъ сторонъ тянутся убогія избы... А около крылечекъ играютъ чумазые ребятишки. Старшіе на работѣ въ полѣ и только одна дѣтвора и хозяйничаетъ.

— Ай! Ай!—кричатъ они, указывая на скачущаго во весь опоръ Юрика.—Барчонокъ-то! Ишь ты какъ!

Но барчонокъ уже ничего не видитъ и не слышитъ. Съ непривычки къ верховой ѣздѣ (Юрикъ и Сережа только недавно начали ѣздить верхомъ подъ руководствомъ кучера Степана) и тѣмъ болѣе къ такой скачкѣ, мальчикъ совсѣмъ ослабъ и измучился.

А Вострякъ, какъ нарочно, разгоряченный скачкой, все подбавляетъ и подбавляетъ ходу. Вотъ онъ уже не скачетъ, а словно молнія прорѣзываетъ воздухъ все быстрѣе и быстрѣе... И избы, и дѣти, и кривая улица остаются далеко позади маленькаго всадника.

Но вдругъ изъ-за крайняго строенія, пріютившагося на самомъ краю деревни, выскакиваетъ громадный лохматый песъ и съ громкимъ лаемъ бросается подъ ноги Вострякa. Испуганный Вострякъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону. Отъ этого неожиданнаго движенія Юрикъ потерялъ равновѣсіе и, выпустивъ гриву лошади изъ рукъ, упалъ изъ сѣдла прямо на твердую каменистую дорогу, громко вскрикнулъ отъ боли и разомъ потерялъ сознаніе.

Громадный, лохматый песъ бросается подъ ноги Востряка...

ГЛАВА XIX.

Добромъ
за зло.

ЕСЛИ-БЫ Юрикъ могъ оглянуться назадъ во время своей бѣшеной скачки, то онъ бы увидѣлъ, что какъ только лошадь понесла его, вокругъ кабріолета произошло замѣтное смятеніе. Фридрихъ Адольфовичъ насильно отобралъ вожжи у правившей Маи и, остановивъ экипажъ, поспѣшно вышелъ изъ него.

— Давайтъ менэ вашъ лошадь, — обратился онъ къ Сережѣ,—а ви сажайтъ на мое мѣсто въ экипажъ, я буду догоняль Юрикъ и остановиль ево!

— Да какъ-же вы сядете на лошадь, вѣдь вы и ѣздить-то не умѣете, да и боитесь лошадей? — недоумѣвалъ Сережа, глядя во всѣ глаза на взволнованное, замѣтно поблѣднѣвшее лицо гувернера.

Добрый нѣмецъ дѣйствительно боялся лошадей и ни за что не рѣшался садиться на нихъ, какъ ни уговаривали его мальчики. Къ верховой ѣздѣ г. Гроссъ питалъ самый отчаянный страхъ и какую-то необъяснимую ненависть. Потому-то Сережа и былъ такъ сильно удивленъ, когда Фридрихъ Адольфовичъ при-

казалъ ему сойти съ Аркашки и занять его мѣсто въ кабріолетѣ.

Съ блѣднымъ, но рѣшительнымъ лицомъ старый гувернеръ сталъ карабкаться въ сѣдло. Благодаря своей полнотѣ, онъ долго не могъ занести ногу въ стремя. Къ тому же Аркашка, зараженный дурнымъ примѣромъ своего четвероногаго пріятеля — Вострякa, никакъ не хотѣлъ спокойно стоять на мѣстѣ и всячески выражалъ свое нетерпѣніе.

Наконецъ, Гроссъ, тяжело пыхтя и отдуваясь, взгромоздился въ сѣдло.

— Ню, ню! въ галепъ!—закричалъ онъ, дернувъ за поводъ Аркашку.

Проказнику того только и надо было. Онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ впередъ и полетѣлъ стрѣлою слѣдомъ за Вострякомъ, нагоняя его въ бѣшеномъ, неудержимомъ галопѣ.

Если-бы кто-нибудь взглянулъ теперь на необыкновеннаго всадника, сидѣвшаго на спинѣ Аркашки, то ужь, конечно, не удержался бы отъ смѣха.

Толстый Фридрихъ Адольфовичъ былъ такъ мало похожъ на лихого кавалериста. По обоимъ бокамъ Аркашки безпомощно болтались его толстыя ножки въ клѣтчатыхъ брюкахъ, которыя никакъ не могли попасть въ стремена; лицо съ плотно зажмуренными отъ страха глазами выражало самый неподдѣльный ужасъ. Но въ головѣ невольнаго всадника, несмотря на весь его страхъ передъ отчаянной скачкой, неотвязчиво стояла одна только мысль: догнать Юрика во что бы то ни стало. Догнать и остановить его, даже

если-бы ему, Гроссу, пришлось послѣ этого умереть отъ подобной бѣшеной скачки. Такимъ образомъ онъ доскакалъ до деревни, но не успѣлъ уже спасти Юрика отъ паденія. Когда Аркашка подлетѣлъ во всю свою лошадиную прыть къ злополучному мѣсту, мальчикъ уже лежалъ на землѣ безъ малѣйшихъ признаковъ сознанія.

— О, бѣдній ребенокъ! Мой несшастный мальшикъ!—чуть не плача лепеталъ, склоняясь надъ нимъ, добрый нѣмецъ,—о, зашэмъ ви не слюшалъ вашъ папаченъ! О! О! Какъ ви блѣдній! Што съ вамъ слюшился? Говоритъ, о, говоритъ, ради Бога!

Но Юрикъ не могъ ничего говорить. Онъ по-прежнему лежалъ безъ признаковъ жизни, съ лицомъ блѣднымъ, какъ у мертвеца. А надъ нимъ стояли, какъ ни въ чемъ не бывало, два виновника его несчастья: и злополучный Вострякъ, и незнакомый песъ, такъ неожиданно испугавшій шальную лошадь и оказавшійся самой мирной дворняжкой, стерегущей крайнюю избу.

Фридрихъ Адольфовичъ съ минуту постоялъ въ раздумьѣ надъ Юрикомъ. Потомъ, убѣдившись, что дѣти не ѣдутъ за нимъ и что они, должно-быть, испугавшись и окончательно растерявшись, повернули обратно на хуторъ, онъ осторожно приподнялъ безчувственнаго Юрика съ земли. «Юрикъ! Бѣдній! Несшастный мальшикъ!»—говорилъ онъ все время.

Взявъ Юрика на руки, онъ понесъ его назадъ по дорогѣ къ хутору, предварительно привязавъ обѣихъ лошадей къ забору, примыкавшему къ крайней избѣ,

и настрого приказавъ караулить ихъ сбѣжавшимся ребятишкамъ.

Жара стояла нестерпимая, и солнце пекло во-всю... Къ тому же десятилѣтній Юрикъ былъ тяжелый, крупный мальчикъ и нести его было не легко. По лицу бѣднаго Фридриха Адольфовича текли цѣлые ручьи пота и глаза его выражали мучительную усталость. Бѣдный толстякъ еле-еле передвигалъ ноги подъ чрезмѣрной тяжестью своей ноши. Но онъ не думалъ о себѣ. Всѣ его мысли сосредоточились на несчастномъ ребенкѣ. Онъ совсѣмъ позабылъ о томъ, какъ много непріятностей и горя причинилъ ему этотъ ребенокъ за короткое время его пребыванія на хуторѣ.

— Бѣдній, бѣдній мальшикъ! — повторялъ поминутно добрый Гроссъ, съ нѣжностью вглядываясь въ блѣдное, худенькое, осунувшееся разомъ личико безчувственнаго Юрика.—Бѣдній, несшастній ребенокъ!— И окончательно забывалъ при этомъ, что онъ самъ умираетъ отъ усталости и еле можетъ передвигать ноги подъ тяжестью своей ноши.

Около самаго хутора ихъ встрѣтилъ испуганный и встревоженный Юрій Денисовичъ, прислуга и дѣти. Послѣднія, какъ и предполагалъ Фридрихъ Адольфовичъ, вернулись на хуторъ и разсказали отцу про несчастье, случившееся съ Юрикомъ. Тотъ выбѣжалъ на встрѣчу сыну, самъ не менѣе блѣдный, нежели Юрикъ, все еще безъ чувствъ лежавшій на груди выбившагося изъ силъ Гросса.

Мальчика тотчасъ же понесли въ его комнату и уложили въ постель.

Пріѣхавшій къ вечеру изъ уѣзднаго города докторъ нашелъ у Юрика вывихъ плеча и общее сотрясеніе организма.

Плечо вправили, но бѣдный мальчикъ страдалъ при этомъ невыносимо. Его непослушаніе обошлось ему очень дорого на этотъ разъ. Бѣдный Юрикъ заболѣлъ и долженъ былъ оставаться нѣсколько дней въ постели.

ГЛАВА XX.

Добрый ангелъ.
Примиреніе.

ПЯТЫЙ день лежалъ уже Юрикъ. Вывихнутое плечо нестерпимо болѣло. Мальчикъ все время нылъ и капризничалъ вслѣдствіе своей болѣзни.

— Фридрихъ Адольфовичъ,—звалъ онъ поминутно гувернера,—дайте мнѣ пить! Неужели-же вы не видите, какъ засохли мои губы! Я хочу пить! Пить! Пить! Пить!

— Но, милый мальшикъ! Ви уже випили два стаканъ! Такъ много пить вредно. И докторъ запретилъ вамъ это,—слабо возражалъ больному добрякъ Гроссъ.

— Но докторъ ничего не понимаетъ, — раздражаясь, говорилъ Юрикъ.—Дайте мнѣ пить, вамъ говорятъ...

— Вотъ, вотъ питье! Пейте, только не вольнюйтесь; для васъ вредно вольноваться,—торопливо успокаивалъ его Фридрихъ Адольфовичъ, поднося питье къ дѣйствительно запекшимся отъ жара губамъ мальчика.

— Да развѣ это питье! Это бурда какая-то!—

чуть не плача, кричалъ Юрикъ и выплескивалъ лимонадъ изъ стакана прямо на одѣяло и на подушку, глядя въ лицо гувернера сердитыми, блестящими отъ гнѣва глазами.

— Ай, ай, ай!—покачивая головою, кротко увѣщевалъ его тотъ,—развѣ можно такъ поступать! Ай, ай, ай! Ви облилъ себя все кругомъ изъ стакана!

И онъ съ чисто ангельскимъ терпѣніемъ мѣнялъ наволочки и одѣяло на постели больного и ни одного слова упрека или неудовольствія не срывалось съ его губъ.

Юрикъ съ каждымъ днемъ капризничалъ все больше и больше, всячески издѣваясь надъ бѣднымъ Фридрихомъ Адольфовичемъ. Но тотъ сносилъ всѣ капризы и прихоти больного, ничѣмъ не выказывая ему своего нетерпѣнія и неудовольствія. И, только когда капризы эти становились положительно невыносимыми для бѣднаго Гросса,—онъ шелъ къ окну, на которомъ стояла клѣтка съ его другомъ и попугаемъ, и отводилъ душу, какъ говорится, въ разговорѣ съ любимой птицей.

Объ отъѣздѣ своемъ Гроссъ уже не думалъ. Какъ только случилось несчастье съ Юрикомъ, добрый нѣмецъ отложилъ этотъ отъѣздъ на неопредѣленное время.

— Поправится мальшикъ—я и буду уѣхаль,—говорилъ самъ себѣ добрякъ,—а покудова онъ заболѣвайтъ—грѣшно уходійтъ отъ его.

Къ счастью, теперь доброму Гроссу было меньше заботъ съ остальными дѣтьми и онъ могъ все свое

время посвящать больному. Сережа и Бобка, испуганные болѣзнью Юрика, замѣтно притихли и уже не думали объ обычныхъ шалостяхъ и проказахъ. Даже Мая была сильно сконфужена, чувствуя свою вину въ этомъ злополучномъ происшествіи, и не показывалась на хуторѣ. Въ домѣ стояла тишина, какая всегда бываетъ тамъ, гдѣ находятся больные.

А Юрикъ все капризничалъ и капризничалъ безъ конца. И чѣмъ замѣтнѣе поправлялось его здоровье, тѣмъ безсмысленнѣе и чаще были его причуды.

По ночамъ, когда ему не спалось, онъ безъ церемоніи будилъ Фридриха Адольфовича, который спалъ теперь въ его комнатѣ на мѣстѣ Сережи, переведеннаго къ Лидочкѣ и Бобкѣ, и заставлялъ его разсказывать сказки.

Фридрихъ Адольфовичъ, измученный за день вѣчной возней у постели Юрика, безропотно вставалъ среди ночи и всячески развлекалъ своими разсказами больного.

И какихъ только сказокъ не разсказывалъ Юрику добрый старикъ! Въ нихъ говорилось и о колдунахъ, и о добрыхъ волшебникахъ, о феяхъ и карликахъ, оборотняхъ и вѣдьмахъ. А Юрикъ все оставался недовольнымъ, все ему не нравилось, все раздражало его!

Стоялъ жаркій іюльскій день. Юрикъ чувствовалъ себя значительно лучше, вывихнутое плечо почти не болѣло и только общая слабость не позволяла ему еще встать съ постели. Въ саду подъ его окнами играли дѣти съ пришедшей изъ лѣсного домика Маей. Ихъ

веселые голоса звучали особенно радостно въ этотъ день или такъ, по крайней мѣрѣ, казалось бѣдному, прикованному къ постели Юрику. И это страшно раздражало и волновало выздоравливающаго мальчика. Юрику было досадно и обидно, что онъ самъ не можетъ бѣгать и играть съ дѣтьми и поэтому сегодня онъ особенно мучилъ своими причудами бѣднаго Фридриха Адольфовича.

— Разскажите мнѣ новую сказку,—тянулъ онъ недовольнымъ голосомъ.

И когда добрый Гроссъ началъ разсказывать самую интересную сказку, какую только зналъ и помнилъ, Юрикъ перебилъ его на полусловѣ, громко крича сердитымъ голосомъ:

— Какая гадкая сказка! Фи! Неужели вы ничего не знаете лучшаго?

Не успѣлъ добрякъ-нѣмецъ отвѣтить что-либо своему воспитаннику, какъ съ окна, гдѣ стояла клѣтка попугая, прозвучала та-же самая фраза, произнесенная пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Какая гадкая сказка! Фи! Неужели вы ничего не знаете лучшаго?

Это попка, слышавшій уже не разъ одну и ту-же фразу, запомнилъ ее и теперь очень удачно передразнилъ ею Юрика.

Фридрихъ Адольфовичъ не могъ не улыбнуться на выходку своего любимца.

— А-а! Вы смѣетесь надо мною, и вы и ваша гадкая птица!—выходя изъ себя отъ гнѣва, вскричалъ Юрикъ.—Не хочу ее. Уберите ее отсюда! Выпустите

ее изъ клѣтки въ садъ! Она мнѣ надоѣла, она мнѣ мѣшаетъ!—И онъ неожиданно залился капризными, злыми слезами.

— Ну, корошо! Ну, корошо! Я относиль ево въ мой комнатъ!—засуетился испуганный слезами мальчика Фридрихъ Адольфовичъ.

— Нѣтъ! И изъ комнаты вашей мнѣ слышенъ его противный голосъ! — все громче и громче кричалъ Юрикъ.—Пустите его въ садъ! Въ садъ пустите! Видѣть его не могу, противнаго! Не могу! Не могу! Не могу!

— Корошо! Корошо!—успокаивалъ Гроссъ расходившагося мальчика.—Я буду его выпускаль въ садъ! Не вольнюйтесь ви только, не тревожьтесь! Вамъ вредно это—ви больны.

И, поспѣшивъ къ клѣткѣ, онъ вынулъ оттуда попку и пустилъ его изъ окна въ садъ. Послѣдній, важно нахохлившись, съ гордо поднятой головой, важно зашагалъ по дорожкѣ. А Юрикъ, довольный тѣмъ, что поставилъ на своемъ, разомъ успокоился и сталъ внимательно слушать сказку о «воздушномъ замкѣ», прерванную его неожиданнымъ капризомъ.

Между тѣмъ у бѣднаго Фридриха Адольфовича сердце ныло отъ страха за своего пернатаго питомца. Выпущенный на свободу попка могъ свободно уйти и заблудиться гдѣ-нибудь за хуторомъ; наконецъ, его могла заклевать домашняя птица, разорвать собака и мало ли еще какіе ужасы грозили попугаю, выпущенному впервые въ садъ изъ клѣтки.

И страхи Фридриха Адольфовича оправдались. Едва только онъ дошелъ въ своей сказкѣ до того

мѣста, когда принцъ Солнце поссорился съ принцессою Луною, неожиданно раздались отчаянные крики въ саду.

Кричали не только дѣти, кричалъ пронзительно и тоскливо хорошо знакомый старому гувернеру голосъ. Бѣдный Фридрихъ Адольфовичъ весь даже поблѣднѣлъ отъ ужаса. Онъ со всѣхъ ногъ бросился къ окну и, высунувшись въ садъ, громко спрашивалъ, что случилось.

Въ ту-же минуту на крокетной площадкѣ, гдѣ играли дѣти, прозвучалъ плачъ Бобки, крикъ Митьки и взволнованный голосъ Сережи, приказывающій кому-то:

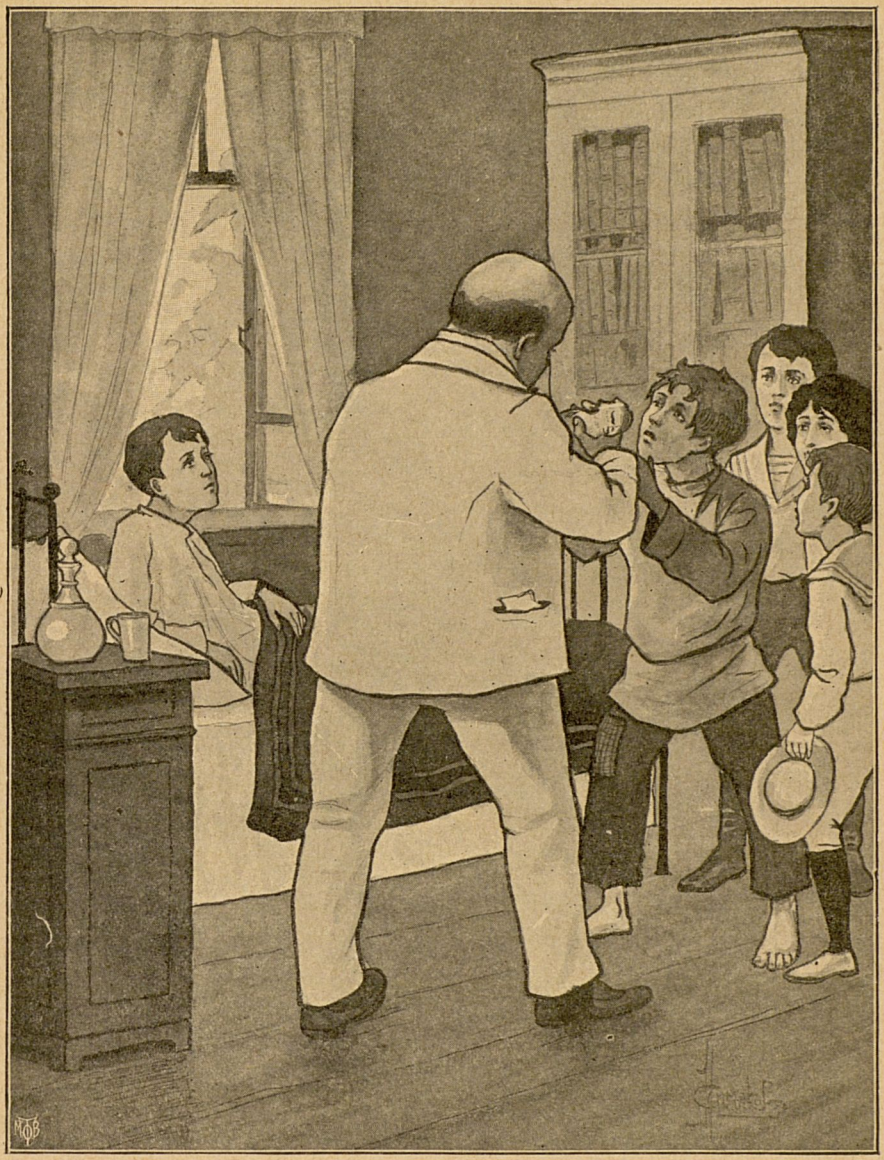
— Неси къ Фридриху Адольфовичу, прямо къ нему неси!

— Боше мой! Да што-ше слючиль? Што слючиль? Што слючиль наконецъ?—шепталъ въ страхѣ испуганнымъ голосомъ Гроссъ.

— Ахъ, ничего не случилось!—раздраженно проговорилъ Юрикъ,—просто кто-нибудь разквасилъ себѣ носъ и...

Юрику не пришлось докончить своей фразы. Дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вошли дѣти: Сережа, Бобка и Мая съ Митькой во главѣ. На рукахъ Митьки билось и трепетало маленькое окровавленное тѣльце попугая со свернутой на бокъ и безсильно повисшей хохлатой головкой.

Фридрихъ Адольфовичъ со всѣхъ ногъ бросился къ Митькѣ, выхватилъ у него несчастную птичку и со стономъ прижалъ ее къ своей груди. А Митька меж-



На рукахъ Митьки трепетало маленькое окровавленное тѣльце попугая...

ду тѣмъ разсказывалъ, широко размахивая руками и тараща свои и безъ того вытаращенные глаза:

— Они шли...—говорилъ онъ, торопясь и захлебываясь, указывая пальцемъ на умирающаго попку,— они шли, значитъ, а она... т.-е. кошка, значитъ, какъ шастнетъ изъ-за угла-то... Ну, я и того... камнемъ... А она... задави ее телѣга, ихъ какъ схватитъ... да бѣгомъ, да бѣгомъ... А у нихъ ужь, глядишь, и глазки закатились и головка на сторону... Извѣстно, кошка... не кто другой... Ну, тутъ я опять камнемъ... Ей въ ногу угодилъ... На трехъ лапахъ ушла, а ихъ бросила поперекъ дорожки... Мы и подняли, значитъ...

— О, Боше мой! Боше мой!—прошепталъ съ тоскою Фридрихъ Адольфовичъ и съ укоромъ взглянулъ на Юрика.

Юрикъ лежалъ блѣдный и глубоко потрясенный этой сценой, отлично сознавая свою вину и передъ Гроссомъ, и передъ его несчастнымъ любимцемъ. Умирающій попка еще слабо трепеталъ своими крылышками. Его круглые глазки смотрѣли прямо въ глаза своему хозяину.

Вотъ онъ еще разъ вздрогнулъ и, закативъ глазки, затихъ безъ движенія.

— Мой бѣдній другъ! Мой бѣдній попагайчикъ!— воскликнулъ Фридрихъ Адольфовичъ съ тоской и выбѣжалъ изъ комнаты съ птицей на рукахъ...

. . . . . .

. . . . . .

— Кто это плячитъ? Юрикъ, ви?—раздался среди ночной тишины голосъ Фридриха Адольфовича.

Не получая отвѣта, онъ тотчасъ же вскочилъ съ постели и, подойдя къ кроваткѣ Юрика, съ озабоченнымъ видомъ наклонился надъ мальчикомъ. Вмигъ двѣ горячія дѣтскія ручонки схватили его руку и поднесли къ губамъ, обливая ее слезами.

— Фридрихъ Адольфовичъ! Милый, дорогой Фридрихъ Адольфовичъ! — вырвалось съ рыданьемъ изъ груди Юрика,—я негодный, гадкій, скверный мальчишка, но я даю вамъ слово исправиться! Я не буду больше! Никогда въ мірѣ не буду! О, какъ я былъ золъ! Какъ много непріятностей причинилъ я вамъ! Простите меня! Ради Бога простите! Или нѣтъ, не прощайте лучше! Сердитесь на меня! Браните меня, только не уѣзжайте отъ насъ! пожалуйста, не уѣзжайте! Дайте мнѣ возможность загладить всѣ мои ужасные поступки передъ вами, доказать вамъ, что я глубоко раскаиваюсь въ нихъ! Вы не уѣдете, нѣтъ? Умоляю васъ, скажите.

— О, дитятко мое! — произнесъ растроганнымъ голосомъ добрый Гроссъ и крѣпко обнялъ и поцѣловалъ мальчика.

— Не цѣлуйте меня! Я не стою вашихъ ласкъ... Вы добрый, хорошій, а мы дурные и гадкіе, — все еще плача, шепталъ Юрикъ.—Но теперь я исправлюсь и братьямъ велю быть иными... т.-е. Сережѣ.. Бобка и безъ того лучше насъ всѣхъ... И Маѣ скажу... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я не сталъ хорошимъ раньше,—тогда-бы бѣдный попка остался живъ!

— Мальчикъ мой дорогой,—произнесъ Фридрихъ Адольфовичъ, глубоко растроганный его словами, —

если смерть попагайчика помогиль исправить тебѣ твой характеръ и перестать дѣлать злой шалости, то

пускай умеръ попагайка и я вмѣсто ево нашелъ хорошаго друга въ моемъ мальшикѣ. Не такъ-ли?

— О, да! Друга, именно друга!—вскричалъ Юрикъ съ горячностью.—Но вы не уѣдете отъ насъ, вѣдь нѣтъ? Милый, дорогой, хорошій Фридрихъ Адольфовичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никуда я не буду уѣхаль отъ

тебѣ!—произнесъ послѣдній ласковымъ голосомъ.—Вѣдь я любиль всѣхъ васъ! Я зналь, что ви хотя и большой шалюни, но добрыя, сердечныя дѣти. И я шастливъ, что не ошибся.

Въ эту ночь Юрикъ уснулъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ на рукахъ своего новаго друга Фридриха Адольфовича.

ГЛАВА XXI.

Нежданный гость.

ЮРИКЪ сдержалъ свое слово: и онъ и его братья теперь рѣшили всячески угождать и радовать добряка Гросса. Хотя Юрикъ еще не выздоровѣлъ вполнѣ и оставался въ постели, но старался всѣми силами облегчить доброму Гроссу его уходъ за нимъ. Капризы и требованія Юрика разомъ прекратились, и изъ упрямаго, настойчиваго и требовательнаго больного онъ превратился въ трогательно покорнаго ребенка. Бобка и Сережа, видя такое смиреніе со стороны своего «главаря» Юрика, стали, по своему обыкновенію, подражать ему во всемъ.

— Чтой-то наши сорванцы словно угомонились?— недоумѣвала няня Ирина Степановна, подозрительно поглядывая на дѣтей.

Однажды утромъ мальчики сидѣли на своемъ любимомъ мѣстѣ въ саду подъ старой липой; тутъ же подлѣ нихъ лежалъ и Юрикъ, вынесенный на солнышко вмѣстѣ со своей постелью.

Фридрихъ Адольфовичъ разсказывалъ по обыкно-

венію одну изъ своихъ интересныхъ сказокъ, которыхъ онъ зналъ безсчетное количество, когда неожиданно по дорогѣ за оградой сада прозвучали копыта лошадей, и коляска, запряженная взмыленной тройкой, остановилась у воротъ усадьбы.

— Это папа вернулся съ поля!—вскричалъ Бобка.

— Нѣтъ, не папа, папа поѣхалъ въ бричкѣ, а это чужой экипажъ, да и лошади чужія,— возражалъ ему Сережа.

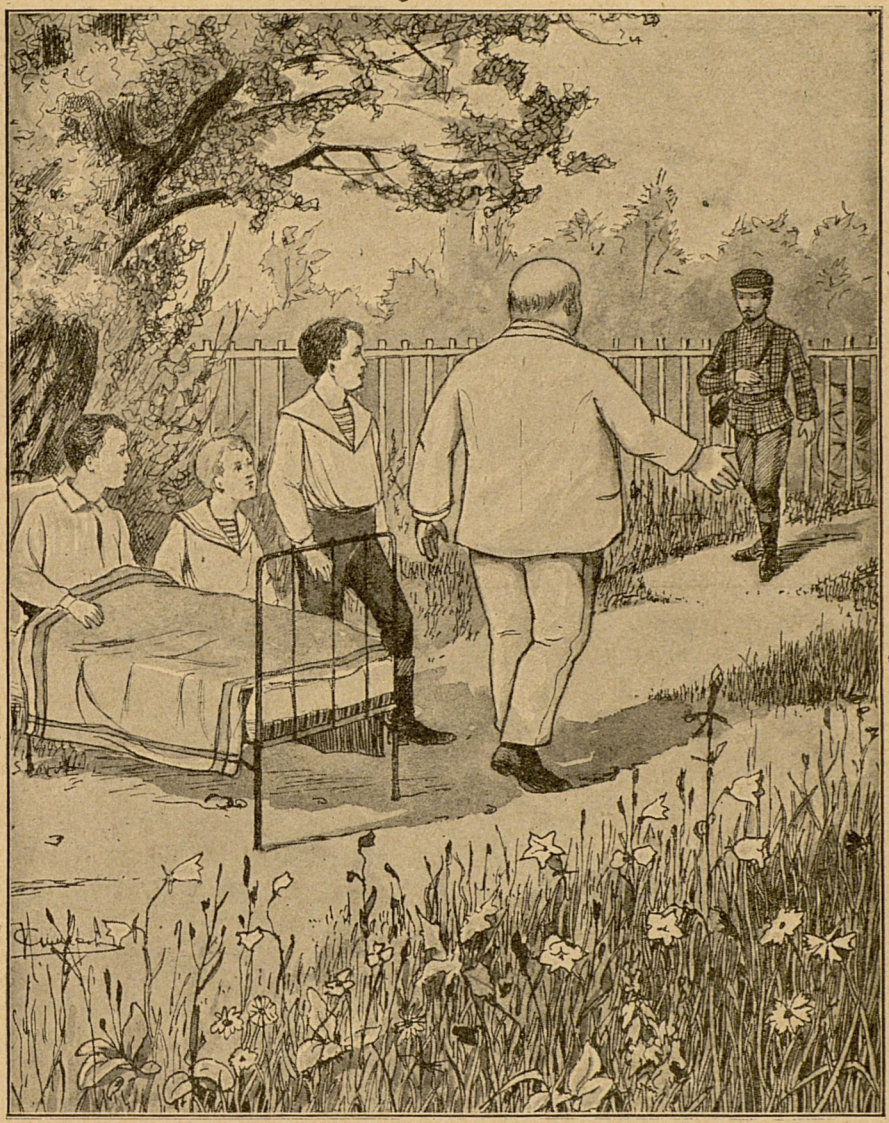
Юрикъ, поднявшись на локтѣ, старался разглядѣть находившагося въ коляскѣ господина.

Вотъ незнакомый господинъ выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ ворота. Это былъ еще молодой человѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ и черной бородкой, одѣтый въ изящный дорожный костюмъ, съ сумкою черезъ плечо, какія обыкновенно носятъ путешественники.

Едва только незнакомецъ успѣлъ приблизиться къ скамьѣ подъ липой, какъ Фридрихъ Адольфовичъ вскочилъ со своего мѣста и съ громкимъ, радостнымъ крикомъ обнялъ пріѣзжаго.

— Витенька мой! Князенька мой! Дрюшочекъ мой! Не обмануль, пріѣкаль!—лепеталъ онъ, чуть не плача отъ радости и цѣлуя молодого человѣка.

Вновь прибывшій казался не менѣе растроганнымъ, нежели Фридрихъ Адольфовичъ. Онъ ласково трепалъ по плечу Гросса, называлъ его «милымъ Фриценькой» и смотрѣлъ на него радостными, счастливыми глазами, Потомъ, когда первый порывъ восторга понемногу утихъ, господинъ Гроссъ подвелъ незнакомца къ



Незнакомый господинъ выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ ворота...

дѣтямъ и проговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Вотъ, Витенька, мой новіе воспитанники! Полюбите ихъ, если можно!

Князь Виталій (такъ какъ это былъ онъ) перецѣловалъ всѣхъ трехъ мальчиковъ Волгиныхъ.

— Очень радъ, очень радъ познакомиться, — говорилъ онъ любезно, сіяя имъ своими добрыми темными глазами и милой, ласковой улыбкой.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Юрій Денисовичъ съ поля и очень обрадовался при видѣ гостя.

— Мы такъ много слышали о васъ хорошаго отъ Фридриха Адольфовича,—проговорилъ онъ любезно,—что уже успѣли полюбить васъ заочно!

За обѣдомъ князь Виталій разсказывалъ, какъ онъ учился за границей и жилъ тамъ всѣ эти 6 лѣтъ. Говорилъ о своемъ отцѣ, который остался ожидать, его въ Парижѣ.

— Развѣ вы не надолго къ намъ пріѣхали?—спросилъ Юрій Денисовичъ молодого князя.

— О, это будетъ зависѣть отъ моихъ дѣлъ,—отвѣтилъ тотъ и, незамѣтно переглянувшись съ Фридрихомъ Адольфовичемъ, онъ остановилъ взглядъ на слѣпой Лидочкѣ.

Вообще Сережа и Бобка замѣтили сразу, что гость подолгу смотрѣлъ на ихъ слѣпую сестрицу, точно изучая ея лицо.

Послѣ обѣда Фридрихъ Адольфовичъ, гость и хозяинъ дома выслали дѣтей изъ столовой и, плотно закрывъ двери, о чемъ-то долго и тихо совѣщались.

Мальчики побѣжали къ Юрику, обѣдавшему у себя на постели въ дѣтской, и таинственно сообщили ему объ этомъ.

Юрикъ ломалъ себѣ голову, о чемъ бы могли такъ долго говорить старшіе, но ничего не могъ придумать на этотъ разъ.

Одна только слѣпая Лидочка, казалось, мало обращала вниманія на то, что вокругъ нея происходило. Она послѣ обѣда тихонько побрела на излюбленное дѣтьми мѣсто подъ старой липой, гдѣ погрузилась въ задумчивость по своему обыкновенію, чутко прислушиваясь къ пѣнію птичекъ и трескотнѣ кузнечиковъ, прыгающихъ въ травѣ.

Дѣвочка сидѣла такъ довольно долго, до тѣхъ поръ, пока не послышались шаги на дорожкѣ и ласковый голосъ отца не окликнулъ ее:

— Ты здѣсь, моя дѣточка? А мы съ княземъ искали тебя повсюду.

И большая нѣжная рука тотчасъ-же легла на золотистую головку слѣпого ребенка.

— Вы ничего не видите, дитя мое?—спросилъ ее добрый, ласковый голосъ молодого доктора.—Но вѣдь было время, когда вы видѣли природу и любовались ею?

— Да! Но это было такъ давно! — произнесла со вздохомъ Лидочка,—теперь я начинаю уже позабывать ее немного, и что бы я ни дала на свѣтѣ, чтобы увидѣть ее снова!

— И вы увидите ее съ Божьей помощью, дитя мое!—произнесъ съ увѣренностью князь Виталій.—Вѣдь вы позволите мнѣ полѣчить ваши больные глаза? Вы со-

гласитесь перенести непріятную, тяжелую операцію, чтобы потомъ быть здоровой и зрячей, какъ другія дѣти?

— О да, я сдѣлаю все, что хотите! — произнесла горячо слѣпая,—только верните мнѣ зрѣніе, добрый докторъ!

— Отлично! — произнесъ дрогнувшимъ голосомъ князь.—Завтра вы съ папой переселитесь со мной въ городъ, и мы начнемъ ваше лѣченіе. Но не говорите ни слова объ этомъ братьямъ. Я вѣрю, что съ Божьей волей лѣченіе удастся, и твердо надѣюсь на Его помощь, но лучше, если никто изъ дѣтей не будетъ знать объ этомъ до поры до времени...

— Я сдѣлаю такъ, какъ вы хотите! — произнесла маленькая слѣпая съ трогательной покорностью въ голосѣ.

Въ тотъ-же вечеръ дѣтямъ было объявлено, что ихъ отецъ и Лидочка уѣзжаютъ въ городъ, гдѣ у Юрія Денисовича накопилось много дѣлъ по хутору. А на утро, нѣжно перецѣловавъ своихъ сыновей, Юрій Денисовичъ поручилъ ихъ всѣхъ надзору г. Гросса и няюшки, обѣщавъ вернуться черезъ недѣлю и прося Фридриха Адольфовича ежедневно писать ему въ городъ о здоровьѣ и времяпрепровожденіи сыновей.

Въ то время какъ коляска, принадлежащая Волгинымъ, съ сидящими въ ней отцомъ и дочерью мягко покатилась по дорогѣ изъ хутора, изъ-за лѣсной опушки показалась легкая бричка, въ которой сидѣлъ князь Виталій, и присоединилась къ хуторской тройкѣ.

ГЛАВА XXII.

Маленькій герой.

Въ лѣсномъ домикѣ праздновалось рожденіе Дмитрія Ивановича. Мая задолго до дня семейнаго праздника прибѣжала на хуторъ, чтобы пригласить дѣтей Волгиныхъ провести въ лѣсу цѣлый день. Но оставить дома безъ себя Юрика на такой долгій срокъ Фридрихъ Адольфовичъ никакъ не могъ рѣшиться. И потому, пообѣщавъ Маѣ придти къ нимъ попозднѣе подъ вечеръ, онъ цѣлый день посвятилъ больному. Тотчасъ-же послѣ обѣда Фридрихъ Адольфовичъ попросилъ нянюшку занять его мѣсто около постели Юрика, а самъ поспѣшилъ съ двумя остальными воспитанниками въ лѣсной домикъ. Юрикъ остался съ Ириной Степановной. Ему казалось очень скучнымъ лежать въ постели. Пока было еще свѣтло, мальчикъ читалъ книжки, но когда понемногу стало смеркаться (августовскія сумерки наступаютъ рано), Юрикъ началъ замѣтно тосковать.

— Скорѣе-бы наши вернулись!—говорилъ онъ нянѣ,

поминутно вздыхая и ворочаясь въ постели съ боку на бокъ.

— Да рано еще, Юрушка,—отвѣчала та,—поди, еще и восьми часовъ нѣтъ.

— Даже и восьми нѣтъ! А иллюминація и фейерверкъ начнутся только въ 10! — произнесъ печальнымъ голосомъ мальчикъ.

— Кто-жъ виноватъ, что не пришлось и тебѣ повеселиться въ гостяхъ! Шалилъ-бы поменьше, такъ и не болѣлъ-бы зря-то!—заворчала на мальчика Ирина Степановна, которую послѣ всѣхъ ея хлопотъ и заботъ по хозяйству такъ и тянуло уснуть гдѣ-нибудь хорошенько въ уютномъ и тепломъ уголку.

— Ступай спать, нянечка,—предложилъ Юрикъ старушкѣ.

— Ну, а ты одинъ, што-ли, останешься? — спросила та своимъ добродушнымъ, ворчливымъ тономъ.

— И я тоже усну. Наши не скоро еще вернутся и я успѣю отлично выспаться до ихъ пріѣзда. Право, нянечка, ступай и ты.

— Инъ ладно!—согласилась Ирина Степановна,— будь по-твоему, пойду и сосну маленечко. А что понадобится ежели, то ты мнѣ постучи въ стѣнку, слышишь?—И, перекрестивъ Юрика, старушка, охая и кряхтя, поплелась въ свою комнату, находившуюся по сосѣдству съ дѣтской.

Юрикъ поворочался съ боку на бокъ въ постели и вскорѣ уснулъ. Странные сны въ этотъ вечеръ снились мальчику. То ему грезилось, что Фридрихъ Адольфовичъ, одѣтый въ нянинъ чепецъ и пеструю

шаль, ѣдетъ верхомъ на Буренкѣ, а за нимъ, пятясь задомъ, ползетъ черный ракъ, тотъ самый, котораго они засадили въ табакерку; за ракомъ ковыляетъ попка и кричитъ ему, Юрику, что-то сердитымъ голосомъ, мотая своей хохлатой головкой. Мальчику стало даже жарко во снѣ... Дыханіе спирало въ его груди, сердце стучало... Наконецъ, Юрикъ сдѣлалъ усиліе во снѣ и проснулся. Проснулся и обмеръ отъ неожиданности. Въ комнатѣ было свѣтло, какъ днемъ, и нестерпимо пахло дымомъ и гарью.

Юрикъ вскочилъ съ постели и, какъ былъ, босой, въ одной ночной рубашонкѣ, подбѣжалъ къ окну. Глухой крикъ ужаса сорвался съ губъ Юрика, и онъ едва удержался на ногахъ отъ испуга. Находящійся неподалеку отъ господскаго дома домикъ птичницы Аксиньи пылалъ, какъ свѣча, со всѣхъ сторонъ охваченный пламенемъ

— Пожаръ!—вихремъ пронеслось въ головѣ испуганнаго на смерть мальчика и онъ заметался по комнатѣ, хватая по пути одежду и кое-какъ набрасывая ее на себя.

— Барчонокъ! Егоръ Егорычъ! Егорушка! — послышался за окномъ чей-то дрожащій и испуганный голосъ, голосъ Митьки, стоявшаго подъ окномъ и ярко освѣщеннаго пламенемъ,—горимъ мы... сейчасъ проснулся это я, кругомъ-то дымъ... огонь... страсти! Какъ есть горимъ! Ой, ой, бѣда, бѣда-то!

— Митька! Ты это?—высовываясь въ окно, спросилъ Юрикъ.

— Я! я! Бѣда-то. Ахти, бѣда! Горимъ! тетка со

свѣчой на чердакъ пошла. Свѣчу оборонила въ солому. Шасть и загорѣлось! Ой-ой-ой! сгоримъ, сгоримъ до-тла, какъ ни-на-есть, право!

И Митька заревѣлъ въ голосъ, вытирая слезы грязными маленькими кулачками.

— Надо позвать Савельича. Разбуди его или кучера!—приказалъ дрожащимъ голосомъ Юрикъ.

— Нѣтъ ихъ! Кучеръ господъ повезъ къ лѣсничему и тамъ остался, а приказчикъ только ночью изъ города вернется. На хуторѣ только мы, да бабы, да сторожъ. Я хотѣлъ за помощью въ деревню скакать, да боюся, мнѣ не повѣрятъ мужики-то! што я имъ-то! Вотъ, коли ты за ними съѣздишь, такъ они въ одну минуту набѣгутъ и огонь затушатъ. Да боленъ ты, не сможешь!

— Не смогу хуторъ отстоять отъ огня, не смогу?— горячо вырвалось изъ груди Юрки.—Да не сгорѣть же хутору. Забыть болѣзнь надо въ такое время! Ахъ, Господи! Вотъ несчастье! Бѣдный папа! Митька, бѣги, разбуди сейчасъ-же женщинъ, да смотри, не испугай ихъ зря-то. А только чтобы наготовѣ были... да всѣ цѣнныя вещи вынесли подальше отъ дома на всякій случай... Да Аркашку мнѣ сюда! Аркашка смирный и не сброситъ, какъ Вострякъ. Скорѣе Аркашку, а потомъ бѣги будить!

— Да ты чтой-то надумалъ? А? — испуганно тараща глаза, спрашивалъ Митька.

— Не твое дѣло. Нянѣ скажи, что я къ лѣсничему поѣхалъ... Да скорѣе Аркашку сюда веди. Ради Бога, каждая минутка дорога!

— Да какъ-же ты больной-то?

— Молчи!—такъ строго крикнулъ на своего пріятеля Юрикъ, что Митькѣ только и оставалось повиноваться.

Черезъ минуту, наскоро взнузданный Аркашка стоялъ уже у крыльца и Юрикъ, едва державшійся на ногахъ отъ слабости, карабкался въ сѣдло при помощи Митьки. Плечо у мальчика еще далеко не зажило и сильно поламывало при каждомъ движеніи, къ тому-же его сильно знобило, и общая слабость сковывала всѣ члены. Онъ едва-едва могъ вскарабкаться въ сѣдло и, схватившись обѣими руками за поводья, изо всѣхъ силъ ударилъ ногами бока Аркашки. Тотъ въ одинъ мигъ вылетѣлъ изъ хуторскихъ воротъ и помчался стрѣлой по направленію деревни.

Юрикъ почти не сознавалъ своего болѣзненнаго состоянія и слабости, охватившей его съ той же минуты, какъ только онъ покинулъ теплую, мягкую постельку и сѣлъ на высокую спину Аркашки. Юрикъ зналъ и чувствовалъ только одно, что ему необходимо въ одну минуту домчаться до деревни, созвать крестьянъ и во что-бы то ни стало отстоять, спасти отъ огня отцовскій хуторъ.

Уже будучи въ полверстѣ отъ усадьбы, мальчикъ разслышалъ отчаянно-испуганные крики, несшіеся за нимъ вдогонку, и громкій плачъ женщинъ: очевидно, разбуженныя Митькой, няня, Евгеша и Матрена выражали этими криками свой ужасъ при видѣ пожара.

— Скорѣе! скорѣе! Аркашенька, милый! — лепеталъ Юрикъ, погоняя и безъ того несущуюся стрѣ-

лой лошадку—надо какъ можно скорѣе скакать! Дорогой, ненагляденькій! хуторъ спасти надо, папинъ хуторъ, Аркашенька!

И чуткій конь, казалось, понималъ маленькаго всадника и все ускорялъ и ускорялъ свой бѣгъ. Юрикъ уже едва держался въ сѣдлѣ, но все не переставалъ, однако, погонять лошадь.

— Господи! помоги мнѣ добраться до деревни!— лепеталъ бѣдный мальчикъ и сердце его сжималось при одной мысли о томъ, что будетъ, если онъ опоздаетъ съ помощью на хуторъ.

Юрій Денисовичъ съ такой любовью относился къ своему только-что пріобрѣтенному хуторку. Онъ вкладывалъ въ него всѣ свои силы и былъ такъ счастливъ имѣть это крошечное имѣнье, хорошенькую маленькую усадьбу. И вдругъ... отъ одной пустой неосторожности, отъ безпечнаго обращенія съ огнемъ,— она должна погибнуть и обратиться въ груду пепла.

— Бѣдный, бѣдный папа! — шептали съ тоской поблѣднѣвшія губки Юрика и онъ все шпорилъ и шпорилъ уже успѣвшаго покрыться пѣной коня.

Жутко, страшно было нестись такъ одному, безпомощному и больному мальчику.

Было около половины десятаго вечера, а уже кругомъ стояла полная тьма, какъ бываетъ въ началѣ августа.

Пока дорога шла полемъ, было еще не такъ жутко бѣдному Юрику, но когда Аркашка поскакалъ по узкой лѣсной тропинкѣ, сердце мальчика екнуло и сжалось страхомъ. Кругомъ его тѣсно обступали кусты

и деревья, протягивая свои сучковатыя вѣтви, казавшіяся въ темнотѣ длинными, цѣпкими, мохнатыми руками. Юрику невольно приходили теперь на умъ колдуны, лѣшіе и прочія «страсти» изъ сказокъ, въ которыя онъ, конечно, не вѣрилъ, но которыя невольно чудились ему въ эту ночь, благодаря его разстроенному отъ болѣзни воображенію. Голова мальчика кружилась и болѣла, въ ушахъ звенѣло... Его поблѣднѣвшее лицо покрылось холоднымъ липкимъ потомъ. Онъ едва держался въ сѣдлѣ.

Наконецъ, вдалекѣ показались желанные огоньки деревни. Юрикъ еще разъ ударилъ каблуками крутые бока Аркашки и понятливая лошадка въ одну мнуту вынесла его изъ лѣса и домчала до крайней деревенской избушки.

— Пожаръ на хуторѣ! Мы горимъ! Спасите насъ, братцы! Бѣгите тушить скорѣе!—могъ только произнести задыхающимся голосомъ несчастный мальчикъ, вбѣжавъ въ первую избу, и какъ подкошенный упалъ безъ чувствъ на чьи-то заскорузлыя крестьянскія руки.

. . . . . .

. . . . . .

Благодаря смѣлости и отчаянной стойкости Юрика, прибѣжавшіе во-время крестьяне отстояли и господскій домъ, и пристройки хутора, все, кромѣ Аксиньиной избушки, которая сгорѣла дотла. Крестьяне подоспѣли какъ-разъ во-время, въ ту минуту, когда крыша главнаго строенія начинала уже тлѣть отъ переброшенной на нее вѣтромъ искры.

Когда Фридрихъ Адольфовичъ и мальчики вер-

нулись изъ лѣсного домика, все уже было кончено. Только груда углей и обгорѣлыхъ балокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла раньше Аксиньина изба, да сильный запахъ гари свидѣтельствовали о пожарѣ.

Юрикъ, принесенный на рукахъ крестьянами на хуторъ, приведенный уже въ чувство, разсказалъ все, скромно умалчивая, однако, о своемъ поступкѣ. Но крестьяне не могли умолчать о «еройствѣ» барчонка, какъ выразился одинъ изъ нихъ, высокій, сѣдой, какъ лунь, старикъ-староста, поглаживая черноволосую головку Юрика, окончательно обезсиленнаго всѣмъ происшедшимъ.

— Ай да баринъ,—говорилъ онъ, любовно заглядывая въ глаза уложеннаго въ постель смѣлаго мальчика,—и молодецъ-же ты! Кабы не ты, такъ отъ хутора одинъ бы пепелъ остался, право-слово.

И всѣ наперерывъ цѣловали и ласкали Юрика, выражая удивленіе и восторгъ его поступку. Одна няня приходила въ отчаяніе.

— Кабы не пошла я спать,—говорила она, поминутно прерывая свою рѣчь рыданіями,—такъ не поскакалъ-бы онъ за помощью въ деревню. А теперь, спаси Богъ, заболѣетъ, простудится, что тогда будетъ?

ГЛАВА XXIII.

Праздникъ на хуторѣ. Неожиданное счастье.

Но Юрикъ не заболѣлъ и не простудился. Напротивъ, съ этой злополучной ночи здоровье его быстро пошло на поправку. Онъ вскорѣ всталъ съ постели и вмѣстѣ съ братьями и Маей принялся дѣятельно приготовляться къ встрѣчѣ отца и Лидочки.

Юрій Денисовичъ съ дочерью пробыли не недѣлю, а около двадцати дней въ городѣ и только по прошествіи этого срока назначили письмомъ день своего пріѣзда.

О пожарѣ имъ особенно не писали, и только упомянули вскользь, что сгорѣла изба птичницы, и что Аксинью съ Митькой перевели въ людскую. Вѣсть о поступкѣ Юрика и боязнь за его здоровье могли заставить г. Волгина ускорить свой пріѣздъ и сократить время лѣченія Лидочки, какъ думалось Фридриху Адольфовичу, и онъ предпочелъ скрыть о «событіи» до-поры-до-времени. Изъ писемъ отца мальчики знали,

что Лидочка лѣчится очень упорно въ губернскомъ городѣ, но о послѣдствіи лѣченья Юрій Денисовичъ не писалъ имъ ни слова.

Стоялъ чудесный, теплый, ароматичный августъ. Яблоки зрѣли и наливались въ хуторскомъ саду. Дѣти Волгиныхъ, Мая и Митька, ходили съ серьезными, озабоченными лицами... Завтра должны были пріѣхать дорогіе отсутствующіе, и день ихъ пріѣзда дѣти совмѣстно съ Фридрихомъ Адольфовичемъ рѣшили обставить какъ можно торжественнѣе.

Отецъ и дочь обѣщали привезти съ собой гостя на хуторъ. Князь Виталій, какъ было сказано въ письмѣ Юрія Денисовича, тоже хотѣлъ быть у нихъ и провести съ ними нѣсколько дней.

Программа завтрашняго дня была уже давно готова. Рѣшено было поставить живыя картины, читать стихи и проплясать русскій танецъ, на заранѣе устроенной въ саду сценѣ. Ко всему этому дѣятельно готовились цѣлую недѣлю.

Живыя картины придумалъ самъ Фридрихъ Адольфовичъ, стихи посовѣтовалъ онъ-же, а Мая предложила пляску и пѣсни на садовой площадкѣ между собственноручно сшитыми полотняными декораціями.

Кромѣ дорогихъ пріѣзжихъ, рѣшено было пригласить, въ качествѣ зрителей, Дмитрія Ивановича, всю прислугу и мужиковъ, бабъ и ребятишекъ сосѣдней деревни, которые оказали помощь на пожарищѣ.

Еще наканунѣ весь домъ украсили гирляндами зелени со вплетенными въ ней кустиками красной брусники. Вышло очень незаурядно и красиво.

Матренѣ съ вечера былъ заказанъ самый вкусный обѣдъ: пирогъ съ капустой—любимое кушанье Юрія Денисовича и малиновое мороженое, особенно нравившееся Лидочкѣ.

Малину чистили сами мальчики и потому не мудрено, что носы и губы всѣхъ троихъ лакомокъ казались разбитыми, благодаря красному соку ягодъ, запачкавшему ихъ.

Шалуны такъ ревностно принялись за чистку, что въ какіе-нибудь полчаса блюдо опустѣло, а вазочка, куда должна была перейти вычищенная малина, все еще оставалась пустая. За то у Бобки болѣлъ животъ, и онъ ходилъ, нахохлившись, какъ настоящій индюшонокъ.

Въ этотъ вечеръ мальчики долго не могли уснуть, мечтая о завтрашнемъ празднествѣ.

Фридрихъ Адольфовичъ поминутно перебѣгалъ отъ одной дѣтской постельки къ другой, крестя то одного, то другого изъ своихъ неугомонныхъ воспитанниковъ, переворачивая подъ ними подушки, поправляя сбившіяся одѣяла и всячески упрашивая ихъ уснуть.

Наконецъ мальчики, побѣжденные усталостью, сладко захрапѣли, а за ними слѣдомъ захрапѣлъ и весь хуторъ, погрузившійся въ крѣпкій сонъ.

На другое утро всѣ встали очень рано. Дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда отца и поминутно посылали Митьку за ворота—посмотрѣть, не показался-ли вдали экипажъ.

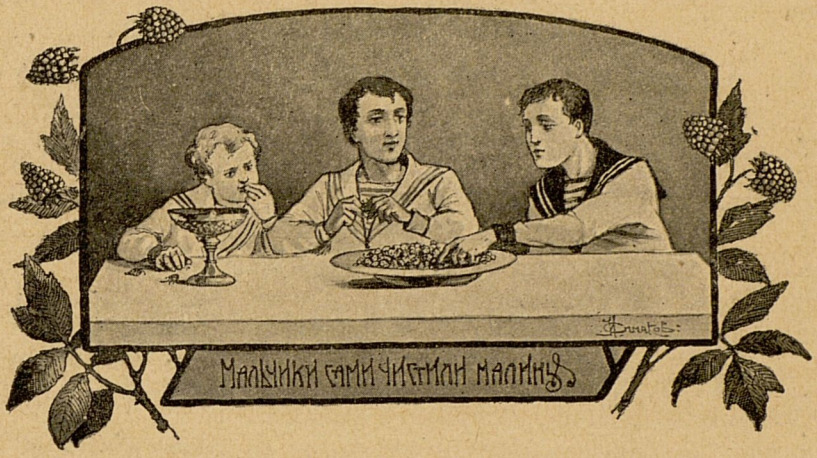
— Ѣдутъ?—накидывались они на Митьку по его возвращеніи.

— Нѣтъ еще!

— Сбѣгай опять, посмотри на дорогѣ.

— Да говорятъ тебѣ—не ѣдутъ! Только зря посылаешь!

И Митька, пріодѣтый въ чистую рубаху, съ гладко прилизанными коровьимъ масломъ вихрами, весь погрузился въ разсматриваніе своихъ новыхъ сапогъ.



Сапоги эти были гордостью Митьки. Ихъ купили ему послѣ пожара дѣти Волгины, сдѣлавъ ради этого складчину изъ своихъ карманныхъ денегъ. Сапоги были очень велики и нестерпимо скрипѣли. Въ этихъ необыкновенно скрипучихъ сапогахъ Митька держалъ себя съ особенной важностью и достоинствомъ.

Наконецъ, всѣ трое дѣтей Волгиныхъ были совершенно одѣты и вмѣстѣ съ Маей, одѣтой въ нарядное бѣлое платьице, съ большимъ букетомъ лѣсныхъ цвѣтовъ въ рукахъ, и Фридрихомъ Адольфовичемъ, сіявшимъ необычайнымъ оживленіемъ, вышли

на крыльцо хуторского дома, чутко прислушиваясь не звякнетъ-ли вдали желанный колокольчикъ.

И вотъ, послѣ цѣлаго часа ожиданія, раздался, наконецъ, вдали этотъ долгоожидаемый звонъ колокольчика, и по хуторской дорогѣ гулко зазвучали копыта лошадей.

— Наши ѣдутъ! Ура! Наши ѣдутъ! — вскричали мальчики хоромъ и подбросили вверхъ свои фуражки.

Дѣйствительно, это были Юрій Денисовичъ, Лидочка и князь Виталій; они подъѣхали къ крыльцу въ коляскѣ, запряженной тройкой. Юрій Денисовичъ быстро вышелъ изъ экипажа и обнялъ разомъ всѣхъ троихъ мальчугановъ, которыхъ не видѣлъ такое долгое время. Лидочка съ помощью князя Виталія тоже вышла изъ коляски и бросилась къ братьямъ.

Мая, въ первую минуту застѣнчиво скрывшаяся за спиною своего перваго друга Юрика, выдвинулась впередъ и, подавая букетъ Лидочкѣ, произнесла своимъ звонкимъ, нѣжнымъ голоскомъ:

— Какъ я рада, милочка, снова увидѣть тебя! Жаль, что ты не можешь видѣть этихъ прелестныхъ цвѣтовъ, которые я для тебя нарвала!

При послѣднихъ словахъ дѣвочки по лицу Лидочки проскользнула чуть замѣтная улыбка, и она поспѣшила погрузить свое вспыхнувшее румянцемъ личико въ душистый букетъ, поданный ей Маей. За обѣдомъ Фридрихъ Адольфовичъ разсказалъ про Юркинъ геройскій поступокъ, и Юрій Денисовичъ, взволнованный, потрясенный до глубины души, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ своего смѣлаго, умнаго и энергичнаго

мальчика. И въ голубыхъ глазахъ Лидочки блестѣли слезы, когда она въ свою очередь обнимала брата. За обѣдомъ пили вино за здоровье Юрика и кричали въ честь его «ура» и взрослые и дѣти. Но полное веселье наступило тогда, когда появился лѣсничій и крестьяне. Фридрихъ Адольфовичъ позвалъ дѣтей переодѣться, а взрослыхъ пригласилъ въ садъ, гдѣ на площадкѣ передъ искусно устроенной при помощи простынь декораціи стояли стулья и скамьи для зрителей.

— Жаль, ты не можешь увидѣть живыхъ картинъ, моя бѣдная, слѣпенькая сестричка,—успѣлъ шепнуть на-ухо сестрѣ Бобка,—но я разскажу тебѣ о нихъ вечеромъ, когда ты будешь лежать въ постелькѣ, какъ, бывало, помнишь, разсказывалъ тебѣ все, что видѣлъ особенно интереснаго за-день.

Лидочка ласково кивнула брату головкой и снова загадочная улыбка скользнула по ея милому личику.

Черезъ полчаса въ саду за декораціями дрогнулъ колокольчикъ и занавѣсъ, сшитый искусными руками нянюшки, раздвинулся на двѣ половинки. Задняя стѣнка сцены была тоже сдѣлана изъ простынь и на нее накололи вѣтки папоротника и лопуха, чтобы придать ей какое-нибудь сходство съ лѣсомъ.

Первымъ на сцену вышелъ Бобка и прочелъ нѣмецкое стихотвореніе. Стихотвореніе было очень трудное и Бобка приложилъ много стараній, чтобы выучить его. Теперь онъ вспотѣлъ даже, силясь запомнить всѣ слова по порядку и произнести ихъ съ подобающимъ выраженіемъ, какъ училъ его Фридрихъ Адольфовичъ.

— Ишь ты, какъ лопочетъ-то, а самъ гляди-кось, какой малюсенькій!—одобрительно говорили въ заднихъ рядахъ крестьяне, ни слова, конечно, не понявшіе изъ того, что декламировалъ барченокъ.

Но вотъ Бобка закончилъ свое стихотвореніе, лихо шаркнулъ ножкой и ушелъ за кулисы!

— Браво! Браво!—кричали ему разомъ и Юрій Денисовичъ, и князь Виталій, и дѣдушка Маи,—браво! молодецъ, ай да Бобка!

И мальчикъ совсѣмъ счастливый скрылся за декораціей.

Но вотъ послышались звуки гармоники и Сережа въ сопровожденіи Митьки выбѣжалъ на сцену. Сережа живѣе заигралъ на гармоникѣ, а Митька, лихо подбоченившись, всталъ въ позу.

— «Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!»—выигрывалъ Сережа и самъ притопывалъ и приплясывалъ на-мѣстѣ, въ то время какъ Митька выдѣлывалъ такіе уморительные прыжки ногами, что едва можно было удержаться отъ смѣха, глядя на него. Шапка у Митьки упала съ головы, бѣлобрысые вихры растрепались и встали дыбомъ, сапоги скрипѣли такъ, что, казалось, заглушали самые звуки гармоники. Самъ Митька такъ и вился вьюномъ, такъ и вертѣлся на мѣстѣ, и вдругъ недовольный, должно быть, тяжестью своихъ скрипучихъ великановъ-сапогъ, онъ неожиданно бухнулся на землю, стащилъ ихъ съ обѣихъ ногъ и пустился уже босой въ присядку.

— Ай да лихо! Ай да парень!—кричали крестьяне, въ то время какъ въ первомъ ряду, гдѣ сидѣли хозя-

инъ съ дочерью и гости, послышался дружный взрывъ хохота.

Занавѣсъ опустили, а Митька, расходившійся не-на шутку, все еще продолжалъ прыгать и вертѣться, какъ волчокъ.

Едва-едва уговорили его прекратить пляску и дать мѣсто другимъ.

Слѣдомъ за Митькой вышли на площадку всѣ дѣти, одѣтыя маленькими мужичками, и встали кругомъ Маи, наряженной русской крестьяночкой, съ душистымъ полевымъ вѣнкомъ на головѣ и съ граблями въ рукахъ. И всѣ они хоромъ пѣли русскія пѣсни, вороша сѣно граблями и приплясывая, кто какъ умѣлъ.

Картина называлась «Уборка сѣна» и ею закончилось первое отдѣленіе праздника, о чемъ торжественно заявилъ Фридрихъ Адольфовичъ, просунувъ свое потное, красное лицо въ щель занавѣса.

— Только шетыре минутка антрактъ!—произнесъ онъ, улыбаясь, нетерпѣливо ожидающей новаго зрѣлища публикѣ.

Дѣйствительно, ровно черезъ четыре минуты, какъ было сказано, занавѣсъ снова раздвинулся и публика увидѣла потѣшнаго сѣденькаго старичка въ парикѣ, сдѣланномъ изъ ваты, съ очками на носу, одѣтаго въ клѣтчатый пиджакъ и полосатые брюки Фридриха Адольфовича. Въ этомъ старичкѣ едва было возможно узнать шалуна Юрика. Онъ изображалъ учителя и держалъ книгу въ одной и линейку въ другой рукѣ. Передъ нимъ стоялъ ученикъ — Митька и какъ-бы отвѣчалъ урокъ учителю. На Митькѣ былъ

надѣтъ старый костюмъ Сережи, а на лицѣ и пальцахъ виднѣлись чернильныя кляксы, нарочно насаженныя ради смѣха.

— Ишь ты, барчукомъ обрядили Митьку хуторского!—загудѣли со смѣхомъ внимательно слѣдившіе за представленіемъ крестьяне.

— Митька! Митька! Шутъ вихрастый! — послышался звонкій голосокъ одного изъ деревенскихъ мальчишекъ въ заднемъ ряду скамеекъ.

Митька, которому и дѣти и Фридрихъ Адольфовичъ строго-на-строго наказывали стоять неподвижно въ живой картинѣ, въ одну минуту позабылъ всѣ ихъ предостереженія. Онъ быстро повернулъ голову въ ту сторону, откуда слышался дѣтскій голосъ, и высунулъ языкъ своему деревенскому пріятелю, вдобавокъ погрозивъ еще кулакомъ въ его сторону.

— Я-жъ тебѣ задамъ трепку!—крикнулъ онъ въ ряды скамеекъ своимъ звонкимъ, задорнымъ голосомъ.

Впечатлѣніе получилось неожиданное, но картина не удалась. Митька совсѣмъ некстати оживилъ ее. Но отъ этого неудачнаго зрѣлища дѣти развеселились, казалось, еще больше.

Снова раздвинулся самодѣльный занавѣсъ и, на этотъ разъ, Юрикъ, одѣтый маркизой, въ подотканной со всѣхъ сторонъ Евгешиной юбкѣ, въ парикѣ, сдѣланномъ изъ пакли искусными руками Фридриха Адольфовича, сидѣлъ въ креслѣ, въ мечтательно-задумчивомъ положеніи, а Мая въ костюмѣ пажа, тоже наскоро сооруженномъ изъ шелковыхъ платковъ, набранныхъ со всего дома, подавала ему букетъ, ставъ

передъ нимъ на одно колѣно. Эта картина могла-бы считаться самой удачной изъ всѣхъ и на нее возлагались всѣ надежды добраго Фридриха Адольфовича, если-бы...

Ахъ, это если-бы!

Еще въ началѣ представленія въ саду за искусно задрапированной и перевитой зеленью задней декораціей слышалось изрѣдка какое-то подозрительное мычаніе. Это заявлялъ о своемъ существованіи сынъ Буренки, привязанный на длинную веревку и щипавшій траву на садовой полянѣ, за площадкой, предназначенной для представленія. Длинная веревка позволила ему подобраться къ самой сценѣ вплотную, и въ ту самую минуту, когда Юрикъ-маркиза съ любезной улыбкой принималъ букетъ отъ пажа-Маи, задняя стѣнка неожиданно распахнулась и въ нее просунулась недоумѣвающая, любопытная голова съ маленькими рожками и чрезвычайно глупыми глазами, глядѣвшими на всѣхъ съ такимъ явнымъ недоумѣніемъ, что и публика, и артисты разразились дружнымъ взрывомъ хохота. Этотъ хохотъ, казалось, ободрилъ теленка; онъ храбро шагнулъ на сцену, просунулъ голову между прелестнымъ пажемъ и очаровательной маркизой, и—гамъ!—душистаго букета какъ не бывало. Теленокъ быстро выхватилъ его изъ рукъ пажа и уничтожилъ въ одну минуту съ поражающимъ аппетитомъ.

Тутъ уже хохотъ среди зрителей и актеровъ достигъ высшихъ размѣровъ. Хохотали хозяева, хохотали гости, хохотали крестьяне. Занавѣсъ сдвинулся подъ оглушительные взрывы этого хохота.

Красный, взволнованный, Фридрихъ Адольфовичъ, ненашутку разсерженный на неожиданное появленіе незваннаго гостя, сталъ изъ всѣхъ силъ гнать злополучнаго теленка со сцены, а тотъ, думая, что съ нимъ играютъ, скакалъ такими уморительными прыжками, убѣгая отъ своего преслѣдователя, что чуть не уморилъ дѣтей со смѣха.

Наконецъ, теленка убрали, къ общему благополучію, дѣти заняли свои мѣста и занавѣсъ снова раздвинулся, для послѣдней картины.

На этотъ разъ Сережа изображалъ маленькаго нищаго, заблудившагося въ лѣсу, а надъ нимъ стоялъ въ бѣлой одеждѣ, съ крыльями за спиною, его ангелъ-хранитель—Бобка.

Это было такое трогательно-прелестное зрѣлище, что публика мигомъ забыла свой недавній хохотъ и приключеніе съ теленкомъ. Зрители, казалось, были растроганы до слезъ. Бобка со своими рыженькими кудерками, съ поднятымъ къ небу милымъ личикомъ, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ походилъ на маленькаго ангела.

Бобка старался не двигаться и стоялъ какъ вкопанный на мѣстѣ. Ему было пріятно сознавать, что на него обращены взоры зрителей, что имъ любуются, что онъ очень милъ въ эту минуту.

И вдругъ до ушей мальчика донесся нѣжный, милый голосокъ, воскликнувшій съ восторгомъ:

— Милый мой Боби! Дорогой Боби! Какъ къ нему идетъ этотъ костюмъ! Онъ настоящій маленькій ангелъ!

Гамъ!—и букета какъ не бывало...

Что возгласъ этотъ принадлежалъ Лидочкѣ, Бобка не сомнѣвался, но какимъ образомъ могла Лидочка видѣть его—Бобку, въ его костюмѣ маленькаго ангела, этого уже мальчикъ понять не могъ. Онъ быстро взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла слѣпая и... даже дыханіе захватило отъ волненія и неожиданности въ груди ребенка.

Прелестные, кроткіе глаза Лидочки, съ самой восторженной радостью, поблескивая слезами, смотрѣли на него прямо въ упоръ, смотрѣли такъ ясно, свѣтло и опредѣленно, какъ не могли-бы смотрѣть слѣпые, незрячіе глаза. И въ одно мгновеніе Бобка сообразилъ и понялъ все. Сомнѣній не было. Лидочка прозрѣла. Лидочка не слѣпая больше. Ей вернули зрѣніе въ губернскомъ городѣ.

И въ одну секунду мальчикъ съ громкимъ, радостнымъ крикомъ бросился въ публику, разстроивъ картину, и, путаясь въ своей длинной бѣлой рубашонкѣ, кинулся къ сестрѣ и замеръ въ ея объятіяхъ.

Остальныя дѣти послѣдовали его примѣру. Въ одну минуту окружили они Лидочку, цѣловали ее наперерывъ, закидывали вопросами. Но Лидочка ничего не могла отвѣчать отъ волненія, она только съ восторгомъ вглядывалась въ дорогія ей личики братьевъ, осыпая ихъ горячими, нѣжными поцѣлуями. Вмѣсто нея Юрій Денисовичъ рѣшилъ разсказать сыновьямъ о новомъ радостномъ событіи.

— Да, дѣти, Лидочка не слѣпая больше, — началъ Юрій Денисовичъ глубоко-растроганнымъ, счастливымъ голосомъ,—она прозрѣла съ Божіей помощью,

Господь послалъ своего добраго ангела спасти ее отъ слѣпоты. Князь Виталій, по переѣздѣ нашемъ въ городъ, послѣ трудной, серьезной операціи, вернулъ зрѣніе вашей сестрицѣ. Поблагодарите же его хорошенько, дѣти. Онъ добрый волшебникъ нашей семьи. Онъ избавилъ насъ отъ большого несчастья.

Едва Юрій Денисовичъ успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ мальчики въ одну минуту окружили князя. Бобка вскарабкался къ нему на колѣни и буквально душилъ его поцѣлуями. Его старшіе братья жали руки молодого доктора и со слезами на глазахъ называли его спасителемъ Лидочки.

Но князь Виталій отклонилъ отъ себя всѣ эти благодарности.

— Вы ошибаетесь, друзья мои, — сказалъ онъ,— если считаете добрымъ волшебникомъ меня... Не будь у васъ одного прекраснаго, чуткаго и добраго человѣка въ семьѣ, я-бы никогда и не узналъ о вашемъ несчастьѣ и не могъ-бы вылѣчить вашу сестрицу. Но одинъ человѣкъ писалъ мнѣ отсюда, усиленно прося пріѣхать къ вамъ и совершить доброе дѣло. Этотъ человѣкъ предлагалъ мнѣ даже деньги изъ своихъ скромныхъ сбереженій на дорогу и молилъ меня въ письмахъ испробовать всѣ средства, чтобы спасти маленькую слѣпую для ея семьи, которую онъ, этотъ добрый человѣкъ, успѣлъ такъ горячо полюбить. Знаете-ли, о комъ я говорю, милыя дѣти?

И дѣти разомъ поняли, о комъ говорилъ князь Виталій.

Добрый маленькій человѣчекъ, скромно пріюти-

вшійся тутъ-же въ сторонкѣ, молча улыбался имъ издалека.

Что-то кольнуло прямо въ сердце Юрика при видѣ этого милаго, кроткаго лица, этой чудной, ласковой улыбки.

«А мы-то смѣялись надъ нимъ! — вихремъ пронеслось въ его головкѣ.—Мы смѣялись надъ нимъ, а онъ... онъ... добрый, чудный, великодушный, чѣмъ онъ отплатилъ намъ за всѣ обиды...»

И съ брызнувшими изъ глазъ слезами, онъ бросился на шею толстенькаго маленькаго человѣчка, сдѣлавшаго такое доброе дѣло и, обливая слезами его лицо и руки, шепталъ:

— О, какъ я люблю васъ, мой милый, добрый Фридрихъ Адольфовичъ!

ГЛАВА XXIV.

Отъѣздъ.

БЫСТРО, какъ сонъ, пролетѣло лѣто.

Сколько веселаго, грустнаго, добраго и хорошаго пришлось пережить дѣтямъ Волгинымъ въ это первое лѣто на ихъ новомъ хуторкѣ!

Въ день отъѣзда — чудный, ясный августовскій день,—вся хуторская семья съ Дмитріемъ Ивановичемъ и Маей, пришедшими проводить Волгиныхъ, и съ княземъ Виталіемъ, ихъ попутчикомъ до губернскаго города (князь въ этотъ-же день уѣзжалъ заграницу), сидѣли въ послѣдній разъ за завтракомъ на террасѣ.

— Прощай, милый хуторокъ! — прошепталъ Сережа, оглядывая грустными глазами садъ, поля и ближнія пристройки усадьбы.

— Прощай до будущаго лѣта! — вторилъ брату Юрикъ.

— Папа! Папа! А какъ-же мы назовемъ его, нашъ хуторокъ?—неожиданно обратился съ вопросомъ къ отцу Бобка.

— Правда, правда! — подхватили хоромъ осталь-

ныя дѣти,—вѣдь у него нѣтъ названія, у нашего хуторка!

— Нѣтъ, друзья мои! Я давно подыскалъ ему названіе, — произнесъ съ значительной улыбкой Юрій Денисовичъ,—названіе въ честь его спасителя: намъ надо твердо помнить, что кто-то, рискуя жизнью, спасъ отъ пожара нашъ хуторокъ. Не правда-ли?

— Да! Да!—горячо подхватили дѣти.—Ты правъ, конечно! Юрка спасъ хуторокъ, пусть хуторокъ и будетъ называться его именемъ — Юркинъ хуторокъ! Юркинъ хуторокъ! Ахъ, какъ это звучитъ славно и красиво!

Юрка не проронилъ ни слова. Весь красный отъ удовольствія и смущенія, онъ только горячо обнялъ отца.

— Какъ мнѣ будетъ скучно безъ васъ!—проговорила Мая, печально взглядывая на своихъ отъѣзжающихъ друзей.

— Мы пріѣдемъ весною снова, не грусти, фея Мая!—утѣшали ее мальчики.

— Почему васъ называютъ феей, милое дитя?—вмѣшался въ разговоръ дѣтей князь Виталій.

Ему объяснили, почему Маю называютъ феей.

— Вы, конечно, добрая фея при этомъ?—спросилъ князь Виталій снова, улыбаясь дѣвочкѣ своей доброй улыбкой.

— Не... не знаю ..—смутилась та.—Должно быть, добрая... Я пою мои пѣсенки...

— И какое-же добро приносятъ онѣ людямъ,

ваши пѣсенки? — спросилъ князь Виталій съ прежней улыбкой.

Мая сконфузилась, отлично сознавая, что пѣсни ея не могутъ принести никакого добра и пользы и что названіе доброй феи къ ней поэтому не идетъ совсѣмъ.

— Не смущайтесь, дитя мое,—ободрилъ ее князь Виталій.—При малѣйшемъ вашемъ желаніи—вы можете сдѣлать много добра.

— Какъ?—съ недоумѣніемъ сорвалось съ розовыхъ губокъ дѣвочки.

— Вы говорите сами, что за ваши звонкія пѣсенки васъ прозвали окружающіе феей... Ну, а если вы будете приносить добро, напримѣръ, помогать бѣднымъ семьямъ крестьянъ, обшивать ихъ дѣтишекъ, учить ихъ грамотѣ, забавлять малышей, когда родители ихъ заняты работой,—такъ не прослывете-ли за это добрымъ ангеломъ среди нихъ.

— Ахъ!—воскликнула Мая,—а я никогда не думала объ этомъ...

— Да и вамъ самой покажется веселѣе и короче скучная зима въ лѣсномъ домикѣ за работой теплыхъ юбочекъ и платьицъ и за обученіемъ грамотѣ ребятъ. Вѣдь вы умѣете шить, Мая?

— О, да! Я шью для моихъ куколъ и читаю, какъ взрослая. Дѣдушка выучилъ меня читать и писать.

— Ну, и прекрасно! А вы въ свою очередь научите другихъ грамотѣ. И вамъ будетъ веселѣе, да и пользу принесете ближнимъ!

Мая молча взглянула на князя благодарными глазами, рѣшивъ въ глубинѣ души исполнить его совѣтъ во что-бы то ни стало.

. . . . . .

. . . . . .

Динь! Динь! Динь!—звенитъ, заливается колокольчикъ.

Топъ! Топъ! Топъ!—гулко звучатъ по дорогѣ копыта лошадей, и тройка бодрыхъ, сытыхъ лошадокъ уноситъ изъ хутора милую, тѣсную семью Волгиныхъ.

Эта семья обогатилась теперь еще однимъ новымъ членомъ: Фридрихъ Адольфовичъ Гроссъ уѣзжаетъ вмѣстѣ со своими воспитанниками въ далекую столицу, чтобы уже никогда не разлучаться съ горячо привязавшейся къ нему Волгинской семьей.

А на крыльцѣ хуторскаго домика стоятъ приказчикъ Андронъ, лѣсничій и Мая.

Они машутъ платками и глядятъ вслѣдъ отъѣзжающей тройкѣ, пока та совсѣмъ не скрывается изъ вида на поворотѣ.

На этомъ поворотѣ стоитъ столбъ съ прибитой на ней дощечкой, обращенной къ хутору.

А на дощечкѣ выведено крупными черными буквами:

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Семейство Волгиныхъ	1
»	II. Странная встрѣча. Мая	7
»	III. Еще неожиданность	12
»	IV. Старшій лѣсничій и его внучка	21
»	V. Юркино слово	27
»	VI. Въ лѣсу. Митькины страхи	32
»	VII. Снова фея Мая	37
»	VIII. Непріятная новость. Секретъ Бобки	45
»	IX. Княжескій домъ. Фея Мая не обманула	49
»	X. Вотъ такъ китаецъ! Фея съ разбитымъ носомъ	54
»	XI. Черныя куры	62
»	XII. Новая шалость	73
»	XIII. За обѣдомъ.—M-eur Жоржъ изъ деревни	80
»	XIV. Тайна г. Гросса	90
»	XV. Неожиданное открытіе	102
»	XVI. Маленькая смутительница	110
»	XVII. Злая продѣлка	118
»	XVIII. Бѣшеная скачка	125
»	XIX. Добромъ за зло	133
»	XX. Добрый ангелъ.—Примиреніе	139
»	XXI. Нежданный гость	151
»	XXII. Маленькій герой	158
»	XXIII. Праздникъ на хуторѣ.—Неожиданное счастье	166
»	XXIV. Отъѣздъ	183

37123.

133
5234